

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

НОВЫЙ
ДООР

Annotation

Ночной дозор, Дневной, Сумеречный и, наконец. Последний. Все? Существует ли конец Пути? Нет! Читайте «Новый Дозор»!!!

- [Сергей Лукьяненко](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
-

Сергей Лукьяненко

Новый Дозор

Моим родителям

Данный текст сомнителен для Дела Света.

Ночной Дозор

Данный текст сомнителен для Дела Тьмы.

Дневной Дозор

Часть первая

Смутные цели

Пролог

Старший сержант Дима Пастухов был хорошим полицейским.

Случалось, конечно, что он воспитывал обнаглевших пьяниц мерами, не предусмотренными уставом, — к примеру, хорошими зуботычинами или пинками. Но только в том случае, когда пьяница всерьез начинал качать права или отказывался следовать в вытрезвитель. Дима не брезговал пятихаткой, вытрясенной у не имеющего регистрации хохла или чурека, — в конце концов, если зарплата полицейского такая нищенская, пусть нарушители платят штраф ему лично. Он ничего не имел против, когда в забегах на подотчетной территории ему вместо стаканчика воды наливали рюмочку коньяка, а с сотни давали тысячу рублей сдачи.

В конце концов, служба есть служба. Она и опасна, и трудна. И на первый взгляд как будто не видна. Должно быть материальное поощрение.

Но зато Дима никогда не выбивал денег с проституток и сутенеров. Принципиально. Было что-то в воспитании, мешающее этим заниматься. Слегка подвыпивших, но сохранивших рассудок граждан Дима зазря в вытрезвитель не тащил. А узнав о реальном преступлении — не раздумывая бросался в погоню за грабителями, честно искал улики, подавал рапорта о мелких кражах (если пострадавшие настаивали, конечно), старался запомнить лица тех, кого «разыскивает полиция». У него были на счету задержанные, включая настоящего убийцу — зарезавшего вначале любовника жены, что простительно; потом жену, что понятно; а потом бросившегося с ножом на соседа, который и сообщил ему о неверности супруги. Возмущенный такой неблагодарностью сосед заперся в квартире и позвонил в «ноль-два». Приехавший на вызов Пастухов задержал убийцу, бессильно колотящего в железную дверь хилыми, пусть и перемазанными в крови интеллигентскими кулачками, а потом долго боролся с желанием вытащить на лестницу соседа-provокатора и начистить ему физиономию.

Так что Дима считал себя хорошим полицейским — и был не так уж далек от истины. На фоне некоторых коллег он выглядел прилежным, словно милиционер Свистулькин из старой книжки про Незнайку в Солнечном городе.

Единственное пятно в служебной биографии Димы относилось к январю девяносто восьмого года, когда он, совсем еще молодой и зеленый, патрулировал вместе с сержантом Каминским район ВДНХ. Каминский

был вроде как наставником молодого милиционера (тогда еще они назывались милиционерами, или попросту «ментами», не было ни модного «полицейского», ни обидного «полицая») и этой своей ролью очень гордился. В основном его советы и назидания сводились к тому, как и где можно легко подзаработать. Вот и в тот вечер, увидев спешащего из метро в переход молодого пьяненького мужика (даже в руке у него была початая чекушка дешевой водки), Каминский радостно присвистнул, и напарники двинулись наперехват. По всему было ясно, что пьяница сейчас расстанется с полтинником, а то и со стольником.

Но что-то не заладилось. Чертовщина какая-то началась. Пьяненький посмотрел на них неожиданно трезвым взглядом (трезвым-то трезвым, только во взгляде было что-то страшноватое, дикое, будто у давно разуверившейся в людях дворовой собаки) и посоветовал напарникам напиться самим.

И они послушались. Пошли к ларькам (последние годы ельцинского бардака истекали, но водку еще продавали прямо на улице) и, хихикая как ненормальные, купили по бутылочке — такой же, как у пьяницы, подавшего дельный совет. Потом еще по одной. И еще.

Через три часа их, веселых и остроумных, забрал с улицы свой же патруль — и это спасло Пастухова и Каминского. Влетело им не по-детски, но из милиции все-таки не выперли. Каминский с тех пор совсем завязал и божился, что встречный пьяница был гипнотизером или даже экстрасенсом. Пастухов напраслину на мужика не возводил и пустых догадок не строил. Но запомнил его крепко.

Исключительно с той целью, чтобы не попадаться на пути.

То ли дурацкая и позорная пьянка так запомнилась, то ли в Пастухове прорезались неожиданные способности, но через какое-то время он стал замечать и других людей со странными глазами. Для себя Пастухов называл их «волками» и «псами».

У первых во взгляде было спокойное равнодушие хищника — не злобное, нет, волк задирает овцу без злобы, а скорее даже с любовью. Таких Пастухов просто сторонился, стараясь при этом не привлечь внимания.

У вторых, больше похожих на давнего молодого пьянчужку, был собачий взгляд. Иногда виноватый, иногда терпеливо-заботливый, иногда грустный. Пастухова смущало только одно: собаки так смотрят не на хозяина, а в лучшем случае на хозяйского детеныша. Поэтому Пастухов сторонился и их тоже.

Довольно долго это ему удавалось.

Если дети — цветы жизни, то этот ребенок был цветущим кактусом.

Орать он начал, едва войдя в разошедшиеся двери «Шереметьево D». Красная от злости и стыда мать (очевидно, крик возобновлялся не в первый раз) тащила его за руку — но мальчишка, откинувшись назад, упирался обеими ногами и вопил:

— Не хочу! Не хочу! Не хочу лететь! Мамочка, не надо! Мамочка, не хочу! Мамочка, самолет упадет!

Мать отпустила руку — и мальчишка грохнулся на пол, где и остался сидеть: толстый, зареванный, некрасивый ребенок лет десяти, одетый чуть легче, чем следовало бы по московской июньской погоде, — явно полет предстоял в теплые края.

Метрах в двадцати от них сидящий за столиком кафе мужчина приподнялся, едва не опрокинув недопитую кружку пива. Несколько мгновений смотрел на мальчика и что-то втолковывающую ему мать. Потом сел и негромко сказал:

— Это ужасно. Это просто кошмар.

— Я тоже так считаю, — поддержала его молодая женщина, сидевшая напротив. Отставила чашку кофе и неприязненно посмотрела на мальчишку. — Я бы даже сказала — омерзительно.

— Ну, омерзительного я тут ничего не вижу, — мягко сказал мужчина. — Но что ужасно... это вне всяких сомнений...

— Лично я... — начала девушка, но умолкла, увидев, что мужчина ее не слушает.

Он достал телефон, набрал номер. Негромко сказал:

— Мне требуется первый уровень. Первый или второй. Нет, не шучу. Поищите...

Прервав связь, он посмотрел на девушку и кивнул:

— Извините, срочный звонок... Что вы говорили?

— Лично я — чайлд-фри, — сказала девушка с вызовом.

— Свободны от детей? Бесплодны, что ли?

Девушка замотала головой:

— Распространенное заблуждение! Мы, чайлд-фри, против детей, потому что они поработают. Надо выбирать — либо ты свободная гордая личность, либо социальный придаток к механизму воспроизводства населения!

— А... — кивнул мужчина. — А я было подумал... проблемы со здоровьем. Хотел посоветовать хорошего врача... Ну а секс вы признаете?

Девушка заулыбалась:

— Ну разумеется! Что мы, асексуалы какие-то? Секс, супружеская жизнь — все это хорошо и нормально. Просто... связывать себя с этими орущими, бегающими...

— Гадящими, — подсказал мужчина. — Они ведь еще гадят непрерывно. И сами даже задницу подтереть не могут поначалу.

— Гадящими! — согласилась девушка. — Именно так! Провести лучшие годы за обслуживанием нужд неразвитых человеческих особей... Надеюсь, вы не собираетесь читать мне мораль и убеждать, что я одумаюсь и заведу кучу ребятишек?

— Нет, не собираюсь. Я вам верю. Я абсолютно убежден, что вы доживете жизнь бездетной.

Мимо прошел мальчишка с матерью — то ли слегка успокоившийся, то ли, что вероятнее, просто смирившийся с тем, что полет состоится. Мать вполголоса выговаривала сыну — доносилось что-то про теплое море, про хороший отель и корриду.

— О Господи! — воскликнула девушка. — Они еще и в Испанию... похоже, мы одним рейсом. Вы представляете, три часа слышать истерические визги этого маленького жирдяя?

— Полагаю, что не три, — сказал мужчина. — Час десять, час пятнадцать...

На лице девушки появилось легкое презрение. Мужчина выглядел вполне успешным, как можно не знать при этом самых банальных вещей...

— До Барселоны самолет летит три часа.

— Три двадцать. Но допустим...

— А вы куда летите? — Девушка стремительно утрачивала к нему интерес.

— Никуда. Я провожал приятеля. Потом присел выпить кружку пива. Девушка поколебалась.

— Тамара. Меня зовут Тамара.

— Меня зовут Антон.

— У вас ведь наверняка нет детей, Антон? — спросила Тамара, все никак не желая расставаться с любимой темой.

— Ну почему же? Есть. Дочка. Наденька. Ровесница этого... жирдяя.

— То есть позволить супруге остаться здоровой и свободной женщиной вы не захотели? — усмехнулась Тамара. — Кто она у вас?

— Супруга?

— Ну не дочка же...

— По образованию — врач. А так... волшебница.

— Вот что я в вас, мужиках, не люблю, — вставая, произнесла

Тамара, — так это пошлые красивости. «Волшебница»! А сами довольны небось, что она у плиты горбатится, пеленки стирает, ночей не спит...

— Доволен. Хотя пеленки сейчас никто не стирает, подгузники давно в ходу.

При слове «подгузник» лицо девушки перекосилось, будто ей предложили съесть пригоршню тараканов. Она подхватила сумку и не прощаясь пошла к стойке регистрации.

Мужчина пожал плечами. Взял телефон, поднес к уху — и тот немедленно зазвонил.

— Городецкий... Совсем? Нет, третий уровень никак. Полный чартер до Барселоны. Можно принять, что это второй... Нет?

Он помолчал. Потом сказал:

— Тогда мне одно седьмое. Нет, вру. У мальчишки дар предвидения второго-первого уровня. Темные упрутся рогом... Одно вмешательство пятого уровня — изменение судьбы одного человека и одного Иного... Хорошо, запишите на меня.

Он встал, оставив недопитый бокал на столе. Пошел к стойке регистрации, где рядом с матерью, замершей с каменным лицом в очереди, нервно переминался с ноги на ногу толстый мальчишка.

Мужчина прошел мимо контроля (почему-то его никто даже не попробовал остановить), приблизился к женщине. Вежливо кашлянул. Поймал ее взгляд. Кивнул.

— Ольга Юрьевна... Вы забыли выключить утюг, когда утром гладили Кеше шортики...

На лице женщины отразилась паника.

— Вы можете улететь вечерним чартером, — продолжал мужчина. — А сейчас вам лучше съездить домой.

Женщина дернула сына за руку — и рванулась к выходу. Мальчик, про которого она, похоже, напрочь забыла, широко раскрытыми глазами смотрел на мужчину.

— Хочешь спросить, кто я и почему твоя мама мне поверила? — спросил мужчина.

Глаза мальчика затуманились — будто посмотрели не то внутрь, не то куда-то далеко-далеко наружу, куда не стоит заглядывать воспитанным детям (впрочем, и невоспитанным взрослым туда смотреть без нужды не стоит).

— Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг, — сказал мальчик. — Вы отец Надьки. Вы... вы нас всех...

— Ну? — с живым интересом спросил мужчина. — Ну, ну?

— Кеша! — завопила внезапно вспомнившая о сыне женщина. Мальчик вздрогнул, туман в его глазах рассеялся. Он сказал:

— Только я не знаю, что все это значит... Спасибо!

— Я вас всех... — задумчиво сказал мужчина, наблюдая, как женщина с ребенком несется вдоль стеклянной стены аэропорта к стоянке такси. — Я вас всех люблю. Я вас всех убью. Я вас всех достал. Я вас всех... Как же я вас всех...

Он развернулся и неторопливо пошел к выходу. На входе в «зеленый коридор» остановился и посмотрел на очередь, выстроившуюся к стойке регистрации на Барселону.

Очередь была большая и шумная. Люди летели отдыхать к морю. В очереди было много детей, много женщин, много мужчин и даже одна девушка чайлд-фри.

— Спаси вас Бог, — сказал мужчина. — Я не могу.

Дима Пастухов как раз достал зажигалку, чтобы дать прикурить своему напарнику Бисату Искендерову. Своя зажигалка у того была — просто уж так у них повелось. Доставал сигарету Дима — за огоньком лез Бисат. Собирался закурить азербайджанец — зажигалку подносил Дима. Если бы Пастухов был склонен к интеллигентской рефлексии, он мог бы сказать, что таким образом они демонстрируют друг другу взаимное уважение, несмотря на расхождение по очень многим взглядам — начиная от национальных проблем и кончая тем, какая машина круче — «Мерседес-МЛ» или «БМВ-ХЗ».

Но Дима к таким размышлениям склонен не был, ездили они с Бисатом на «фордах», немецкое пиво предпочитали русской водке и азербайджанскому коньяку, а относились друг к другу достаточно дружески. Так что Дима нажал на кнопку, извлекая крошечный язычок пламени, мимолетно глянул на выход из аэропорта — и выронил зажигалку, к которой уже тянулась сигарета приятеля.

Из дверей зала отлета выходил «пёс». Нестрашный, интеллигентного вида мужчина средних лет. К таким Пастухов привык, но это был не просто «пёс» — а тот самый... с ВДНХ... из далекого-далекого прошлого... Сейчас он пьяным не выглядел, скорее — немного похмельным.

Пастухов отвернулся и стал медленно нашаривать на земле зажигалку. Мужчина с глазами сторожевого пса прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

— Пил вчера? — сочувственно спросил Бисат.

— Кто? — пробормотал Пастухов. — А... нет, просто зажигалка

скользящая...

— У тебя руки трясутся, и ты белый весь стал, — заметил напарник.

Пастухов наконец-то дал ему прикурить, краем глаза проследил, что мужчина уходит к автостоянке, достал сигарету и закурил сам — не дожидаясь Бисата.

— Чёт ты странный... — сказал Бисат.

— Да, выпил вчера, — пробормотал Пастухов. Снова посмотрел на здание аэропорта.

Теперь оттуда выходил «волк». С уверенным хищным взглядом и твердой походкой. Пастухов отвернулся.

— Хаш надо есть поутру, — наставительно сказал Бисат. — Только правильный хаш, наш. Армянский — отравка!

— Да они у вас одинаковые, — привычно ответил Пастухов.

Бисат презрительно сплюнул и покачал головой:

— Только на вид, да. А по сути — совсем разные!

— По сути они, может, и разные, а на самом деле — одинаковые, — глядя вслед «волку», тоже прошедшему к стоянке, ответил Дима.

Бисат обиделся и замолчал.

Пастухов в несколько затяжек докурил сигарету и снова посмотрел на двери аэропорта.

Первая мысль была злой и даже обиженной: «Они что, тусовку там сегодня устроили?»

А потом пришел страх.

Тот, кто вышел из раздвинувшихся дверей и теперь стоял, задумчиво озираясь, не был «псом», но не был и «волком». Это был кто-то другой. Третий.

Такой, кто ест волков на завтрак, а собак на обед. Оставляя все вкусное на ужин.

«Тигр» — зачем-то классифицировал его Пастухов. И сказал:

— Живот прихватило... я в сортир.

— Иди, я покурю, — все еще обиженно ответил напарник.

Звать Бисата с собой в туалет было бы странно. Что-то объяснять или придумывать — не было времени. Пастухов повернулся и быстро пошел прочь, оставляя Искендерову на пути «тигра». «Да что он ему... пройдет мимо, и все...» — успокаивал он себя.

Обернулся Пастухов, только входя в зал отлета.

Как раз чтобы увидеть, как Бисат, небрежно козырнув, останавливает «тигра». Напарник, конечно, не различал их, не чувствовал — не было у него в прошлом такого происшествия, как у Пастухова. Но сейчас что-то

ощутил даже он — тем полицейским чутьем, которое порой помогает выдернуть из толпы ничем не примечательного внешне человека со стволом в потайной кобуре или ножом в кармане.

Пастухов понял, что у него по-настоящему прихватило живот. И рванулся в безопасное, шумное, наполненное людьми и чемоданами нутро аэропорта.

Поскольку он был хорошим полицаем, то ему было очень стыдно. Но еще более ему было страшно.

Глава первая

— По утреннему происшествию ситуацию доложит Городецкий, — не отрывая взгляда от бумаг, сказал Гесер.

Я встал. Поймал сочувственный взгляд Семена. Начал:

— Два часа назад я провожал на рейс в Нью-Йорк господина Уорнса. После того как наш коллега прошел регистрацию и стал покупать водку в дьюти-фри...

— Вы что, прошли с ним за паспортный контроль, Городецкий? — осведомился Гесер, не поднимая глаз.

— Ну да.

— Зачем?

— Убедиться, что с ним все в порядке. — Я откашлялся. — Ну и купить кое-что себе в дьюти-фри...

— Что именно?

— Пару бутылок виски.

— Какого... — Гесер оторвал взгляд от стола.

— Шотландского. Односолодового. «Гленливет» двенадцатилетний и «Гленморанж» восемнадцатилетний... но это на подарок, я лично считаю, что пить восемнадцатилетний вискарь — пижонство...

— Какого хрена! — рявкнул Гесер. — Что за... мелкие корыстные акции...

— Вы извините, Борис Игнатьевич, — сказал я. — Но господин Уорнс пьет как лошадь. И предпочитает не «Белую лошадь», а приличные сингл молты. У меня бар опустел. А завтра приедет еще какой-нибудь гость — и вы мне поручите его принимать. А моя зарплата не позволяет покупать алкоголь в «Азбуке вкуса».

— Дальше, — ледяным голосом сказал Гесер.

— Дальше я сел в баре выпить кружку пива.

— Вы давно пьете пиво по утрам, Городецкий?

— Четвертый день. С момента приезда Уорнса.

Семен хихикнул. Гесер привстал и оглядел всех сидящих за столом — десять Иных не ниже третьего уровня, или, как говорили ветераны, «ранга».

— Особенности приема гостей мы обсудим позже. Итак, вы похмелялись пивком. Что дальше?

— Вошла женщина с ребенком. Толстый мальчишка лет десяти, вопил

не переставая. Просил мать не лететь, говорил, что самолет разобьется. Ну... разумеется, я просканировал ауру. Мальчишка оказался неиницированным Иным высокого уровня, первого-второго как минимум. Судя по всему — предсказатель. Возможно, даже пророк.

В зале слегка зашевелились.

— Откуда такие смелые выводы? — спросил Гесер.

— Цвет. Интенсивность. Мерцание... — Я напрягся, посылая в пространство то, что видел. Все сидящие устали в пустую точку над столом. Разумеется, никакого реального изображения я не создавал, но сознание всегда услужливо подыщет для картинki какую-нибудь точку в воздухе.

— Допустим, — кивнул Гесер. — Но все-таки пророк...

— Предсказатель, как правило, лишен возможности увидеть собственное будущее. А мальчик испугался своей смерти. Это уже довод в пользу пророка... — негромко сказала Ольга.

Гесер неохотно кивнул.

— Я узнал, есть ли у нас право на вмешательство первого-второго уровня — спасти весь самолет. Такого права, увы, не было. Тогда я взял право на пятый уровень и снял с рейса мальчика и его мать.

— Разумно. — Гесер вроде бы чуть успокоился. — Разумно. Мальчик на контроле?

Я пожал плечами. Семен деликатно кашлянул и вставил:

— Работаем, Борис Игнатьевич.

Гесер кивнул и снова посмотрел на меня:

— Что-то еще?

Я колебался.

— Он сделал еще одно предсказание. Мне лично.

— Иному Высшего уровня? — уточнил зачем-то Гесер.

— Пророк! — почти весело произнесла Ольга. — И впрямь пророк!

Я кивнул.

— Можешь его озвучить, Антон? — уже совершенно мирно и дружелюбно спросил Гесер.

— Легко. «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы... вы нас... вы нас всех...»

— Что дальше?

— А дальше его прервали.

Гесер что-то проворчал и стал постукивать пальцами по столу. Я ждал. И все остальные тоже ждали.

— Антон, я не хотел бы показаться невежливым... но вы уверены, что

решили выпить пива по собственной воле?

Я растерялся. Даже не обиделся — а растерялся. Спросить Иного, не попал ли он под чье-то внушение, — довольно серьезное дело. Словно... ну, словно для одного человека поинтересоваться успешностью интимной жизни другого. Между близкими друзьями, конечно, подобный вопрос возможен. Но между начальником и подчиненным... да еще и в присутствии других сотрудников... Нет, ну если неопытный Иной совершает какой-то неадекватный поступок... тут вопрос «Ты своей головой думал?» уместен. Но и то как риторический. А уж обратиться с таким вопросом к Высшему Иному...

— Борис Игнатьевич, — сказал я, с ожесточением сдирая с себя все слои ментальной защиты. — Наверное, я чем-то дал основания вашим словам. Не пойму, правда, чем именно. На мой взгляд — да, я действовал исключительно по собственной воле. Но если вы сомневаетесь, то просканируйте меня, я не против.

Конечно же, это тоже была риторическая фраза. Абсолютно. Так человек, оказавшийся под каким-нибудь нелепым подозрением — к примеру, что он, будучи в гостях, украл со стола серебряные ложечки, — предлагает проверить его карманы...

— Спасибо, Антон, я воспользуюсь твоим предложением, — ответил Гесер вставая.

В следующее мгновение я отключился.

А потом открыл глаза.

В промежутке, конечно, было какое-то время — минут пять, десять. Вот только я его не запомнил. Я лежал на диванчике, который стоит в кабинете Гесера и который все иронично называют «плацдарм для мозгового штурма». Мою голову придерживала Ольга — и она была очень, очень зла. Напротив меня сидел на стуле Гесер — и он был очень, очень смущен. Больше никого в кабинете не было.

— Ну и как... тварь ли я дрожащая, или право имею? — спросил я.

— Антон, я низжайше приношу свои извинения, — сказал Гесер.

— Перед присутствующими он уже извинился, — добавила Ольга. — Антон, прости старого дурака.

Я сел и потерял виски. Голова не то чтобы болела — казалась удивительно пустой и звенела.

— Кто я? Где я? Кто вы такие, я вас не знаю! — пробормотал я.

— Антон, я прошу принять мои извинения... — повторил Гесер.

— Шеф, с чего вы взяли, что я под влиянием? — спросил я.

— Тебе не кажется странным, что, проводив гостя, ты внезапно присел

выпить пива в дрянной и дорогой кафешке, хотя знал, что тебе предстоит садиться за руль?

— Кажется. Но так уж тот день сложился.

— А что именно в этот момент, когда ты внезапно решил задержаться в аэропорту, у тебя на глазах устроил истерику мальчик-предсказатель?

— Жизнь вся состоит из совпадений, — философски сказал я.

— Ну а то, что самолет благополучно долетел до Барселоны?

Вот тут он меня уел.

— Как — долетел?

— Обычно. Шумя моторами и покачивая крыльями. Долетел, выгрузил людей и час назад вылетел обратно.

Я помотал головой.

— Борис Игнатьевич... Я, конечно, не предсказатель. Но уж когда прицельно начинаю проверять вероятность того или иного события... Мальчик завопил о катастрофе. Я глянул его ауру — Иной, неинициированный, в спонтанном выплеске Силы. Я начал проглядывать линии реальности — самолет падал. С вероятностью в девяносто восемь процентов. Может... ну, нет же абсолютно точных предсказаний... Выплыли те два процента?

— Допустим. А как еще можешь интерпретировать произошедшее?

— Провокация, — неохотно сказал я. — Мальчика накачали Силой, повесили фальшивую ауру. Прием известный, вы сами... Хм... Ну, потом мальчишка истерит, я слышу его вопли, начинаю просчитывать вероятности... допустим, они тоже искажены.

— Какова цель? — спросил Гесер.

— Заставить нас истратить право на вмешательство первого уровня впустую. Самолет и не думал падать, пацан интереса не представляет. А мы как идиоты выстрелили впустую.

Гесер назидательно поднял палец.

— Но у нас все равно не было права на вмешательство!

— Было, — буркнул Гесер. — Было и есть. Но зарезервировано за мной лично. Если бы ты обратился ко мне напрямую... я бы разрешил вмешаться.

— Во как... — сказал я. — Ну тогда... тогда и впрямь похоже. А что пацан?

— Пророк... — неохотно сказал Гесер. — Большой силы. И на тебе никаких следов воздействия. Так что ты прав, пожалуй.

— Но самолет не упал, — негромко сказала Ольга.

Мы замолчали.

— У пророков не бывает ошибок. Мальчик — пророк, поскольку выдавал предсказания о своей судьбе и о судьбе Высшего Иного. Но самолет не упал. Ты в события не вмешивался... — негромко произнес Гесер.

И тут до меня дошло.

— А вы ведь проверяли не то, под влиянием я был или нет, — сказал я. — Вы проверяли, не спас ли я самолет без разрешения.

— И это тоже. — Гесер даже не смутился. — Но озвучивать такую причину при коллегах не хотел.

— Спасибо огромное. — Я поднялся и пошел к двери. Гесер дождался, пока я открою дверь, и только после этого сказал:

— Должен сказать, Антон, я очень рад за тебя. Рад и горд.

— Чему же именно?

— Тому, что ты не стал вмешиваться без разрешения. И даже не придумывал никаких человеческих глупостей вроде телефонных звонков о бомбе в самолете...

Я вышел и закрыл за собой дверь.

Мне хотелось заорать или стукнуть кулаком по стене.

Но я держался. Я был невозмутим и холоден.

Я ведь действительно не придумывал «никаких человеческих глупостей»! Мне это даже в голову не пришло. Я убедился, что у нас нет законной возможности спасти двести человек, — и спасал одного Иного и его мать.

Уроки пошли мне на пользу. Я вел себя как правильный Высший Иной.

И от этого на душе было мерзко.

— Антон!

Обернувшись, я увидел поспешно догонявшего меня Семена. Выглядел тот слегка смущенным, как старый друг, ставший невольным свидетелем неловкой и некрасивой сцены. Но мы были дружны достаточно долго и крепко, чтобы Семену не пришлось изображать, будто он задержался случайно.

— Думал, дольше ждать придется, — пояснил Семен. — Ну учудил шеф, учудил...

— Он прав... — неохотно признал я. — Ситуация и впрямь сложилась странная.

— Мне поручили поговорить с мальчишкой, инициировать, обосновать родителям его занятия в нашей школе... в общем — стандартная процедура. Хочешь, поедем?

— А что, уже нашли? — заинтересовался я. — Я только имена считал,

дальше возиться не стал...

— Конечно, нашли! Двадцать первый век на дворе, Антоха! Позвонили в наш информационный центр, задали вопрос — кто не явился на рейс такой-то в Барселону. Через минуту Толик перезвонил, выдали имена и адреса. Иннокентий Григорьевич Толков, десять с половиной лет. Живет с мамой... ну, ты же знаешь, что в неполных семьях Иные встречаются статистически чаще.

— Социальная депривация способствует... — буркнул я.

— А я слышал версию, что папаши подсознательно чувствуют, что ребенок — Иной, и уходят из семьи, — сказал Семен. — Боятся, короче... Живут Толковы рядом, на «Водном стадионе»... смотаемся?

— Нет, Семен, не поеду, — покачал я головой. — Ты и сам прекрасно справишься.

Семен вопросительно смотрел на меня.

— Да все в порядке! — твердо сказал я. — Не бойся, я не бьюсь в истерику, не уйду в запой и не вынашиваю планов покинуть Дозор. Я в аэропорт съезжу, поброжу там. Как-то все неправильно, понимаешь? Мальчик-пророк изрек туманные пророчества, самолет, который должен был упасть, не разбился... все не так!

— Гесер уже послал в Шереметьево инспекцию, — сообщил Семен.

Какой-то у него был голос ехидный...

— Кого он послал?

— Ласа.

— Понятно, — кивнул я, останавливаясь у лифтов и нажимая вызов. — То есть ничего интересного Гесер не ждет.

Лас был нетипичным Иным. Начать с того, что никаких способностей Иного у него не было и не должно было появиться. Но несколько лет назад его угораздило попасть под заклинание древней магической книги «Фуаран». Вампир Костя, бывший когда-то моим соседом и даже приятелем, продемонстрировал на Ласе, что с помощью книги способен превращать людей в Иных...

Самым странным я считал даже не то, что Лас превратился в Иного, а то, что он превратился в Светлого Иного. Злодеем он не был, но вот чувство юмора имел специфическое... да и его взгляды на жизнь соответствовали скорее Темному. Работа в Ночном Дозоре, к которой он относился, похоже, как к очередной шутке, его особо не изменила.

Но Иным он был слабым. Седьмого, самого начального уровня, с неопределенными перспективами дорасти до пятого-шестого (впрочем, Лас к этому не рвался).

— А вот не скажи, — не согласился со мной Семен. — Гесер не ждет ничего интересного в магическом плане. Ты ведь там был, ничего не заметил. Ты и сам Высший...

Я поморщился.

— Высший, Высший, — дружелюбно сказал Семен. — Опыта у тебя мало, но способности-то есть. Так что копать в этом направлении бесполезно. А вот Лас — он по-другому на ситуацию посмотрит. Практически с точки зрения человека. Голова у него работает довольно парадоксально... вдруг что-то заметит?

— Тогда точно нам следует съездить вдвоем, — сказал я. — А ты дерзай, иницируй пророка.

— Восстань, и виждь, и внемли... — Семен первым вошел в наконец-то появившийся лифт, вздохнул: — Ох, не люблю я пророков и предсказателей! Как ляпнут что-нибудь в твой адрес — и ходишь потом как дурак, размышляешь, что же имелось в виду. Порой таких страхов себе напридумываешь, а на деле полная ерунда, тьфу, внимания не стоит!

— Спасибо, — сказал я Семену. — Да не беспокойся ты... я спокойно к этому отношусь. Подумаешь, пророк!

— Помню, был у нас в Петрограде один предсказатель, — с готовностью подхватил Семен. — И вот в году одна тыща девятьсот шестнадцатом, под Новый год, спрашиваем его о перспективах. А он нам и выдает...

Ласа я успел перехватить во дворе, он как раз садился в свою чисто вымытую «мазду». При моем появлении он откровенно обрадовался.

— Антон, а ты не сильно занят?

— Ну...

— Не смотаешься со мной в «Шарик»? Борис Игнатьевич велел по твоим следам пройти, странности всякие поискать. Может, присоединишься?

— Что с тобой поделать, — вздохнул я, забираясь на правое сиденье. — Съезжу. Будешь должен, сам понимаешь.

— О чем речь, — обрадовался Лас, заводя машину. — А то у меня со временем плохо, и так сегодня планы пришлось менять.

— Что за планы? — спросил я, пока мы выезжали со стоянки.

— Да это... — Лас слегка смутился. — Я сегодня креститься собирался.

— Чего? — Мне показалось, что я ослышался.

— Креститься, — повторил Лас, глядя на дорогу. — Ничего? Нам ведь

можно креститься?

— Кому «нам»? — уточнил я на всякий случай.

— Иным!

— Можно, конечно, — ответил я. — Это как бы... дела духовные. Магия магией, а вера...

Ласа будто прорвало:

— Вот и я подумал — черт его знает, как *там* посмотрят на то, что магией занимаюсь... я вообще-то агностик всегда был, ну точнее — экуменист широкого профиля, а тут как-то подумал... лучше уж креститься, для гарантии.

— В «Симпсонах» один персонаж был, так он на всякий случай еще соблюдал день субботний и совершал намаз, — не удержался я.

— Не кощунствуй, — сказал Лас строго. — Я же серьезно... Церковь вот специально нашел в Подмосковье. В Москве, говорят, все попы коррумпированные. А в провинции — ближе к Богу. Вчера созвонился, поговорил... ну, меня там знакомые порекомендовали... сегодня обещали покрестить, а тут Гесер задание выдал...

— Как-то быстро ты, — усомнился я. — Ты вообще готов к таинству крещения?

— Конечно, — усмехнулся Лас. — Крестик купил, Библию на всякий случай, пару иконок...

— Подожди-подожди, — заинтересовался я. Мы как раз выскочили на Ленинградку и понеслись к аэропорту. Лас привычно наложил на машину чары «эскорт», и нам начали торопливо уступать дорогу. Уж не знаю, кто из водителей что видел — кто «скорую помощь», кто полицию с включенной сиреной, кто правительственный эскорт, увешанный мигалками, как дурень мобильниками, но дорогу нам освобождали резво. — А символ веры ты выучил?

— Какой символ веры? — удивился Лас.

— Никео-Царьградский!

— А надо? — заволновался Лас.

— Ладно, священник подскажет, — развеселился я. — Рубашку крестильную купил?

— Зачем?

— Ну, когда из купели вылезешь...

— В купель только младенцев окунают, я же в нее не залезу! На взрослых брызгают!

— Дубина, — с чувством сказал я. — Есть специальные купели, для взрослых. Называются баптистерии.

— Это у баптистов?

— Это у всех.

Лас задумался, благо вождение автомобиля под прикрытием «эскорта» позволяло не особо напрягаться.

— А если там бабы будут?

— Они тебе теперь не бабы, а сестры во Христе!

— Ну ты врешь! — возмутился Лас. — Хватит уже, Антон!

Я достал мобильник, подумал секунду и спросил:

— Кому из наших ты веришь?

— В духовном плане? — уточнил Лас. — Ну... Семену поверю...

— Годится, — кивнул я, набрал номер и включил громкую связь.

— Да, Антон? — отозвался Семен.

— Слушай, ты крещеный?

— Ну как в моем возрасте русский человек может быть некрещеным? — ответил Семен. — Я ж при царе родился...

— А сейчас вере православной близок?

— Ну... — Семен явно смутился. — В церковь хожу. Иногда.

— Скажи, взрослых как крестят?

— Если по-нормальному, то как детей. Разделся — и в воду с головой три раза.

— Спасибо. — Я прервал связь. — Понял? Фома... готовящийся к таинству...

— Что еще там будет? — спросил Лас.

— Становишься лицом на запад, трижды плюешь и говоришь: «Отрекаюсь от Сатаны!»

Лас расхохотался.

— Ну, Антон... Хорош гнать! С крещением согласен, это я погорячился! Правильный некоррупцированный поп не будет воду экономить. А вот стать на запад лицом... плюнуть...

Я снова набрал Семена.

— Да? — с любопытством отозвался тот.

— Еще вопрос. Как происходит обряд отречения от Сатаны при крещении?

— Становишься лицом на запад. Батюшка спрашивает, отрекаешься ли ты от Сатаны и от дел его. Трижды вслух отрекаешься, плюешь в сторону запада...

— Спасибо. — Я снова прервал связь.

Лас молчал, вцепившись в руль и глядя перед собой. Мы уже проехали МКАД.

— А еще какие сложные моменты будут? — почти робко спросил он.

— Окунулся, отрекся. — Я начал загибать пальцы. — И третий шаг... ты учти, в церкви все троично, потому что Бог триедин. Третий шаг — выходишь из купели и обегаешь вокруг церкви трижды, строго противосолонь...

— Голым? — ужаснулся Лас. — Без штанов?

— Конечно. Аки Адам ветхозаветный, безгрешный до вкушения плодов с древа познания!

Фраза родилась спонтанно, но звучала очень убедительно.

— Ну... если надо... — тихо сказал Лас.

— Ты б зашел в любую церковь, — посоветовал я. — Даже в коррумпированную. И книжечку купил с пояснениями.

— Мне неудобно в церковь заходить, — признался Лас. — Мало того что некрещеный, так еще и волшебник!.. Блин, может, отложить крещение? Раз надо голым вокруг церкви бегать... в фитнес похожу, подкачаюсь...

— Ладно, насчет бега вокруг церкви — это неправда, — сжалился я. — Но я бы все-таки советовал тебе отнестись к вопросу серьезнее.

— Как все сложно... — вздохнул Лас, вырвав к терминалу. — Нам в «D»?

— Да, в новый, — подтвердил я.

— Что ж, попробуем с Божьей помощью! — сказал Лас.

Я понял, что пыл неопита в нем не угас.

Глава вторая

В аэропорту мы с Ласом разделились. Он отправился общаться с людьми — его способностей вполне хватало, чтобы ему выкладывали всё начистоту. В первую очередь Ласу предстояло пообщаться с техниками, подготовившими злополучный (или правильнее будет сказать — счастливый?) «боинг» к полету, потом с диспетчерами и, если получится, с экипажем. А я отправился к дежурившим в аэропорту Иным.

Как и положено, двое их было — Темный и Светлый. Нашего я, конечно, знал — Андрей, молодой парень, пятый уровень, в офисе появлялся редко, постоянно работал в аэропорту. Темного видел несколько раз, когда самому приходилось куда-то улетать или возвращаться.

Конечно, они уже были в курсе случившегося. И Андрей, и пожилой Темный по имени Аркадий с удовольствием обсудили со мной историю с самолетом — вот только ничего полезного они не знали и сказать не могли. У Темных мальчик уже получил ироническое прозвище «Мальчик, который не полетел», вот, пожалуй, и все ценное, что я узнал. А еще заметил, что отношения Андрея и Аркадия вполне дружеские, и мысленно отметил: рекомендовать более частую смену дежурных. В принципе ничего запрещенного в дружеских отношениях между Иными нет. Бывают такие случаи... я сам дружил с семьей вампиров, а в Питере даже есть уникальная семья Светлого волшебника и Темной прорицательницы, правда, не работающих в питерских Дозорах... Но в случае с молодым Светлым и опытным Темным возникал риск нежелательного влияния.

Лучше перестраховаться.

С этой мыслью я еще побродил по аэропорту, обнаружил стоящего в очереди на регистрацию вампира, от скуки проверил у него регистрационную печать — все было в порядке. Подмывало снова выпить пива, но это уже было бы чересчур. С другой стороны... за руль мне сейчас не надо... я поймал себя на том, что толкусь все ближе и ближе к бару.

К счастью, появился Лас — бодрый и веселый. Я облегченно отвернулся от ресторанчика и помахал Ласу рукой.

— Девяносто четыре процента! — радостно сообщил он мне.

Я вопросительно приподнял бровь — ну, во всяком случае, попытался изобразить именно это.

— Меня давно занимал вопрос, сколько людей ковыряют пальцем в носу, когда уверены, что их никто не видит. Так вот, я опросил ровно сто

человек — из них девяносто четыре сознались!

На секунду мне показалось, что Лас сошел с ума.

— И ты спрашивал людей об этом вместо поиска чего-то странного?

— Почему «вместо»? — обиделся Лас. — Вместе! Сам подумай, как минимальным магическим воздействием заставить людей вначале говорить правду, а потом покрепче забыть о расспросах? Я представился социологом, который с разрешения руководства проводит опрос. Спрашивал о всяких наблюдаемых странностях, о том, как они провели сегодняшнее утро... в общем, все, что положено. Все это под действием «Платона». А в конце задавал вопрос про ковыряние в носу. Сам понимаешь, человек, который сознался, пусть даже в анонимном опросе, что наедине сам с собой выковыривает пальцем козюли из носа, постарается побыстрее забыть всю историю. И для дела полезно, и я получил ответ на вопрос!

— Зачем тебе этот ответ? — спросил я. — Люди наедине сами с собой часто совершают... ну... не самые красивые поступки. Поковырять пальцем в носу — мелочь в общем-то.

— Конечно, — согласился Лас. — Так это ведь и показательно! Подавляющее большинство людей будет насмерть стоять за такую ерундовую ложь. Отрицать не то, что заглядываются на незрелых нимфеток, не платят налоги или подсиживают коллег на работе, — а банальную, никому вреда не приносящую, смешную вещь — ковыряние пальцем в носу! Это многое говорит о людях.

— Следующий раз спроси про ковыряние пальцем в другом месте, — мрачно ответил я. — Что по делу?

Лас пожал плечами.

— Самолет был нормальный. Проверяли его как положено, никаких нареканий... кстати, а ты знал, что самолеты можно выпускать в полет, когда у них часть аппаратуры не работает? Так вот, у этого никаких нареканий не было. И самолет новенький, три года назад сделан, не какая-нибудь рухлядь после китайцев.

— То есть упасть он не должен был? — уточнил я.

— Все в руке Божьей, — пожал плечами Лас и блеснул знанием Библии: — И птица с неба не упадет без воли Господа! Тем более — самолет. Ну... он и не упал.

— Но ведь мальчик пророчил... — сказал я. — И линии вероятности указывали на неминуемую катастрофу... Хорошо. Самолет был исправный, экипаж опытный. Хоть какие-то странности были?

— Касательно самолета — или вообще? — уточнил Лас.

— Вообще.

— Ну... один полицейский местный поутру обоссался.

— Что?

— До туалета не добежал. Наложил в штаны. Ему в дежурке старую форму нашли, он в душе отмылся...

— Лас, да что тебя так тянет на всякую брутальность? — возмутился я. — Если даже с работником полиции случился приступ дизентерии, это не повод для обсуждения... и уж тем более — иронии! Ты же Светлый! Светлый Иной!

— Так я обоим полицейским сочувствую, — небрежно обронил Лас.

У меня что-то екнуло в груди.

— Обоим? Беляшей в местном кафе поели?

— Да нет, у второго с пищеварением все в порядке, — успокоил Лас. — Второй с ума сошел.

Я ждал. Было понятно, что Лас ждет уточняющих вопросов и что информацию он излагает дозированно вполне сознательно — для пущего драматизма.

— Тебе неинтересно? — спросил Лас.

— Докладывай по форме, — попросил я.

Лас вздохнул и почесал затылок.

— Да в общем-то ничего особенного. Но как-то выбивается из рутины повседневной жизни. Утром, примерно в то время, как ты из аэропорта уехал, случилась неприятность с нарядом патрульно-постовой службы. Один полицейский, Дмитрий Пастухов, пошел в сортир, но не добежал. А второй... второй чуть позже зашел в дежурную часть, положил на стол кобуру, документы, рацию. Сказал, что утратил интерес к работе в органах охраны порядка, и ушел. Начальство пока даже сообщать никуда не стало. Надеется, что одумается и вернется.

— Поехали, — сказал я.

— К кому первому?

— К тому, что не добежал.

— А к нему ехать не надо. Я же говорю — он помылся, переоделся и вернулся на рабочее место.

С первого взгляда никак нельзя было сказать, что сегодня утром полицейский Дмитрий Пастухов попал в столь деликатную и, чего уж греха таить, постыдную ситуацию. Разве что форменные брюки, если повнимательнее присмотреться, были ему чуть великоваты, да и тоном чуть отличались от кителя.

Зато выглядел он просто великолепно. Одухотворенно, можно сказать. Как сказочный милиционер, задержавший бандита на месте преступления и получающий из рук генерала наручные часы с гравировкой «За отвагу при исполнении служебного долга». Как летчик-испытатель, дотянувший-таки самолет с отказавшим мотором до аэродрома — и ощутивший, как колеса мягко коснулись земли. Как прохожий, что смотрит на рухнувшую за его спиной, там, где он только что прошел, гигантскую сосульку и с нелепой улыбкой достающий из пачки сигарету...

Как человек, переживший смертельную опасность, уже осознавший, что остался жив, но еще не до конца понявший — зачем.

Дмитрий Пастухов прогуливался перед входом в аэропорт, не уставшему заложив руки за спину и как-то очень добродушно и дружелюбно поглядывая вокруг.

Но по мере того как мы с Ласом подходили к нему, на лице полицейского проступало совсем другое выражение.

Как у милиционера, которому улыбающийся генерал говорит: «Молодец... молодец... знал же, наверное, чьего племянника арестовываешь, — и не испугался? Герой...»

Как у летчика, в чьем самолете, уже катящемся по бетонке, свирепым жадным пламенем вспыхивает топливный бак.

Как прохожий, что, разминая сигарету и не отрывая взгляда от расколовшейся сосульки, вдруг слышит над головой «Берегись!!!»

Он меня боялся.

Он знал, кто я такой. Ну, может, не точно... но представляться проверяющим, журналистом или санитарным врачом смысла не имело.

Он знал, что я не человек.

— Лас, подожди здесь, — попросил я. — Лучше я сам...

Пастухов ждал, не пытаясь уйти или сделать вид, что не замечает моего приближения. К оружию, чего я слегка опасался (не хотелось начинать разговор так энергично), он не тянулся. А когда я остановился в двух шагах, глубоко вздохнул, неловко улыбнулся и спросил:

— Разрешите закурить?

— Что? — Я растерялся. — Конечно...

Пастухов достал сигареты, жадно закурил. Потом сказал:

— Большая просьба... не надо больше заставлять напиваться. Меня из органов попрут! У нас сейчас очередная кампания, даже за появление на работе с похмелья выгоняют...

Несколько секунд я смотрел на него. А потом что-то сложилось в голове, и я увидел серую московскую зиму, грязный снег на обочине

проспекта Мира, бесчисленные ларьки у метро «ВДНХ», двух подходящих ко мне милиционеров — один постарше, другой совсем молодой парень...

— Извините, — сказал я. — Вам тогда сильно досталось?

Полицейский неопределенно пожал плечами. Потом сказал:

— А вы совсем не изменились. Тринадцать лет прошло... а даже не постарели.

— Мы медленно стареем, — сказал я.

— Угу, — кивнул Пастухов и выбросил сигарету. — Я не дурак. Я все понимаю. Так что... говорите сразу, что вам нужно. Или делайте, что вам нужно.

Он меня боялся. Ну а кто бы не испугался человека, который одним словом может заставить вас делать все, что угодно?

Я опустил глаза, ловя свою тень. Шагнул в нее — и оказался в Сумраке. В этом не было особой нужды, но все-таки из Сумрака аура сканируется тщательнее.

Полицейский был человеком. Ни малейших признаков Иного. Человек, и не самый плохой.

— Расскажите, что произошло сегодня утром? — спросил я, возвращаясь в обычный мир. Пастухов мигнул — наверное, ощутил дыхание Сумрака. Заметить мое исчезновение на такое короткое время он никак не мог.

— Мы с Бисатом здесь стояли, — сказал он. — Так... трепались. День сегодня был хороший. — По интонации было понятно, что сейчас он уже так не считает. — Тут вы прошли...

— Вы меня узнали, Дмитрий? — спросил я. Накладывать заклинание правды не было никакого смысла — он говорил честно.

— Ну, вначале просто понял, что вы из этих... — Полицейский неопределенно повел рукой. — А потом узнал, да...

— Как поняли?

Пастухов посмотрел на меня с удивлением.

— Ну... я таких, как вы, сразу узнаю...

— Как?

До полицейского дошло.

— А что, это редкость? — спросил он, явно о чем-то размышляя.

— Не то чтобы редкость. — Я решил ничего не скрывать. — Но обычно нас видят такие же Иные, как и мы. Узнают по ауре.

— Аура — это вроде свечение такое вокруг головы, да? — наморщил лоб Пастухов. — Я думал, его психи всякие видят. И жулики.

— Не только вокруг головы, не только психи и жулики. А что видите

вы?

— Да я по глазам вас узнаю! Вот с тех пор, как с вами встретился первый раз... — резко сказал Пастухов. — У вас глаза... как у сторожевого пса.

Если бы я только что не сканировал его ауру, то уверился бы, что передо мной какой-то странный слабый Иной, который воспринимает чужие ауры очень своеобразно. В конце концов, аура действительно сильнее вокруг головы, а на лице сильнее всего излучают свечение глаза. Может, он так и считывает Иных?

Ну нет же, он не Иной, он человек...

— Любопытно, — признался я. — Значит, как у пса?

— Без обид, — пожал плечами Пастухов. Он потихоньку приходил в себя.

— Да какие уж тут обиды. Я собак люблю.

— А еще есть те, у кого глаза как у волка, — сказал Пастухов.

Я кивнул. Понятно. Значит, так он видит Темных.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Утром вы прошли мимо, — сказал Пастухов. — Ну... я напрягся, конечно. Почему-то думал, дурак, что вы меня тоже запомнили, как и я вас. С чего бы, на самом-то деле? Вы, наверное, такие фокусы с людьми каждый день проделываете.

— Нет, — сказал я. — Нельзя. Тогда ситуация была критическая. Ну и я сам... был очень молод и неопытен. Что придумал, то и сделал... Вы продолжайте.

Пастухов вытер пот со лба. Пожал плечами.

— Потом «волк» один прошел... ну... обычное дело. В аэропорту я каждый день ваших вижу. А потом вышел еще один... тут меня страх и пробрал.

— Тоже «волк»? — уточнил я.

— Нет... — Пастухов замялся, затоптался на месте. — Никогда таких не встречал. Я его «тигром» про себя назвал. У него такой взгляд... будто он кого хочет, того и сожрет, прямо на месте... И я... я почему-то подумал, что он меня вычислит. Поймет, что я его вижу. И убьет тут же. Да что я говорю, я не подумал, я и сейчас так думаю! Он бы меня убил. В ту же секунду. Я и решил отойти. Сказал напарнику, что живот схватило, и в туалет. Бисату-то что сделается? Он же ваших не видит! Но я когда отходил, то смотрю — Бисат этого... «тигра»... останавливает!

— Ты можешь его описать, «тигра»?

Пастухов помотал головой.

— Я только издалека его видел. Мужчина, средних лет, среднего роста, волосы темные...

— Очень не люблю людей с такими приметами, — поморщился я. — Как же ты взгляд его разглядел на расстоянии?

— А я взгляд на любом расстоянии вижу, — серьезно ответил Пастухов. — Сам не знаю почему.

— Национальность?

Дмитрий задумался.

— Обычная, наверное. Уроженец европейской части.

— То есть не кавказец, не азиат, не скандинав...

— Даже не негр.

— Еще что-нибудь?

Пастухов закрыл глаза и нахмурился. Он искренне старался.

— Багажа у него не было. Когда он стоял рядом с Бисатом, я заметил — у него руки пустые. Вряд ли прилетел так, правда?

— Спасибо, это интересно, — сказал я. Конечно, на самом деле багаж мог быть и невидим. Я как-то сам протащил в самолет невидимый чемодан, чтобы не платить за перегрузку...

Полицейский вздохнул и сказал:

— Наверное, надо было вернуться. Только у меня и впрямь живот свело так, что боялся до туалета не добежать... — Он осекся, потом продолжил: — Я и не добежал. Да вы уже знаете, наверное.

— Знаю, — кивнул я.

— Навалил в штаны, — обреченно сказал Пастухов. — Нет, если бы расстройство какое, дизентерия — так с кем не бывает? А тут... на ровном месте... Пока почистился как смог, пока в дежурку зашел... взял там со старой формы на подмену штаны... Дежурный ржет, понятно, к вечеру все знать будут... Вернулся на пост.

— И?.. — Это интересовало меня куда больше, чем проблемы со здоровьем и реноме Пастухова.

— Да вроде ничего. Бисат стоит, улыбается. Я его спросил, что было с тем, кого он остановил. Бисат рукой махнул, говорит: «Все в порядке, никакого смысла не было его задерживать». Ну, думаю, пронесло... А тут Бисат вдруг снимает китель, погоны так аккуратненько с него сдирает! Бляху сдирает! Документы достает. Пистолет, рацию, спецсредства... И все вручает мне! Я спрашиваю, что с ним. А он отвечает: «Это все смысла не имеет, нет никакой надобности в моей работе». И к электричке! Я ему кричу вслед, а он рукой машет — и вперед! Сейчас, наверное, уже дома.

— Я слышал, что он сам зашел в дежурную часть, — заметил я.

— Роман небось сказал? — уточнил Пастухов. — Это я его так попросил, когда вещи отнес. Все-таки одно дело, когда человек прямо на улице все бросил, другое — когда в дежурку сдал. Может, одумается, вернется? Ему и так неприятностей светит по полной... хотя, наверное, через дурку пропустят и уволят по состоянию здоровья...

— Ты сам-то веришь, что он вернется? — спросил я.

Пастухов замотал головой:

— Нет. Не верю. Это «тигр». Это он что-то такое с ним сделал. Может, велел так... как вы мне напиться тогда приказали... А может, что-то другое. Не вернется он.

— Спасибо, — сказал я искренне. — Ты хороший человек, мне кажется. Извини, что тогда так вышло.

Пастухов замялся. Потом все-таки спросил:

— Ну и что теперь со мной будет? Велите все забыть?

Я задумчиво смотрел на него. Не хотелось мне применять к Пастухову даже самые простенькие заклинания. Станный он человек, пускай и хороший.

— Даешь честное слово никому и ничего не рассказывать про наш разговор? — спросил я. — И вообще про нас?

— Да что я, дурак, что ли? — возмутился полицейский. — Кто же мне поверит? Никому я не расскажу!

— Тогда еще вопрос напоследок. Когда ты один и вокруг никого нет — ты ковыряешь пальцем в носу?

Пастухов открыл и закрыл рот. Неожиданно покраснел. А потом сказал:

— Ну... если потребность есть... бывает.

— Я как-нибудь к тебе загляну, надо будет еще поговорить, — сказал я. — Но ты не беспокойся. Только разговор по душам, ничего более.

— Ага... — неловко сказал Пастухов. — Спасибо...

— Не хочешь задать мне никаких вопросов?

Пастухов медленно покачал головой:

— Хочу. Но не буду. Меньше знаешь — крепче спишь.

Я уже шел к Ласу, когда он меня окликнул:

— Вы поможете Бисату?

— А почему ты думаешь, что я стану ему помогать? — спросил я.

— Ну... — Полицейский замялся. А потом вдруг улыбнулся: — Потому что собака — друг человека. Правда?

Я погрозил ему пальцем и подошел к Ласу.

— Чего там? — с любопытством спросил Лас.

— Он тоже ковыряет пальцем в носу, — ехидно сказал я. — Данные полица, который ушел с поста, записал? Звони в информационный, нам срочно нужен его адрес. Хотя нет, ты за руль, я сам позвоню, пока будем выезжать.

Глава третья

Проживал полицейский Бисат Искендеров недалеко, в Куркино. Район хороший, по мнению многих, даже элитный. Но Искендеров жил там в муниципальной квартире, так что вряд ли он относился к числу тех удачливых полицейских, что всю жизнь работают в патрульно-постовой службе, но при этом живут в роскошных апартаментах и ездят на работу в «мерседесе» представительского класса.

Пока мы добирались к столь неожиданно и необычно уволившемуся со службы полицейскому, я пересказал Ласу свой диалог с Пастуховым.

— «Собаки», значит, — задумчиво сказал Лас. — Сильно... Слушай, а что ты с ним разговаривал-то? Наложил бы «Платона», он бы все с радостью рассказал. Или просто в голову ему влез... ты-то умеешь...

В последних словах прорезалась зависть. Лас был слабым Иным и без всяких шансов сильно подняться в уровне. Некоторые заклинания ему никогда не будут доступны.

— Лас, ты часто встречал людей, которые видят Иных? — ответил я вопросом.

— Нет.

— Вот и я нет. Вообще о таком не слышал. Похоже, эта способность у него появилась после встречи со мной. Тогда есть какая-то вероятность, что это последствия наложенного мной заклинания.

— И ты боишься, что новое заклинание лишит его этой способности... — кивнул Лас. — Понятно. Ну, ты Высший, тебе решать.

— Решать Гесеру, — признал я. — Но торопиться я не хочу. Пастухов никому ничего не расскажет. А если расскажет — попадет в психбольницу.

— А этот... «тигр»?

— Что — «тигр»?

— Как думаешь, кто он? Высший маг?

— Пастухов же не назвал «тигром» меня...

— Логично... А кто тогда? Инквизитор?

— Нет, — сказал я с сожалением. — Не думаю. Инквизиторы остаются Светлыми или Темными, кем были раньше.

— У них же аура серая делается.

Я вздохнул и прикинул, стоит ли раскрывать детали:

— На самом деле — нет. Аура у них прикрывается серым. Сильный маг может заглянуть под маскировку — там ровно то же самое, что и было.

Либо Светлый, либо Темный. Сущности они не меняют.

— О как, — поднял бровь Лас. — Ну так и почему это не может быть инквизитор?

— Иной с серой, невнятной аурой — «тигр»? Как-то не сходится, верно? Учитывая, как метко Пастухов охарактеризовал нас и Темных.

— Кто же тогда? — поразился Лас.

— А это тоже пусть Гесер решает, — ответил я. — У него голова большая, умная. Он на свете пожил долго. Пусть думает.

— Самый правильный подход! — одобрил Лас. — Слушай, а я вот что подумал... полицейай этот напарнику соврал, что в сортир хочет...

— Ну, — кивнул я. Мы как раз въехали во двор многоэтажного здания, и теперь Лас искал, где припарковаться.

— Вначале — соврал. А потом — обделался.

— С перепугу, — решил я.

— Все равно какое-то совпадение необычное.

Я промолчал. В словах Ласа было здоровое зерно. Если вокруг творятся странные вещи, то любое совпадение следует рассматривать особо тщательно.

— Пошли, — сказал я, вылезая из машины. — Поговорим с этим Бисатом... потом будем думать.

Скорее по привычке, чем ожидая увидеть что-то необычное, в подъезде я вошел в Сумрак. Полицейский жил на втором этаже, служебное жилье редко выделяют на престижных высоких этажах. На первом этаже ничего необычного не было — синий мох, паразит Сумрака, ровным слоем покрывал все стены, особенно сильно разрастаясь в углу, возле батареи, и около дверей лифтов. Все предсказуемо, возле батареи целуются молодые парочки, прежде чем девушка поправит одежду и побежит домой к маме и папе... или мужу и детям. А возле лифтов ругаются, когда обнаруживают, что они сломаны и придется идти пешком на двенадцатый этаж, или тихо радуются, предвкушая возвращение домой... Привычными движениями я бросил во все стороны огонь, сжигая паразита. Его, конечно, до конца не выведешь, но это для любого Иного — как вытереть ноги, входя в дом.

Второй этаж меня озадачил. Синий мох был везде — кроме одной двери. От нее он, похоже, отполз. Причем совсем недавно, несколько часов назад. Тонкие синие нити медленно втягивались в синий ковер — так сокращается амеба, наткнувшись на кристаллик соли.

— Он живет здесь, — сказал я, возвращаясь в реальность.

— Что-то увидел? — заинтересовался Лас.

— Да нет, ерунда.

Я позвонил.

Прошло почти полминуты, прежде чем дверь открылась. Без вопросов и, кажется, даже без взгляда в глазок, совершенно ритуального для любого москвича.

На пороге стояла невысокая полная женщина. Эдакая «типичная немолодая восточная женщина» в представлении москвича — в молодости явно красивая, сейчас не очень, с каким-то очень тихим лицом, будто погруженная в себя.

— Здравствуйте. — Я чуть выдвинулся вперед. — Мы из управления... Бисат дома?

Управление — это очень удобное слово. Почему-то никто никогда не уточняет, из какого именно управления. Вот и женщина тоже не стала переспрашивать.

— Входите. — Она сдвинулась в сторону. — В спальне он...

Похоже, нас ждали. Ну, не нас, конечно, но кого-то ждали.

Входя, я глянул на ее ауру. Ничего особенного, конечно. Человек.

Квартирка была трехкомнатная, но небольшая, прихожая совсем узкая и неудобная. Из открытой двери в гостиную гремел незнакомый рок.

Я был игрок и сыграть бы мог
С тем, кто придумывал карты.
Мне везло всегда, и я верил, что моя звезда
Не упадет никогда, но случилась беда...
Жизнь дорога, но все же
Слабых волей бьют как моль.
Выбери, что надежней —
Библия или кольт!

Лас, наостривший было уши — он обожал малоизвестные группы, — с сожалением покачал головой и цокнул языком.

Женщина молча подала мне тапочки, взяв пару побольше из целого табунка у входа. Лас разуваться не стал — и на это она никак не отреагировала.

Странно. Обычно такие простые привычки устойчивее всего. Либо попросила бы переобуться обоих, либо, в силу модных европейских традиций, плохо приживающихся в Москве с ее климатом и грязью, не предлагала бы мне.

В гостиной на диване сидел худенький мальчишка с ноутбуком на коленях. От ноутбука змеились провода к стоящим на полу колонкам. На нас паренек посмотрел и звук в колонках убавил, но даже не поздоровался, что для восточного мальчика уж совсем странно. Я просканировал и его ауру. Человек.

— Сюда...

Вслед за женщиной мы прошли к спальне. Она открыла дверь, пропуская нас, и так же молча, ничего не говоря, закрыла ее за нами, оставшись в прихожей.

Ох, что-то неладное тут творится...

Бисат Искендеров лежал на заправленной кровати в одних трусах и майке и смотрел телевизор, висящий на стене напротив кровати. Все тут было какое-то усредненно-московское, практически без национального колорита, без каких-то личных заморочек: мебель из ИКЕИ, ковер в изголовье кровати (я думал, сейчас так уже не вешают, это была традиция из каких-то замшелых, брежневских еще времен), женский журнал на одной тумбочке, сборник детективов на другой. Такая спальня могла быть в любом российском городе. В ней мог валяться на кровати менеджер Ваня или строитель Ринат.

Не люблю квартиры, в которых нет отпечатка хозяина.

— Здравствуйте, Бисат, — сказал я. — Мы из управления. С вами что-то случилось? Вы заболели?

Бисат посмотрел на меня и снова перевел взгляд на экран. Там шла популярная передача, немолодая женщина-врач с добрыми глазами рассказывала народу про парапроктит. «А теперь мы попросим выйти на сцену кого-нибудь из зала, одетого в футболку или рубашку без воротничка...»

— Здравствуйте, — ответил Бисат. — Ничего не случилось. Я здоров.

— Но вы покинули дежурство... — сказал я.

И посмотрел на него сквозь Сумрак.

Вначале я решил, что со мной что-то случилось.

Потом я понял, что это не со мной. Но легче мне от этого не стало.

— Лас, глянь ауру... — тихо сказал я.

Лас наморщил лоб. И ответил:

— Чего-то не вижу...

— Потому что ее нет, — подтвердил я.

Бисат терпеливо ждал, пока мы говорили. Потом ответил:

— Я покинул дежурство, потому что не было смысла дежурить.

— Расскажите про человека, с которым вы говорили перед тем, как

уйти, — попросил я.

— Чего-то я не понял, — задумчиво сказал Лас. — А разве бывают люди без ауры?

«Представьте себе, что горловина футболки — это на самом деле...» — сообщила с экрана ведущая.

— Перед тем как уйти, я разговаривал с Димой Пастуховым, — сказал Бисат. — Он неплохой человек...

— Раньше! — попросил я. — Перед Димой!

— Перед Димой я разговаривал с продавщицей в табачном ларьке, — сказал Бисат. — Она симпатичная женщина, но худая очень...

— Нет, постой, — попросил я. — Бисат, когда у Пастухова заболел живот и он ушел в здание аэропорта. Помнишь? Ты остановил человека, выходящего из зала прилета...

— Так это был не человек, — очень спокойно возразил Бисат.

— А кто? — воскликнул я.

— Не знаю. — Бисат оставался столь же невозмутим. — Но не человек. Люди такими не бывают.

— Хорошо, расскажи мне, как выглядел этот «не человек», — попросил я. — И о чем вы говорили.

— Он... — Бисат впервые задумался над ответом. И даже проявил какую-то живость — протянул руку и почесал живот. — Он светловолосый. Высокий очень. У него короткая борода. Глаза голубые. Я попросил у него документы. Он ответил, что в этом нет необходимости. Положил мне руку на плечо и посмотрел в глаза. Я... я хотел спросить, что он такое себе позволяет. Но не стал.

— Почему?

— А какая разница.

— Ваш напарник Дима описывал этого... не человека... иначе.

— Я не знаю, как он его описывал, — спокойно сказал Бисат.

Вздохнув, я собрал в руке немного Силы и отправил в сторону полицейского заклинание «Сократ» — кратковременное, но непреодолимое желание говорить истину, и только истину.

Заклинание туманным сгустком пронеслось через Сумрак, прошло Бисата насквозь и унеслось сквозь стену на улицу. Ох, кому-то достанется...

— «Доминанту» давай, — предложил Лас.

Я покачал головой, глядя на лежащего на кровати человека. Обычного человека, которому теперь было «все равно». У которого не было ауры. И сквозь которого проходили насквозь заклинания.

— Не поможет. Пойдем, Лас.

— Но...

— Пойдем, — сказал я.

Бисат снова повернулся к экрану. Ведущая радостно объясняла: «И вот в эти нежные складки и складочки...»

Жена полицейского ждала нас в прихожей. Музыка по-прежнему играла, только уже потише:

Вой, не вой, а итог такой:

Надо платить за удачу.

Только поздно, брат, поливать давно засохший сад,

Жизнь за деньги не взять мне назад...

— Мы пойдем, — неловко сказал я. — Знаете... вам, наверное, будут еще звонить. И зайдут... с работы.

— Я хочу его увезти, — сказала внезапно женщина.

— Куда?

— Домой. В Азербайджан. Есть такой отачи, Юсуф. Травами лечит. Все лечит. Он не только травник, он гам.

— Колдун? — спросил я.

Женщина кивнула и плотно сжала губы.

— Увозите, — сказал я. — Только покажите вначале нашему знахарю, хорошо?

Женщина с подозрением посмотрела на меня.

— Он сегодня к вам придет, — сказал я. — Хороший знахарь. Поверьте.

— Что с ним? — спросила женщина.

— Не знаю, — признался я.

— У него будто души не стало, — сказала женщина.

— Дождитесь знахаря, — попросил я.

Мы вышли из квартиры. Я посмотрел в Сумрак — синий мох отполз еще дальше от дверей. Ему не нравилось то, что там происходило.

— Пошли, Лас, — сказал я. — Надо к Гесеру, и живо.

Но на улице нам все-таки пришлось на минуту задержаться. Перед подъездом стояла парочка — девушка с одновременно разъяренным и растерянным лицом и парень, который с воодушевлением рассказывал:

— А с твоей сестрой я только целовался, и то по пьяни. С Ленкой мы однажды переспали, она пришла, когда тебя не было...

— Придется подчистить, — решил я. — Займусь девушкой, а ты сними с парня «Сократа» и заставь все забыть.

— Надо ли? — задумчиво произнес Лас. — Сам виноват, пусть сам и расхлебывает...

— Ошибки надо исправлять, — сказал я. — Хотя бы те, которые можно исправить.

Лас, очевидно, думал, что мне уже кое-что понятно, и мы сейчас целеустремленно спешим к Гесеру, потому что уж ему-то точно понятно все. Кто такой этот «тигр», почему у живого человека нет ауры (и заодно еще и полностью утрачен интерес к жизни), почему нацеленные в него заклинания проходят его насквозь. На самом деле я ничего не понимал. И подозревал, что Гесер будет ошарашен не менее.

Что такое аура, если разобраться?

Это Сила. Та самая Сила, которую люди постоянно продуцируют, но использовать не могут. Сила истекает в пространство и покрывает всю Землю. Мы, Иные, продуцируем ее куда слабее — и поэтому можем впитывать из внешней среды (примерно то же самое делает синий мох, только мы куда эффективнее — и еще умеем мыслить). Если нет ауры — значит нет Силы... нет жизненной энергии... человек или Иной — он уже мертв...

Нет, ерунду я думаю! Как это — нет ауры? Вампиры мертвы, они находятся в состоянии «послежизни», а вот аура у них есть. Своя, особая, вампирская, но есть. У Надюшки — Абсолютной волшебницы, имеющей «нулевую магическую температуру», — аура тоже имеется — и будь здоров какая!

Я потер лоб. Никогда не стремился разобраться во всех этих деталях нашего существования. Считал, пусть научная группа ломает ум... все равно все эти теории бесконечно далеки от жизни.

Итак... почему есть аура у тех, кто мертв? И у тех, кто вообще не излучает «жизненной энергии»? И почему они живы... как ни ужасно мне было ставить в один ряд вампиров и Надю, я сделал над собой усилие и попытался рассмотреть вопрос абстрактно. Без жизненной энергии жить нельзя... а мертвые и «нулевые волшебники» ее не продуцируют...

Стоп! Все элементарно. Они не излучают, но потребляют. Вампирам чужая Сила дает посмертное существование. Получается, что... что и Наде она обеспечивает жизнь. Если проводить какую-то аналогию... то моя дочь — она как человек, чей организм не вырабатывает кровь. И живет она на постоянных, непрерывных переливаниях...

Я сморщился и заерзал на сиденье. Даже думать об этом было неприятно. Может быть, поэтому я никогда и не вдавался в детали того, как связаны между собой Сила, аура, жизнь?

Ладно, это все пустое. Пусть Надя живет на чужой жизненной силе. Она живет, и с ней все хорошо. А как можно лишить человека Силы — и при этом оставить его в живых? Не убить, не превратить в вампира — а превратить в какую-то странную разговаривающую куклу?

Не знаю.

— Задумался ты, — сказал Лас.

— Ага, — подтвердил я.

— Слушай, у меня вопрос есть... А Высшие — они видят, как душа отлетает?

— Душа? — не понял я. — Отлетает?

— Ну да. Аура — это же душа, верно? Вот когда человек умирает, видно, куда аура полетела? Я к тому, что можно было бы вычислить положение рая и ада. Если взять двух одновременно умирающих в разных концах земного шара, засечь направление отлета души, то методом триангуляции...

— Лас, аура — не душа! — возразил я. — Аура — жизненная энергия.

— А я думал — душа, — расстроился Лас. — Так душу не видно?

— Нет, — ответил я. — И когда человек умирает, то аура никуда не улетает, она гаснет.

Что-то в этом было. В вопросе Ласа, в моем ответе...

Но понять я не смог или просто не успел — мы проехали под услужливо поднявшимся шлагбаумом на нашу стоянку. И остановились прямо перед Гесером.

Вот чем настоящий Высший маг отличается от неопита вроде меня — опытом. И умением делать кучу дел одновременно. Если бы я послал кого-то по делам и отслеживал потом его действия — я бы, наверное, мог почувствовать, что он спешит обратно с важным докладом. Но мне пришлось бы этим заниматься специально. А Гесер, похоже, ощутил мое приближение так, между делом, и заинтересовался настолько, что вышел навстречу.

— Рассказывай, — коротко велел он, когда я начал выбираться из машины. — И быстро!

Быстро так быстро. Я посмотрел ему в глаза и прокрутил в голове разговор с Пастуховым и визит к Искендерову.

— Пошли в кабинет. — Гесер развернулся. Провешивать портал на таком расстоянии было бы пижонством. — Звони Светлане.

— Зачем? — доставая мобильник, спросил я.

— Я открою портал в вашу квартиру. Пусть берет Надю и идет сюда.

По спине противным холодком пробежал страх.

— Нет, я не вижу непосредственной угрозы, — сказал Гесер не оборачиваясь. — Но мне крайне не нравится происходящее. И мне нужны все Высшие Москвы.

На ходу Гесер время от времени словно бы запинался, не совсем уж останавливаясь, но притормаживая на мгновение. Похоже, он связывался с другими Высшими.

Хотя с какими другими? Светлане звоню я... что ж она не берет-то трубку... есть еще Ольга... вот и весь состав «магов вне категории» Ночного Дозора. У Дневного в активе сейчас только Завулон, у них много магов первого-второго уровня, но с Высшими последнее время не складывается...

— А мне что делать? — обиженно крикнул вслед Лас.

— Зайди в научный отдел, Иннокентия ко мне! — велел Гесер. Он любил, когда все вокруг при деле.

Светлана наконец-то ответила.

— Антон?

— Света, сейчас Гесер провесит к нам в квартиру портал...

— Уже висит, — спокойно ответила Светлана.

— Бери Надьку и дуй к нам.

— Спешно? — уточнила Света.

— Пусть возьмут вещи на день-два, — обронил Гесер. — Но особо не копаются.

Эта реплика мне совсем не понравилась. Похоже, Гесер собирался перевести Свету и Надю «на осадное положение». Это пугало: учитывая, что речь шла о Высшей волшебнице (пусть и специализирующейся на целительстве — но, как известно, любое лечебное заклинание с тем же успехом может служить и атакующим) и волшебнице Абсолютной — то, что ей всего десять лет, не делает Надю беззащитной. Она может поставить самую банальную Сферу Отрицания — но с такой мощностью, что ее из пушки не пробьешь.

— Я слышала, — сказала Света. — Сейчас, покидаю чистого белья в сумку... Тебе чего-нибудь принести?

— А... — запнулся я. — Ну... пару носков, пару трусов...

— Рискну захватить еще и чистую рубашку, — решила Светлана.

Мы уже подходили к кабинету Гесера, когда я все-таки решился заговорить — шеф больше не вздрагивал при ходьбе, видимо, со всеми, с

кем нужно, уже связался.

— Борис Игнатьевич, вы, как я вижу, поняли, что происходит...

— Ни черта я не понял, Антон, — ответил Гесер. — Ни черта. Я даже не слышал ни о чем подобном. И это... — Он пожевал губами, подбирая подходящие слова. — Это меня пугает.

Он распахнул дверь, и мы вошли в его кабинет.

Глава четвертая

Первое, на что я обратил внимание, — висящие в воздухе порталы. Вызванные Гесером Высшие очень спешили.

Потом я сосчитал порталы. Один, для моих девчонок, мерцал тонкой белой рамкой, ожидая, пока через него пройдут. Три портала медленно гасли.

Три?

И я уставился на тех, кто уже сидел за столом.

Ольга. Ну, это понятно. Я машинально кивнул ей.

А этот тихий старичок с растрепанными седыми волосами, в потертом костюме и старомодном широком галстуке, похожий на престарелого профессора или врача?

И этот крепкий бородатый мужчина, чье лицо мне почему-то знакомо... не из дозорной жизни, скорее — из человеческой, то ли по телевизору видел, то ли в газетах...

У нас в Дозоре таких нет.

— Спасибо, что не задержались, — сказал Гесер, проходя к своему креслу. — Познакомьтесь. Это Антон Городецкий. Вы о нем наверняка слышали.

— Кто же не знает Антона Городецкого? — с улыбкой сказал старичок.

— Это — Марк Эммануилович Жермензон, — представил его Гесер. — Высший Светлый. Боевой маг.

— Сергей, — представился второй. — Сергей Глыба. Высший Светлый.

— Я вас знаю, — вспомнил я наконец-то. — Вы... вы же этот...

— Прорицатель! — радостно подтвердил он.

Он действительно был прорицателем. Из числа тех, что публикуются в «желтых» газетах и не менее «желтых» журналах, толкуются на телевидении, сидят среди приглашенных гостей «на первом ряду» в бесчисленных ток-шоу. Он предсказывал финансовый кризис, когда тот заканчивался. Укрепление рубля перед тем, как тот падал. Замену долларов в США на неведомые «амеро». Падение астероидов. Прилет инопланетян. Эпидемию козьего гриппа. Неслыханный рост российской экономики. Тайфуны и землетрясения.

Если бы все его прогнозы сбывались с точностью до наоборот, то в них был бы смысл. Но это была обычная предсказательная болтовня по

принципу «трех П» — пол, палец и потолок. Иногда в прессе над ним хихикали, но его импозантный облик и бойко подвешенный язык нравились читателям (точнее — читательницам), и без работы он не оставался.

— Вы прорицатель? — сказал я с сомнением.

— Антон, ну что же вы, думаете, я буду всерьез прорицать для людей? — с улыбкой ответил Сергей.

— Никогда не видел вас в Дозоре, — сказал я.

— А они не в Дозоре, — мрачно сказал Гесер. — Марк Эммануилович, можно сказать, на пенсии.

— По ранению, — с веселой улыбкой уточнил Жермензон.

— А Сергей просто не хочет служить, — добавил Гесер.

— Имею право, — ответил Глыба. — Хочу жить как человек.

Из последнего портала вышла Света, держащая за руку Надю. Портал немедленно погас.

— Здравствуйте, — очень вежливо сказала Надя. — Дядя Гесер, тетя Оля, здравствуйте.

Я увидел, с каким нескрываемым любопытством уставились на мою дочь Марк и Сергей, и усмехнулся.

— Все прибыли, прекрасно, — сказал Гесер. — Начинаем работать. Вы все в курсе того, что узнал Антон...

Ого... быстро он. Не только позвал, значит. Еще и проинформировал.

— У нас чрезвычайная ситуация, — продолжал Гесер.

— Полагаю, очень сильно чрезвычайная? — уточнил Марк Эммануилович.

— Крайне, — неожиданно сказал Глыба, запрокидывая голову и закрывая глаза. — Гесер... спасибо, что всех собрал.

— Что видишь? — не глядя на прорицателя, спросил Гесер.

— Ничего.

— Тогда откуда панические настроения?

— Я ничего не вижу, Гесер. — Сергей потер лоб и криво улыбнулся. — Вот откуда и паника. Ты же знаешь, я всегда что-нибудь да вижу...

— Обычно — всякие гадости... — буркнул Гесер.

— Жизнь такая. А сейчас — пусто.

— Ты что, конец света предрекаешь? — заинтересовался Жермензон. — И что-таки, потом ничего?

— Да не обязательно. — Глыба поморщился. — Уж с твоим опытом, Эммануилыч, стоило бы знать азы прорицания. «Слепота прорицателя» возникает в ситуации, когда на ближайшее будущее воздействуют силы,

превосходящие силы прорицателя как минимум на порядок. То есть для второго ранга это будет маг первого уровня, для первого уровня — Высший маг...

— И в результате мы получаем замечательную картину — в Москве появилась сила, на порядок превосходящая Высшего мага, — подытожил Гесер. — Не знаю, как вам, а мне это кажется близким к апокалипсису...

— Дядя Гесер. — Надя, присевшая рядом со Светланой за дальний конец стола, подняла руку будто в школе. — Силы Высших не могут различаться на порядок, нас так в школе учили...

Гесер поморщился и попросил:

— Надя, давайте, пожалуйста, без «дядя». Ты уже... э...

— Большая девочка, — послушно сказала Надя. — Ну так нас учили, что сила Высших магов практически одинакова, небольшие колебания, замеренные в ходе прямых силовых противостояний вроде «пресса», никакого значения не имеют и не являются стабильными. Сегодня чистая Сила выше у одного Высшего, завтра у другого. Основное значение в противостоянии Высших имеют опыт и тактика ведения поединка.

— Исключение из правила? — спросил Гесер с любопытством.

— Так называемые «нулевые» маги вроде меня, — без лишней скромности ответила Надя. — Мы бесконечно превосходим силой любых магов, включая Высших, поскольку теоретически можем создать заклинание любой мощности.

— Любое, но в рамках существующей на Земле магической энергии, — уточнил Гесер. — Точнее формулируй!

— Да я просто не успела закончить, — сказала Надя.

Выкрутилась!

— Хорошо, пять с минусом, — сказал Гесер. — И что же ты хотела сказать?

— Как может существовать маг, на порядок превосходящий Высшего прорицателя? Это либо нулевой, либо...

— Ну, ну! — подбодрил Гесер.

— Либо вообще не маг. — Надя внезапно смутилась и подалась к матери. Светлана обняла ее за плечи. Я поймал взгляд дочери и одобрительно кивнул.

— Мы не можем исключить существование другого нулевого мага полностью, — сказал Гесер. — Но и предпосылок к этому нет.

— В том числе не было и никаких предсказаний на этот счет, — заметил Глыба. — А Надя была предсказана.

— Давайте рассматривать другие варианты, — сказал Гесер. — Маг,

даже нулевой, это всего лишь маг.

— Зеркало? — тихо спросила Светлана.

Повисла напряженная тишина.

Зеркало — это плохо. Это очень плохо, потому что с ним практически невозможно бороться. Зеркало порождается Сумраком... то есть никто на самом деле не знает, как и почему обычный неинициированный Иной с неопределенной аурой, одинаково склонный к Свету и Тьме, превращается в Зеркального мага. Зато известно, почему он появляется и что потом происходит. Зеркальный маг приходит в то место, где сильно нарушен баланс Света и Тьмы, после чего встает на сторону проигрывающей стороны. Ну и... ликвидирует разрыв. Самым банальным способом — либо убивая магов, либо лишая их силы. Светлана одиннадцать лет назад потеряла большую часть своей силы — и еще счастье, что ей удалось восстановиться так быстро.

— Это не может быть Зеркало, — сказал Гесер и покачал головой. — Зеркальный маг поднимается по уровням лишь в ходе поединка с обычными магами. У нас кто-нибудь из Высших с Зеркалом сражался?

— Темные? — предположил Марк Эммануилович.

— У них в Дозоре один Высший, сам Завулон.

— А Юрий и Николай? — удивленно поднял бровь Жермензон.

— Юрий семь лет назад перебрался в Минск, там у него карьерные перспективы более внятные, — усмехнулся Гесер. — А Николай — как вы. В запасе уже пятый год. По-моему, ничем не занят, кроме рыбалки на Ахтубе...

— Он еще пишет любовные романы под женским псевдонимом, —插вила Ольга.

— Да? — неожиданно заинтересовался Глыба. — И как?

— Читать можно, — оживилась Ольга. — Особенно...

— Тише! — Гесер постучал пальцем по столу. Звук был неожиданно громким. Прикрыл глаза, посидел несколько секунд молча. — Я попросил Завулону проверить его Высших из запаса. Но, полагаю, никто из них ни с кем не сражался. Да и с какой бы стати Зеркалу убивать Темных? При нынешнем раскладе сил он опять должен убивать нас!

— Тогда кто? — Жермензон развел руками. — Если не Зеркало... кто-то из древних магов? Были же среди них нулевые... ну... или близкие к тому...

— Кто и зачем? — ответил вопросом Гесер. — Главное — зачем? Тайком явиться в Москву, проделать невесть что с попавшимся на пути человеком... Нет, давайте рассмотрим альтернативные варианты!

— Не Зеркало и не неизвестный нам Выс... э... нулевой маг? — спросил Глыба.

— А какие варианты еще могут существовать? — впервые задала вопрос Светлана. — Вы извините, Борис Игнатьевич, у меня на плите борщ недоваренный остался, Надя сидела уроки делала, тут вы нас выдергиваете... и, как я вижу, сами не понимаете зачем!

Гесер посмотрел на меня. И сказал:

— Давай-ка ты, Антон. Что тебя пугает?

Я подумал минуту, прежде чем начать отвечать.

— Самолет... Самолет, который должен был упасть, но не упал. Мальчик-пророк, который так удачно попался мне на глаза. Его слова... относительно меня в первую очередь. Полицейский, с которым я столкнулся много лет назад и который теперь видит Иных, сам Иным не являясь. Его напарник, у которого исчезла аура и которому теперь все поровну. Неизвестный, которого полицейский назвал «тигром». То, что оба полицейских описали неизвестного совершенно по-разному. Невозможность предвидеть события для Высшего мага-прорицателя.

— Как это все может быть взаимосвязано?

— Не знаю, — честно сказал я.

— И что именно тебя пугает? Неужели слова про «тигра»? Так твой полицейский и нас называет «собаками», и Темных «волками».

— Меня пугает концентрация странностей, — сказал я. — Все началось сегодня утром. Восемь с половиной часов назад! И столько всего сразу!

Гесер кивнул. Кажется, он был удовлетворен моими словами.

— Правильно. Очень много странностей. Совпадением это быть не может, значит, должна быть общая причина. Предлагайте свои варианты.

— Вы прямо как доктор Хаус, Борис Игнатьевич, — с иронией произнесла Светлана.

— Что?

Это был один из тех редких случаев, когда я видел шефа растерянным. Он, по-моему, совсем не интересовался кинематографом, а по телевидению смотрел только новости и фигурное катание — чем-то оно его привлекало.

— Не важно, — сказала Светлана. — Доктор такой... известный. Он тоже предлагал подчиненным выдвигать безумные теории, а сам выбирал из них правильную.

Гесер с легким сомнением смотрел на Светлану. Потом кивнул и сказал:

— Надеюсь, у этого доктора более инициативные подчиненные. Я

пока ни одной версии не слышу.

— Божественная сущность, — неожиданно сказал Жермензон. — Нет, я не веду речь о Боге или мессии, но, возможно, мы имеем дело с проявлением какой-либо сакральной, мистической сущности...

— Пенсия на тебе вредно сказывается, Марк, — сказал с раздражением Гесер. — Единственная мистическая сущность в нашем мире — это мы, Иные. Все остальное — человеческий фольклор.

— Ну, некоторые Иные так не считают... — пробормотал Жермензон, впрочем, без особого напора.

— Значит, это фольклор Иных! — отрубил Гесер. — Серьезные версии есть?

— Порождение изначальной Силы, — предположил Глыба. — Света или Тьмы...

— Это та же самая «божественная сущность», только другими словами, — сказал Гесер.

— Но Свет и Тьма существуют, — пожал плечами Глыба. — Когда мы клянемся Светом, он подтверждает наши слова.

Гесер поморщился.

— Софистика. Мы не знаем, как и почему это происходит. Ты знаешь? Я — нет. Возможно, кто-то из Великих магов древности создал заклинание, которое действует до сих пор. Подозревать Свет и Тьму в осознанной деятельности — это...

— Это все равно как предположить, будто Сумрак создаст Зеркало и пошлет проигрывающей стороне... — мягко сказала Ольга.

Гесер заткнулся.

Именно заткнулся, а не замолчал. Посидел, глядя в столешницу, потом сказал:

— Версия принимается. Она нелепа. Она мне не нравится... потому что я боюсь чего-то подобного. Но как версия — принято. Еще?

Надя снова подняла руку.

— Мне кажется, Борис Игнатьевич, что гадать сейчас вовсе не нужно, — сказала она. — Ну какая нам разница, кто именно появился? Мы ведь уже знаем, что он очень сильный и делает странные вещи. И пусть! Нам надо понять, чего он хочет.

— И?... — спросил Гесер.

— Па... Антон... — Надя покраснела.

— Ничего, мы в курсе, что он твой папа, — неожиданно мягко сказал Гесер. — Говори.

— Все началось с того, что папа увидел мальчика-пророка, который

боялся лететь на самолете, потому что самолет должен был упасть, — явно смущаясь, начала Надя. — Ну, он мальчика и его маму спас, так? А если кто-то тоже хотел его спасти, только поступил проще, спас сразу весь самолет? Поэтому самолет и не упал. Ну а когда понял, что мальчика там уже нет, то отправился его искать...

— История с полицейскими? Почему он так прокололся? Оставил не просто свидетелей, а свои следы?

— Он не прокололся. Он... он представился, — тихо сказала Надя.

— Оставил визитную карточку! — Ольга щелкнула пальцами. — Верно. Понял, что один из полицейских распознал в нем Иного. Воздействовал на его напарника. Но с чего он решил, что мы выйдем на этих полицейских, да еще так быстро?

— Если тот полицейский обычный человек, но видит Иных, — это может быть последствием общения с папой, — сказала Надя. — Нас учили, что заклинание может оставить побочный эффект, след... И этот след обычно завязан на того мага, который заклинание накладывал. Вдруг кто-то увидел на полицейском след — и понял, что он с папой связан? Для него это было... ну, как собаку пнуть — чтобы завизжала и хозяин обернулся...

— Ничего себе сравнение, — сухо сказала Ольга.

— Извините, — ответила Надя. — Я же с его точки зрения сужу...

Я обратил внимание, что Гесер уже с полминуты сидит с закрытыми глазами. И медленно багровеет. Потом Гесер открыл глаза и встал:

— Так. Я не слышу Семена. И не могу с ним связаться. Кто-нибудь, попробуйте!

Ольга тоже прикрыла глаза.

Глыба картинно приложил ладонь ко лбу.

Жермензон пожевал губами.

Светлана нахмурилась.

А я достал мобильник и нажал одну из клавиш «горячего вызова».

— Да, Антоха? — жизнерадостно ответил Семен.

— Ты где?

— Я? Я в гостях у Оли и Кеши. Чай пью. Рассказываю, какая у нас замечательная школа для художественно одаренных детей.

— Гесер не может с тобой связаться, — сказал я.

Последовала короткая пауза, после которой Семен сказал.

— А ты знаешь, я тоже не могу. Ни с кем. Как-то глухо... в эфире...

— Скажи, что мы едем, — быстрым шагом направляясь к двери, приказал Гесер. — Антон, Марк, Ольга, вы со мной! Светлана, Сергей, вы за старших по Дозору.

— Я не в штате! — возмутилась Светлана.

— Считай, что тебя призвали, — бросил Гесер не оглядываясь.

— Света, если мы сейчас будем спорить, — мягко сказала Ольга, поднимаясь вслед за Гесером, — ребенок может погибнуть. И Семен тоже. Понимаешь?

И Светлана, которая на моей памяти уже сотню раз отбивалась от попыток Гесера хоть как-то привлечь ее к делам Дозора, сразу осеклась. Лишь спросила вслед:

— Что именно мне делать?

— Убивай все непонятное, что попробует войти в офис, — ответил Гесер.

— Я врач, а не убийца! — возмутилась Света.

— У каждого врача должно быть свое кладбище, — отрезал Гесер.

Когда мы выбежали во двор, шлагбаум на въезде был уже поднят, а в разъездную машину — потрепанный японский «паркетник» — садились Алишер и Гарик — видимо, они сегодня были дежурными.

— Марк Эммануилович, будь добр, сядь к ребятам, — бросил Гесер.

Похоже, он всерьез считал необходимым присутствие в каждой машине хотя бы одного Высшего.

А мы уселись в старый «БМВ», на котором Гесер ездил сколько я себя помню. Я сел впереди, Ольга — на заднее сиденье, Гесер — за руль. Обычно он так не делал, я даже не был уверен, что Великий умеет водить автомобиль.

Оказалось — умеет, да еще как. Мы вылетели на улицу и с ходу рванули по встречке, которая, очевидно, показалась Гесеру более свободной от транспорта. От дружных проклятий водителей и возгласов о распоясавшихся депутатах и чиновниках, которые ездят как хотят, нас спасало только одно.

Машина была невидима.

Причем Гесер использовал не обычное заклинание вроде Сферы Отрицания или его аналогов. Мы были совершенно невидимы. Мы были пустым местом, несущимся по дороге сквозняком, пустотой — с точки зрения любого водителя.

Честно говоря, это напрягает, даже если за рулем сидит Высший маг, чей водительский стаж в принципе может превышать сотню лет.

Но Гесер, оказывается, не собирался играть в салки с московскими автомобилистами. Еще через мгновение машина соскользнула в Сумрак.

Войти в Сумрак может каждый Иной. Привести с собой человека,

пронести что-либо — тоже задача чисто техническая.

Но вот протащить в Сумрак машину!

— А помнишь, как мы на боевом слоне в Сумрак въехали? — внезапно спросила Ольга и засмеялась.

Шутит или всерьез? Кто ее знает...

Теперь мы мчались по сумеречной Москве. Первый слой — самый близкий к реальности. Тут даже есть дома, машины, люди. Все сероватое, тусклое, заторможенное — но еще настоящее. Почти настоящее. Только добавился синий мох на дорогах и стенах домов...

И машина радикально изменилась. Старый, но крепкий немецкий автомобиль будто потек, меняя пропорции, салон сделался куда старомоднее, руль в руках Гесера сжался, став тоненьким, с блестящим никелированным ободком внутри и эмблемой в виде горделивого оленя посередине. Такая же фигурка оленя выскользнула из капота. Приборная доска выгнулась горбом, выпятив перед Гесером полукруглый спидометр, под которым прятались четыре крошечных прямоугольных циферблата. Посередине вместо простенького борткомпьютера возник совсем уж примитивный радиоприемник на два диапазона, а прямо передо мной — круглые механические часы.

— Да, — сказал Гесер. — Я предпочитаю отечественные машины. «Волга», вторая серия. Мой верный боевой конь. Прошу никому не рассказывать... знаю я вас, остряков...

Это была не просто видимость — я почувствовал запах кожаной обивки и заелозил на скользком сиденье. Ну надо же... даже не знал, что советский автопром выпускал «Волги» с кожаным салоном и автоматической коробкой... может, тут еще и подушки безопасности есть... не помешали бы!

Нет, ну каков шеф-то! Ездить на старой «Волге», маскируя ее под старенькую, но приличную «бэxu»! Честно говоря, не ожидал от него такого стеснительного патриотизма... или это не патриотизм, а консерватизм?

Впрочем, патриотизм и консерватизм, как правило, неразделимы.

Гесер крутанул руль, уворачиваясь от «рейнджровера», стоящего посреди дороги. Странная это была машина — вся разукрашенная какими-то рекламными надписями, прогнившая насквозь, с вывалившимся из капота двигателем. Скорее всего в реальном мире ее уже давно не было, в Сумраке догнивал информационный фантом — такое бывает с предметами, которые по тем или иным причинам долго были объектом человеческого внимания. Последствия какого-то ДТП, что ли?

— Нет, надо поглубже, — внезапно сказал Гесер.

И вот тут он меня удивил по-настоящему. Крякнул — и мир вокруг совсем выцвел.

Мы были на втором слое Сумрака.

Дома стали деревянными. Очень странно выглядят деревянные дома в девять-десять этажей, честное слово. Дорога превратилась в проселок, извилистый и покрытый кочками. Люди почти исчезли, со второго уровня они плохо различимы. Все стало серым. Вместо машин над дорогой висели облачка пара — будто выдохнули полной грудью в холодный день...

Ну и конечно же, стало очень холодно.

И машина опять изменилась.

Очень заметно и в лучшую сторону.

Выгнувшийся в прыжке олень на капоте трансформировался в крылатую девушку.

Некоторое время я смотрел на эмблему в виде двух переплетенных латинских букв «R». Потом спросил:

— Борис Игнатьевич, так вы предпочитаете отечественные автомобили?

Гесер молча гнал «роллс-ройс-фантом» по пустым дорогам, беззаботно проносясь сквозь пар и человеческие тени. Большинство ничего не заметит. Некоторые ощутят на секунду холодок на коже и почувствуют глухую, безысходную тоску по чему-то прекрасному, захватывающему... чего им никогда не дано испытать. Американцы в таких случаях говорят «Кто-то прошел по моей могиле».

На самом деле все чуточку страшнее — сквозь тебя в этот миг прошел Иной.

— Все врут, Антон, — неожиданно ответил Гесер. — Все врут.

Похоже, телевизор он все-таки смотрит.

А его консерватизм все-таки не равен патриотизму.

— Хорошая машина, — признал я. — Так... между нами, конечно.

По второму слою мы ехали с той же скоростью, как и в обычном мире. Ну, за исключением того, что у нас на пути не было пробок. Но Гесера, конечно, интересовало не это. Главное было в том, что время здесь шло куда медленнее, чем в реальности. К Семену мы приедем буквально через минуту после звонка.

Впрочем, тот, кто к нему идет, тоже может двигаться через Сумрак. И даже спуститься на слой-другой ниже.

Конечно, если к нему вообще кто-то идет.

Внезапно Гесер выругался. В принципе языка, на котором он сейчас

заговорил, я не знал. Наверное, на этом языке говорили на Тибете во времена его детства. Но интонация сомнений не вызывала — шеф ругался.

— Фи, Гесер, — подтвердила мою догадку Ольга.

— Ничего необычного не замечаете? — спросил Гесер.

Я огляделся. Сказал:

— Сумрак. Синий мох. Все как обычно.

— Мы на втором слое, — задумчиво произнесла Ольга. — Откуда здесь синий мох?

Мха, если честно, было не много. Иногда — пятна на дороге, иногда — на стенах. Бесцветность второго уровня делала их едва заметными, но они и впрямь здесь были.

Синий мох — на втором уровне Сумрака!

— Никогда такого не видел, — признался я.

— Дело в том, что и я такого не видел, — произнес Гесер. — Вот разве что...

Но закончить он не успел — прямо перед лобовым стеклом «роллс-ройса» полыхнул файербол.

Глава пятая

Если разделить всю существующую магию на две части, то проще всего делить ее на боевую и бытовую. Вопреки расхожим мнениям начинающих Иных бытовой получится раза в два, а то и в три больше. На самых первых занятиях в Ночном Дозоре это старательно вдалбливается в головы новичков — магия предназначена не для зла, не для войны, не для убийства... на любой файербол или «поцелуй ехидны» найдется штук пять мирных заклинаний — «дробилка» для измельчения мусора, «утюг» для глажки белья, «шило» и «сверло» для проделывания дырочек в домашних условиях, «Прометей» для легкого и удобного розжига костра или барбекю...

Довольно быстро, впрочем, новички понимают, что почти все бытовые заклинания прекрасно работают и в боевых условиях. По сути, единственные их недостатки — они либо более медленные, либо затрачивают больше Силы, чем специализированная боевая магия. За то время, пока начинающий Иной создает и настраивает «сверло» или прилаживает к физиономии противника «утюг», можно раз десять шарахнуть «тройным лезвием».

Поэтому после краткого интереса к нестандартным способам применения «дробилки» или «вантуза» большинство Иных перестают экспериментировать и начинают пользоваться бытовой магией в быту, а боевой — в бою.

Кроме некоторых Иных. Тех, кто рано или поздно заслужит уважительное звание боевого мага.

Именно они в конце концов постигают главную истину — очень просто и эффектно получается колотить друг друга файерболлами или давить «прессом». А еще — очень долго. Потому что противник от тебя этого ожидает. И закрывается Барьером Воли, Сферой Отрицания, «щитом мага»... Вот и стоят друг против друга Светлый и Темный, молотя друг друга заклинаниями, закрываясь от них, порой еще успевая переругиваться при этом. Может быть, оно и хорошо. Все-таки большинство магических поединков ведутся не насмерть, а пока противник не сдастся или не покинет поле боя. Иначе мы бы уже давно сами себя поубивали.

А вот если в бой вступает настоящий боевой маг — то все происходит совсем иначе. Он применяет старую добрую лечебную «ивовую кору» или его развеселую темную вариацию «аспирин». И не ожидающий этого враг

внезапно обнаруживает, что температура его тела упала до температуры окружающей среды. Боевой маг не швыряет «тройное лезвие», он использует простенькую «тёрку», которой Светлана делает для Надюшки витаминный салат из яблока с морковкой, а я отчищаю кастрюли, если что-то пригорит... И противник становится на миллиметр-другой тоньше. Сразу со всех сторон. После этого обычно бой никто продолжить не может.

Я, конечно, до настоящего боевого мага не дорос. Но и файерболами уже давно не кидаюсь.

Впрочем, такой файербол, как летящий сейчас в нас, был достоин всяческого уважения. Это был файербол премиум-класса, выражаясь языком менеджеров торговых компаний. Это был царь-файербол, говоря поэтически. Это был альфа-файербол, как сказал бы биолог. Это был файербол диаметром около трех метров, мог бы заметить очень хладнокровный математик.

Это был обосраться какой страшный файербол!

— Мать твою! — завопил Гесер, выкручивая руль. В минуту настоящего ужаса только русский язык мог передать все его чувства. Я горжусь великой русской культурой!

«Роллс-ройс» рванул влево — как любой водитель, Гесер произвольно поворачивал так, чтобы подставить под удар не себя, а соседа. Ничего личного, просто рефлекс.

У меня они тоже были — я ударил руками в стекло, к своему великому удивлению, выбив его наружу, и направил к летящему в нас огненному шару раскрытые ладони. Что я хотел сделать — Сферу Отрицания или «щит мага», — я даже и сам не понял. Потому что оказалось, что я уже произвольно делаю «пресс» — бью в сгусток пламени чистой Силой.

Инстинктивная реакция оказалась удачной. Выдержал бы «щит» удар такого мощного файерболы или нет — это еще вопрос. Успел бы Гесер уклониться — тоже непонятно. Хороший файербол самонаводится на цель подобно современной ракете.

А вот удар Силой помог. Файербол расплескало во все стороны, будто горящее масло. Какие-то мелкие сгустки пламени ударили и по машине — но Ольга тоже не зевала, нас накрыло полупрозрачной чешуей какой-то хитрой защиты, да и сама машина, похоже, была от души накачана заклинаниями. Пламя стекло вниз, под колеса, и мы проскочили сквозь ревущий огненный шторм.

Как раз вовремя, чтобы увидеть противника.

Мне он ничуть не показался похожим на то описание, что дали полицейские.

Совсем молодой, чуть больше двадцати.

Стройный, светловолосый.

Приятное лицо, очень доброжелательное, какое-то даже благородное.

Одежда светлых тонов (цвет на втором слое Сумрака не разглядишь) и плащ. Честное слово, плащ! Настоящий, развевающийся за плечами, будто у какого-нибудь комиксового Супермена!

Парень стоял и задумчиво смотрел на машину. Не то чтобы с разочарованием... Но с некоторым удивлением.

— Идем, — сказал Гесер, выключая зажигание и выбираясь из-за руля.

Мы с Ольгой последовали за ним. Вне машины холод Сумрака вцепился в нас мертвой хваткой. Дул ровный стылый ветер, вечный ветер второго слоя.

— Кто ты такой и что тебе нужно? — крикнул Гесер.

Парень не ответил. Похоже, он размышлял.

— Ночной Дозор! Выйти из Сумрака! — сказал я, не переходя на крик, но погромче, поубедительнее.

— Иначе мы применим силу, — поддержала меня Ольга.

Парень начал улыбаться. А Гесер вполголоса произнес:

— Вот это я бы не стал говорить, вдруг он сам...

И он действительно все сделал сам. Уж не знаю, что хотел сказать Гесер, но незнакомцу самости было не занимать. Парень развел руками — мне показалось, что он лепит из воздуха новый файербол, чуть поменьше прежнего, но свечения не возникло, хотя какая-то сила в его ладонях мерцала, что-то готовилось...

— «Фриз»! — крикнула Ольга, и я отреагировал на ее слова, как на команду — со всей силы, что была, ударил в незнакомца заклинанием локальной остановки времени.

А что? Если разобраться — гуманно и надежно. Враг обездвижен, беспомощен, но совершенно цел. У нас есть время разобраться и что-то сделать, у него времени нет.

Вот только Ольга вовсе не просила применять «фриз». Она предупреждала о том, что собирается сделать чужак.

Гесер внезапно исчез — похоже, прыгнул вниз или вверх по Сумраку. Ольга гигантским прыжком, которому позавидовал бы не то что Брумелль, а даже и голодный вампир, отлетела в сторону метров на десять.

А я остался стоять как дурак прямо под идущим на меня «фризом»...

Но зависнуть посреди Сумрака, мухой в янтаре остановившегося времени, мне было не суждено. Мой собственный «фриз» — куда более слабый, чем у врага — влетел в несущееся навстречу заклинание. И как это

частенько с заклинаниями бывает — они мгновенно взаимодействовали.

Посреди мрачной серой дороги, зажатой между карикатурными деревянными домами, повис сверкающий, будто драгоценный камень, многогранник. Он медленно вращался, оседая вниз, в землю. Силуэт противника за ним дробился на множество крошечных фигурок.

— Старый дурак! — рявкнул Гесер, возникая рядом со мной. Взмахнул руками — за прозрачным кристаллом полыхнуло зеленым пламенем.

— Не стоит так убиваться, шеф, — не удержался я.

И встретил непонимающий взгляд Гесера.

— Рад, что ты способен шутить, но я — о нем. — Гесер кивнул в сторону зеленого огня. — А ты, Антон, на сегодня все запасы удачи явно исчерпал. Сбить «фриз» «фризом» — задачка не из легких.

— О нем? — уточнил я, кивая на парня. Посмотрел на зеленое пламя — оно медленно гасло. — Что это такое?

— Оно его затормозит, — уклончиво, но очень убежденно сказал Гесер.

Зеленый огонь погас.

Парень отряхнул с плаща какие-то липкие зеленые искры и посмотрел на нас. На этот раз — совсем не по-доброму.

— Ого, — сказала Ольга, возвращаясь к нам. — На «тайгу», значит, мы плюем...

— Что-то страшное грядет, — сообщил Гесер, после чего снял пиджак и бросил его на землю. Он что, на кулачках подраться решил?

Парень, похоже, и против рукопашной ничего не имел — двинулся по дуге, обходя замороженный «фризом» участок пространства. И несмотря на весь его симпатичный, благообразный облик, я как-то очень четко вспомнил слова Пастухова.

«Тигр»...

И в этот момент послышался звук работающего мотора. Боевой маг Жермензон с командой наконец-то нас догнал. Они выскочили из машины, по-моему, даже раньше, чем она остановилась. Гарик с ходу поставил «щит мага», причем, судя по мощности, используя какой-то служебный амулет. Жермензон выдвинулся вперед, Алишер встал за ним, чуть наклонив голову и прижав ладони к сердцу, — похоже, он собирался работать на подхвате, подкачивая Жермензона энергией.

Парень остановился, оценивая диспозицию. Честно говоря, непонятно, что он собирался в такой ситуации ловить — против него было четыре Высших мага, да еще и пара оперативников, пусть и уступающих в силе, но имеющих неплохой боевой опыт.

Жермензон повел рукой — снизу вверх, будто поднимая невидимый груз. Между ним и незнакомцем вспучилась земля. Выросла трехметровым столбом. Столб подрагивал, потом приобрел очертания гротескной человеческой фигуры, рядом с которой боксер Николай Валуев выглядел бы стройным и красивым, пускай и низкорослым, манекенщиком.

Мне доводилось встречаться с големами. Пожалуй, даже чаще, чем я хотел для общего развития. Но вот сотворение голема, причем настолько быстрое, без всяких там заложенных в глину рун и манускриптов, без явного программирования, я видел впервые.

— Ох уж мне эти еврейские штучки! — сказала Ольга.

Парня голем явно смутил. Он сделал какое-то неуправляемое движение — и на голема будто рухнул чудовищный груз, сминая и вдавливая обратно в землю. Вот только голема это не смутило. Он всосался в землю и тут же вынырнул из нее в другом месте, гораздо ближе к незнакомцу. И протянул к нему здоровенную руку.

Опять легкое движение пальцев, шевеление губ — и протянутая к незнакомцу рука стала разваливаться, осыпаться на землю комьями глины, будто невидимая мясорубка шинковала ее на ходу.

Голем на это никакого внимания не обратил — продолжал тянуть руку. Падающая на землю глина шевелилась и всасывалась в его ноги, так что никакой потери массы не происходило.

— Ше илех адони а нэхбад ми а маком а зэ! — крикнул Жермензон. Парень отступил на шаг. Бросил быстрый взгляд в нашу сторону. Потом на Жермензона.

И в этот момент за его спиной сгустилась тьма. Оформилась в болтающуюся в воздухе чернильную кляксу. Из кляксы выступила шипастая нога, похожая на конечность гигантского богомола. Вслед за ногой появился и ее владелец — не уступающий ростом голему демон.

Увы, кавалерия прибыла к шапочному разбору. Парень бросил быстрый взгляд на демона, развел руками — и исчез. Без всяких вспышек, блесков, искр. Не открывая порталов, не растворяясь в воздухе и не проваливаясь сквозь землю. Просто исчез.

Очень разумно с его стороны. Если против тебя выступают главы Ночного и Дневного Дозоров плюс сопутствующие им Высшие — лучше всего свалить куда-нибудь подальше.

Голем помедлил, а потом всосался в землю. Обычно големы, созданные для выполнения одного конкретного задания, рассыпаются в прах. Но этот не рассыпался... и, похоже, он свое задание выполненным не считал.

— Здравствуй, Завулон, — сказал Гесер.

Демон трансформировался в человека — обычного невысокого человека неопределенного возраста и с незапоминающим лицом. Меня всегда удивляло, почему Темные ходят сквозь нижние слои Сумрака в устрашающем обличье. Когда-то я думал, что там скрываются неведомые мне опасности, но я уже давно не начинающий неопытный маг. Я проходил сквозь Сумрак насквозь, сквозь все его слои, и знаю, что никаких кровожадных тварей там нет.

Или я все-таки не прав? Может быть, у Темных свои дороги, не похожие на наши?

— И ты здравствуй, Гесер, — кивнул Завулон. — Что это была за мерзкая тварь?

Я рассмеялся. И хохотал до тех пор, пока в лице Гесера не появилось понимание.

— Ты видел отвратительного злобного демона, Завулон? — спросил он.

Темный нахмурился. Кивнул.

— Я видел хитрого немолодого мужчину, — сказал Гесер. — Антон, полагаю, приятного и простого парня. Жермензон — мудрого старого еврея. Ольга — ловкую и коварную женщину.

— Ты забыл добавить, что видел не простого хитрого немолодого мужчину, а еще и очень скромного хитрого немолодого мужчину, — сказала Ольга.

— И очень себя уважающего, — фыркнул Завулон. — Но, между прочим, он исчез, только когда появился я.

— Может быть, у него просто развито эстетическое чувство... — пробормотал Алишер. Но негромко. Не самая лучшая идея для обычного Светлого мага — ссориться с Высшим Темным.

В квартиру, где жила маленькая семья Толковых, мы поднялись втроем — я, Гесер и Завулон. Предварительно Завулон вежливо подтвердил, что Дневной Дозор не претендует на инициацию мальчика-пророка, но ему, Завулону, было бы интересно на ребенка взглянуть. Просто для общего развития. Потому что настоящий пророк попадаетея раз-другой в поколение, а уж пророков, за которыми бросается в охоту «тигр», ему вообще встречать не доводилось.

— У тебя мысли какие-то по этому поводу есть? — спросил Гесер, когда мы поднимались в лифте.

Завулон кивнул и даже слегка улыбнулся.

— Есть, Гесер. Есть. Как хорошо, что этого мальчика встретили вы и он не наша головная боль.

— Ну надо же, Дневной Дозор отказывается от пророка, — пробормотал Гесер. — Ты, наверное, и воевать бы за него с «тигром» не стал?

— Стал бы, — с сожалением признал Завулон. — Жадность заставила бы. Но мне очень не понравилось, что четыре Высших Светлых не смогли не то что победить, а хотя бы напугать одного чужака.

— И кто он, этот чужак? — спросил я.

Завулон посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то очень недоброе. Нет, сейчас между нами нет личной вендетты. Но гадостей мы друг другу сделали много. Так уж сложилось, что я, будучи рядовым сотрудником Дозора, ухитрился напакостить Завулону... и стать его персональным врагом. Сейчас у нас как бы перемирие.

Но Темные становятся Высшими не потому, что умеют забывать или прощать. Они просто умеют ждать.

— Не знаю, Антон, не знаю, — со вздохом произнес Завулон. — Вначале я подумал, что речь все-таки о Зеркальном маге. Но Зеркало отражает только чужую силу, а не внешность. Да и вел он себя... — Завулон осекся.

— Договаривай, — дружелюбно сказал Гесер. — Чего уж там.

— Кстати, ты не забыл, что я вам сейчас помог? — спросил Завулон.

Мы вышли из лифта на одиннадцатом этаже.

— Не забыл, — сказал Гесер. — И я готов прийти на помощь тебе...

— Дневному Дозору, — поправил Завулон.

— Дневному Дозору Москвы, — согласился Гесер, — в той ситуации, когда это не будет явно вредить целям и интересам Ночного Дозора или людей.

— Уклончиво, но приемлемо, — кивнул Завулон. — Враг мой любезный, я тебе даже несколько сочувствую. У меня полное ощущение, что ваш «тигр» — не человек.

— Почему наш? — спросил я.

— Почему не человек? — спросил Гесер.

— Готов ответить на один вопрос, — радостно сообщил Завулон. — Выбирайте, на какой.

Гесер презрительно фыркнул и сказал:

— Вообще-то ответы на оба вопроса элементарны. У него не было ауры вообще. Вряд ли он мог замаскировать ее от нескольких Высших. И он выглядел по-разному для каждого из нас. Значит, он вообще не

материален, а просто отражается в нашем сознании. А «наш» он по той причине, что его интересуется мальчишка, который теперь под нашей защитой.

— О, то есть в ответах вообще нет нужды? — обрадовался Завулон.

Иногда мне кажется, что пикироваться вот так они могут вечно.

— Ответь на вопрос Антона, — сказал Гесер. — Почему «тигр» — наша проблема.

Завулон кивнул:

— Изволь. На мой взгляд, дело не в том, что он охотится за мальчишкой. Возможно, он просто хотел погладить его по головке и пожелать успехов в борьбе за дело Света. Куда интереснее, что «тигр» ушел после моего появления.

— Он не рискнул биться на два фронта, — сказал Гесер, мрачняя с каждой секундой.

Завулон расхохотался:

— И не надейся! Я полагаю, он не хотел повредить мне.

— Родство душ? — спросил я.

— Ну что ты как маленький, Антон! — упрекнул меня Завулон. — Когда это мешало Темным? Дневной Дозор на нынешний момент уступает вам в силе. И если бы он уничтожил всех нас, Ночной Дозор был бы просто обескровлен, а вот Дневной — практически мертв.

— Поддерживать равновесие — работа Инквизиции, — сказал Гесер. — Ты на это намекаешь?

— Нет, Гесер. Я намекаю на то, что равновесие поддерживает еще и сам Сумрак. Это сумеречная тварь. Ты можешь в них не верить, но...

Несколько секунд Гесер и Завулон буравили друг друга взглядами. Мне захотелось сказать «А вот и не подеретесь!», но я не был уверен, что окажусь прав.

Ситуацию разрядила открывшаяся дверь одной из квартир. Из двери медленно, торжественно, будто черепаха из панциря, высунула голову бабка. Вообще-то ей и пятидесяти лет не было, но выглядела она именно старухой, карикатурной русской «babushka» в представлении американца или европейца — одутловато-полная, в замызганном халате, шлепанцах поверх толстых чулок и даже в платочке. Обалдеть! Таких обычно разве что возле церкви увидишь.

— И что встали? — спросила бабка. — С коврика моего сойди, ирод!

Завулон удивленно посмотрел под ноги. Он действительно стоял на уголке коврика, выложенного бабкой перед дверью квартиры. Коврик явно знавал другие, лучшие времена. Когда-то он был частью большого яркого

паласа из синтетического волокна, за которыми в советские времена стояли в очередях. Потом, когда даже поливинилхлорид выцвел от времени, покрылся пятнами, кое-где протерся до основы, а кое-где был прожжен сигаретами, палас отлежал свое на незастекленном балконе. Его поливало дождем. Его пыталась грызть сумасшедшая городская моль. На него опрокинули банку с краской.

А теперь этот полуразложившийся гнильник косо разрезали на куски и выкладывали их перед дверью в качестве коврика.

Подчеркнуто вежливо кивнув, Завулон сошел с коврика.

— Пить сюда пришли? — спросила бабка. — На девятый идите, там алкаши живут! А здесь приличные люди!

Самое удивительное, что Завулон ничуть на бабку не злился. Он изучал ее с живейшим интересом энтомолога, с которым попытался наладить общение таракан. Скорее уж закипал Гесер.

— Мы к вашим соседям в гости, — сказал я. — Все в порядке, не беспокойтесь.

— К Ольке? — обрадовалась старуха. — Приставы, да? Что, кредиты не выплачивает? А я ей говорила — нечего с жиру беситься! Без мужа живет, тефтеля своего растит, а туда же — то ремонт делает, то по заграницам мотается... — тут в ее словах прорезалась искренняя ненависть человека, никогда и никуда не ездившего, — то телевизор плоский покупает, то по секциям-кружкам тефтеля своего водит...

— Антон, сделай что-нибудь, — попросил Гесер. — Я... боюсь не рассчитать.

— Да, поработай, — кивнул Завулон. — Хочешь — реморализируй. Обещаю не засчитывать это в ваш лимит на вмешательство.

Наверное, можно было попытаться воздействовать на бабку. Не была же она всегда такой, ведь верно? Не бывает таких людей от природы. С ними случается что-то плохое... а может быть, это неизвестный науке вирус скотства...

— Реморализировать не стану, боюсь надорваться... — сказал я. — Идите спать, бабушка!

Мне даже не хотелось считать ее имя, будто я боялся испачкаться в ее мыслях.

— Спать? — удивилась бабка.

— Вы будете спать ровно десять часов, — сказал я. — А когда проснетесь, то забудете про нас.

Бабка кивнула и закрыла дверь, втянув голову в щель в самый последний момент.

— Все гениальное просто, — сказал Гесер. И позвонил в соседнюю дверь.

Открыла Ольга Юрьевна. Глаза у нее были чуть затуманены, как у любого человека, попавшего под мягкое, но непреодолимое внушение Иного.

— Проходите! — тоном радушной хозяйки произнесла она, отступая в сторону.

Семена я увидел сразу — он стоял посреди комнаты, одной рукой прижимая к себе мальчика Кешу, а другой «держал» на взводе какое-то очень и очень неприятное заклинание. Семен — он оперативник опытный и умелый. Но увидев «тигра» воочию, я понимал, что никакой опыт и мастерство Семену бы не помогли.

При нашем появлении Семен облегченно выдохнул и взмахнул рукой, разряжая заклинание. Потом сказал:

— Это друзья, Кеша, все хорошо... — А нам, куда с большим чувством: — Спасибо. Вы бы знали, как я рад вас видеть. Даже тебя... Завулон.

Глава шестая

В сказочных книгах родителям юных волшебников всегда честно сообщают, что их ребенка берут учиться волшебству. В Дозорах так никогда не делают. Во-первых, никакой специальной школы у нас нет. Иных учат при Дозоре, и детей среди них редко бывает больше трети, ведь способности Иного могут проявиться в любом возрасте. Среди Иных, как среди шахматистов, нет «взрослых» и «детских» разрядов. Во-вторых, родителям этого просто не надо знать. И дело тут не в том, что они могут что-то разболтать, это легко предупредить простыми заклинаниями. Проблема совсем в другом...

За многие века, пока человечество окончательно утратило веру в магию, а колдуны и волшебники создали Дозоры и разделились на Светлых и Темных, у нас появился немалый опыт общения с людьми. Представьте, что вам сообщили, что ваш сын или ваша дочь — волшебники. Вначале скорее всего вы будете просто рады этому факту (или огорчены, если это противоречит вашей пламенной вере или не менее пламенным атеистическим убеждениям). Потом... потом вам станет обидно. Конечно, все родители хотят своим детям самого лучшего будущего. Но настолько лучшего... понимать, что вы проживете короткую жизнь обычного человека, в то время как ваш ребенок сможет совершать чудеса и будет жить сотни лет — это непросто! Очень многие срываются и начинают явно или неявно вымещать свое раздражение на ребенке. А это, кстати, может привести к большим неприятностям — дети контролируют себя куда хуже взрослых.

Но главное даже не в этом.

Пусть человек будет рад, что его ребенок — Иной.

Пусть он будет искренне любить его и не пустит в свое сердце даже капли жалости к себе.

Обычно это означает, что мы имеем дело с хорошей, любящей семьей.

И тут начинается самое тяжелое.

«Доченька, бабушка тяжело болеет... ты ведь сумеешь ей помочь?»

Сумеет. Вмешательство седьмого уровня. Ерунда, конечно... но уже нарушает баланс между Дозорами.

«Сын, что-то совсем тяжело жить становится... Не зайдешь ко мне на работу? Там есть такой дядька, от него зависит, повысят ли мне зарплату... сможешь с ним... поговорить?»

Сможет. Вмешательство седьмого или шестого уровня. А еще — расшатывание морали у юного Иного.

«Да что ж они творят, сволочи! Да этот закон все наше образование угробит!»

И даже не надо ничего говорить. Честный хороший ребенок-Иной смотрит на лоснящуюся физиономию чиновника в телеэкране. И невольно желает ему зла.

Вспухает над мудрой чиновничьей головой воронка инферно. И не такая, которые они каждый день накапливают от обычных человеческих проклятий, за эти пусть сами отвечают — детьми-наркоманами, заминированными автомобилями, видеокамерами в бане, а настоящая, серьезная. От которой шарахнет так, что Инквизиция будет мирить Дозоры, выясняющие, кто виноват и кто теперь кому что должен.

Поэтому лучший и единственный способ — сразу объяснить человеку, не важно, большому или маленькому... «Ты — не человек. Ты — Иной. Это не лучше и не хуже... это иначе. Беды и проблемы людей тебя отныне не касаются, а ты — не касаешься их. Тебе хватит своих бед и своих проблем».

Не всегда сразу, но это понимают все.

А родители... они узнают, что их талантливый ребенок будет теперь учиться помимо обычной школы еще и в особой. Физико-химической. Художественной. Или посещать пять раз в неделю кружок макраме. Совершенно не важно, что они будут думать, потому что они примут любую ложь и никогда не станут допытываться до правды. Когда-то я думал, что это все-таки жестоко. Потом понял, что это не жестокость, а жесткость. Добрая жесткость.

...Вот что действительно жестоко — так это инициировать Иного, влюбленного или влюбленную со всем человеческим пылом. И объяснять, что нет, скорее всего он не сможет омолаживать или продлевать жизнь субъекту своей любви... что никогда и ничего не должен рассказывать... Наверное, это похоже на жизнь разведчика-нелегала, заброшенного в чужую страну. Только Иные не разведчики, и влюбленные, как правило, расстаются. Даже если Иной согласен любить человека, смиряется с необходимостью молчать и видеть, как подкрадывается беспощадная старость, — сама жизнь день за днем, год за годом разводит их все дальше и дальше. Меняются интересы, вкусы, привычки. И любовь умирает.

Поэтому те люди, что отказываются от возможной инициации и остаются людьми, поступают, наверное, мудро. Глупо, но мудро...

— Маме ничего нельзя будет говорить? — спросил Кеша.

— Ничего, — подтвердил Гесер.

— А вот Гермiona... — Кеша исподлобья посмотрел на Гесера, — это подружка Гарри Поттера...

— Я знаю, — ободрительно сказал Гесер.

— Она родителям рассказала.

— Но потом, вспомни, была вынуждена стереть им память, — ласково заметил Гесер. — Поверь, лучше вообще ничего не рассказывать.

Да, после книг Роулинг работать стало гораздо проще. Основную концепцию дети схватывают на лету, только отсутствие Хогвартса их крайне огорчает. Гесер утверждает, что Роулинг написала свои книги по заказу лондонского Дозора, точнее — обоих Дозоров, а разрешение на дозированную выдачу ей информации принимала Инквизиция. Может быть, это правда. А может быть, он просто шутит. Светлым Иным возможность пошутить легко заменяет невозможность соврать.

— Но в обычную школу я ходить буду? — уточнил Кеша с явной надеждой услышать «нет».

— Конечно, — сказал Гесер. — Волшебники-недоучки никому не нужны. Ты будешь ходить в нашу школу после уроков в обычной. Но сейчас... сейчас тебе придется некоторое время пожить у нас, в Ночном Дозоре. Там есть помещения для сотрудников, тебе дадут комнату с большим телевизором, игровой приставкой...

— Интернетом, — добавила Ольга.

Кеша слегка побледнел — в десять лет перспектива оказаться где-то без мамы пугает куда больше, чем радует возможность колдовать. Но довольно твердо спросил:

— А мама разрешит?

— Конечно, — кивнула Ольга. — Мы ее убедим. И это ненадолго. Несколько дней... может быть, неделя. И отправишься домой.

Завулон саркастически улыбнулся, но промолчал. Он что-то пока не спешил уходить, видимо, никак не мог насмотреться на настоящего пророка. Мы с ним стояли в стороне, а Гесер с Ольгой сидели на диване с обеих сторон от Кеши и на два голоса расписывали ему преимущества жизни Иного. Семен, натерпевшийся страху, пока мы не приехали, пил на кухне чай с Ольгой Юрьевной. В принципе ничего ужасного за то время, пока мы добирались, с ним не произошло. Он просто обнаружил, что начисто лишился возможности связаться с кем-либо магическим образом, не способен прощупать пространство вокруг и предугадать будущее хотя бы на минуту вперед. Ну и ощущение надвигающейся опасности нарастало с каждой секундой. Семен про «тигра» ничего не знал, но понял, что дело

тут не в обычной разборке между Дозорами, что все куда серьезнее. Вот и стоял с каким-то заклинанием на взводе, ожидая, кто доберется до него раньше...

— Это интересно, что я волшебник, — нерешительно сказал Кеша. — А... я обязательно должен им стать? Не могу остаться человеком?

Гесер и Ольга переглянулись над головой мальчика. Завулон хмыкнул.

— Можешь, — признался Гесер. — Если хочешь. Ты хочешь?

— Нет, — твердо сказал Кеша. — Просто интересно.

Недобрая соседка, обзывающая мальчишку тефтелем, была во многом права. Мальчишка был рыхлый, круглолицый, будто Пончик из книжки про Незнайку, кожа на лице была бугристая, как обычно бывает у немолодых людей и крайне редко у детей. Про таких детей родители говорят слегка извиняющимся тоном: «Знаете, он очень умненький и добрый...»

Насчет доброты — не знаю, хотя аура у мальчика и была хорошая, однозначно светлая, Завулону тут нечего было делать. А вот что умненький — это походило на правду.

— Это все из-за самолета? — продолжал расспрашивать Кеша. — Потому что я испугался?

— Да, — кивнул Гесер. — Самолет и вправду мог упасть, ты предвидел опасность. И Антон, — Гесер кивнул в мою сторону, — понял, что ты — пророк.

— И спас самолет? — уточнил мальчик.

— Как видишь, самолет не упал, — ушел Гесер от ответа.

— Так я могу только предсказывать? Больше ничего? — с явным огорчением спросил Кеша.

— Нет, почему же. Просто это у тебя будет лучше всего получаться, — вступила в разговор Ольга. — Это как с музыкой. Всех учат играть на фортепьяно, даже скрипачей и флейтистов. Для общего развития. Так что ты сможешь бросать файерболы, останавливать время, делаться невидимым...

Мне вдруг резко захотелось курить. Последнее время я курю редко, но с пачкой сигарет в кармане все-таки чувствую себя спокойнее. Я посмотрел на Завулону — тот маялся, разминая в руках длинную темную сигарету. Мы переглянулись и не сговариваясь направились на балкон.

Как и положено маленькому балкону в маленькой квартире, он был изрядно захламлен. Тут стояли санки и старый детский велосипед, коллекция пустых банок из-под джемов и солений, большой картонный ящик со всяким хламом, маленький пластиковый контейнер с инструментами. Контейнер был открыт, и я видел, что и молоток, и

плоскогубцы слегка подернулись ржой. Ну кто же хранит инструменты на незастекленном балконе? Эх, женщины...

Или лучше сказать: эх, мужчины? Тяжело быть матерью-одиночкой. Особенно в России.

Мы закурили — Завулон любезно поднес мне язычок пламени, пижонски зажатый между большим и указательным пальцем, я прикурил, не побрезговал. Глубоко затянувшись, я сказал:

— Надо, пожалуй, мамашу отправить на курорт. Что ей здесь торчать, если ребенок будет у нас? А так... может, снимет кого, развлечется...

— Отправь, — согласился Завулон. — Дневной Дозор претензий не имеет.

— Что-то ты добрый сегодня, — сказал я. — И это, прости за дурацкий каламбур, не к добру.

— Я-то могу позволить себе быть добрым, — усмехнулся Завулон. — А вот ты, Антон, стесняешься собственной доброты.

— Почему это?

— А с чего бы иначе эти слова? «Мамаша», «снимет», «развлечется»... Опошляешь собственное доброе предложение. Стесняешься.

Я подумал и согласился:

— Да. Стесняюсь. В наше время даже добрые волшебники стараются выглядеть злыми. Завулон... скажи, а что это такое — сумеречная тварь?

— Чистой воды теория, — усмехнулся Завулон. — Не бери в голову.

— В Сумраке ведь никто не живет, — сказал я.

— Раз не живет, значит — не живет, — легко согласился Темный, и я понял, что больше никакой информации от него не получу.

— Ну ладно, — сказал я, щелчком пальцев отправляя окурочек в полет с балкона, а вторым щелчком — испепеляя его на лету. — Спасибо и на том, что помог. И что не стал претендовать на пацана.

— Будь он боевым магом — претендовал бы, еще как, — усмехнулся Завулон. — Мальчик не наш, конечно, но возможности всегда есть... И будь он прорицателем — я бы за него поборолся. А пророк? Нет, спасибо.

— Ты ценишь прорицателя больше пророка? — поразился я.

— Конечно. Прорицатель говорит о том, что может случиться, — и будущее можно изменить. Пророк вещает истину. То, что неизбежно. Зачем знать неизбежное, Антон? Если неизбежное плохо, то не стоит расстраиваться раньше времени. А если хорошо — пусть лучше будет приятная неожиданность. Многие знания — многие печали. — Завулон посмотрел на сигарету в своих руках. — Бывай, Светлый...

Сигарета в его пальцах вспыхнула мрачным багровым пламенем.

Огонь перекинулся на пальцы, пробежал по руке, охватил все тело. Завулон улыбнулся мне сквозь пламя — и исчез.

Только догорающая сигарета упала под ноги.

— Позер, — сказал я. — Фигляр... Самовлюбленный урод!

Демонстративный отказ Завулона от борьбы за мальчишку-пророка меня пугал. Быть может, это была всего лишь хорошая мина при плохой игре, но что-то подсказывало мне — Темный говорил то, что думал.

Что же это такое — сумеречная тварь?

Завулон говорил так, словно Гесер должен его прекрасно понимать. Значит, Гесер знает...

Но спрашивать у шефа я, разумеется, ничего не стал. У Бориса Игнатьевича свое мнение о том, что нужно знать подчиненным для успешного выполнения своих обязанностей.

Закончилось наше пребывание в квартире Толковых именно так, как я и предполагал. Мать мальчика была посажена в машину и в сопровождении Игоря, Алишера и Жермензона отправлена в аэропорт — лететь регулярным рейсом в Барселону и отдыхать на курорте. Матерью она явно была хорошей, судя по тому, что Семену потребовалось два внушения шестого уровня, чтобы убедить ее оставить ребенка на наше попечение, а самой отдыхать на каталонских пляжах. Ну а для нас Гесер открыл портал прямо в офис Дозора.

И даже инициировал мальчика лично, прямо во время перехода сквозь Сумрак. Можно было бы сказать, что это большая честь, не будь мальчик настоящим пророком.

Комнаты для проживания расположены в офисе в полуподвале. Выбор оправданный — реально там мало кто живет, обычно в них ночуют дежурные или останавливаются приехавшие в командировку иногородние Иные.

Ниже есть еще несколько этажей — начиная от хранилища артефактов и архивов и кончая камерами предварительного заключения. Но это уже другая история, туда ведет другая лестница, и вообще так просто туда не спуститься.

Кеше выделили комнату, которую обычно занимали некурящие. Приволокли туда огромный плоский телевизор, две игровые приставки, кучу дисков и два мешка игрушек, закупленных в ближайшем «Детском мире». Судя по всему, покупать игрушки послали бездетного сотрудника, иначе в этой горе не соседствовали бы плюшевые зверюшки, конструкторы «Лего», радиоуправляемые машинки и вертолеты, игры-бродилки, в

которые можно играть только компанией, и развивающие деревянные игрушки для малышей младшего детского возраста. Кеша, уперев руки в упитанные бока, взирал на эти развалы с легким испугом.

— Семен, ты уж проследи, чтобы кормил его кто-то семейный, имеющий детей, — попросил я. — И желательно, чтобы ребенок у него был моложе ста лет. А то мальчику принесут шашлык, пиво и копченую колбасу.

— Пиво ему рано, это я понимаю, — кивнул Семен. — А колбаса и шашлык чем плохи? Помню, в гражданскую дело было, подобрал я на вокзале беспризорника — Светлый Иной оказался. Ты его знаешь, кстати, это... ну, не важно. Худющий был! Так вот, месяц его колбасой откармливал! На Украине дело было, хорошую там колбаску делают... жареную...

— Понял, проехали, — кивнул я. — Тогда точно попроси кого-то из женщин заняться мальчиком. Ладно?

— Попрошу, — усмехнулся Семен. — Только до ужина ему далеко, шеф пожелал немедленно заняться с мальчиком азами магии.

Я пожал плечами. К чему такая спешка? Ребенок теперь под охраной всего Ночного Дозора. Разберемся помаленьку, на что он способен...

— Пойду, — сказал я Семену. — Заберу своих, и домой. Светлана борщ обещала.

— Борщ — это замечательно! — расплылся в улыбке Семен. — А я, пожалуй, в столовку. И сам поем, и повариху попрошу что-нибудь для мальчонки сварганить.

Поварихой у нас была тетка лет сорока, как Иная — слабенькая, но повариха замечательная. Еда в нашей столовой уступала блюдам из мишленовских ресторанов только ценой.

— Вот это хорошая идея! — одобрил я.

В машине Надька тарахтела без умолку. Во-первых, ее восхитил открытый Гесером портал. Вообще-то она и сама умела открывать порталы, но ей это было строжайше запрещено, к тому же портал Гесера, на ее взгляд, чем-то отличался. Какой-то «тонкоэнергетической структурой» и «личной избирательностью». В общем, на его открытие Гесер тратил на порядок меньше сил, а пройти через портал мог только тот, кому это было разрешено.

Во-вторых, Наде было очень жалко мальчика-пророка. Жалко, что он живет с мамой, но без папы. Жалко, что не поехал на море. Жалко, что без мамы в скучном офисе... хотя игрушки ему интересные притащили, можно

будет вертолетик попросить на поиграться? Жалко, что он толстый и неспортивный, над ним, наверное, все в школе смеются.

В-третьих, Надя очень гордилась, что подала самому Гесеру правильный совет. Нет, прямо она не хвасталась, но то и дело возвращалась к этому моменту...

Светлана едва заметно улыбалась, слушая болтовню с заднего сиденья. Потом негромко сказала:

— Я очень за вас волновалась.

— Нас была целая армия.

— И сильно вам это помогло? Не люблю непонятные волшебные штуки...

— Это человеческие атавизмы, — вздохнул я. — Иным положено любить магию во всех проявлениях. Кстати, ты не знаешь, что такое сумеречная тварь?

— Впервые слышу, — покачала Светлана головой.

— Вот и я...

— А я знаю! — воскликнула сзади Надя. Поразительная детская способность слышать все интересное, даже если собственный рот ни на секунду не закрывается.

— Ну? — насторожился я.

— Если в Сумраке есть растения...

— Какие растения?

— Синий мох! То должны быть те, кто его ест.

— А кто вообще ест мох? — спросила Света.

— Олени, — автоматически ответил я. — Но этот... он никак на оленя не походил. Козел, конечно, но никак не олень...

— Антон!

— Что я такого сказал? — буркнул я. Надя захихикала. — У нас критическая ситуация...

— Нет уже критической! Кто-то охотится за мальчиком-пророком. Ну и что? Против всего Дозора, да еще если и Темные помогут, никому не выстоять. Гесер сейчас свяжется с Инквизицией, если уже не связался. Порыщут в архивах. Найдут, в чем дело. Какая-то секта, возможно. Как с братьями Регина, помнишь? Ты лучше реши, что предпочитаешь — доваривать борщ или позаниматься с Надей математикой.

— Я математику выбираю, — ответил я. — Борщ я варить не умею.

Секта... Может, и впрямь? Сидели себе пару столетий, ждали пророка. Может, хотят, чтобы он им смысл жизни открыл. Сидели, ждали... Накачивали артефакты энергией, тренировали охотника...

Хорошая версия. Экзотическая, но понятная. Хочется надеяться, что так и есть.

Глава седьмая

С математикой у Нади было плохо. С языками — хорошо, причем она принципиально учила сама, а не пользовалась магией. С историей — прекрасно, ей это было очень интересно, причем и человеческая история, и Иная. Читала она очень много.

Математика не давалась.

С грехом пополам мы справились с квадратными уравнениями (можете считать меня садистом и звать на помощь детского омбудсмана, но Надя училась в школе, где программа не соответствовала утвержденной министерством образования). Дочка с облегчением закрыла тетрадку и забралась на кровать с книжкой. Мимолетно глянув на обложку, я решил, что это какой-нибудь клон Гарри Поттера — там был изображен одухотворенный мальчик, творящий заклинания (ну или каким-то удивительным образом обмотавший руки светящимся голубым туманом и мрачно наморщивший лоб). А сам я пошел в гостиную, выбрал книжку Терри Пратчетта и улегся с ней на диван.

Что еще нужно семейному и немолодому волшебнику для счастья после бурно проведенного дня? Почитать про придуманных волшебников, пока жена варит борщ, а дочка занята чем-то тихим и мирным.

— Папа, так, значит, сумеречные твари и впрямь есть?

Я посмотрел на Надю. И чего ей не читается?

— Наверное. Не знаю.

— И они гоняются за пророками?

— Не верь всему, что говорят в сказках, — ответил я, перелистывая страницу. Волшебник Ринсвинд попал в очередную передрагу, из которой, конечно же, выпутается. Герои всегда выпутываются, если автор их любит... и если не устал от них.

— Но это же не сказки!

— Что? — Я взял из рук дочки книгу, открыл на выходных данных. Ага... и впрямь. Издательство «Иное слово». Печатает книги и прочую бумажную продукцию для Иных. Для Светлых и Темных, без разбора. Конечно, ничего особенно серьезное они не выпускают, настоящие заклинания либо слишком секретны, чтобы их печатать, либо не выдерживают механического переноса текста на бумагу. Кое-что вообще можно передать только на словах и на примерах. Ну а печатают самые основы... тут даже секретность особо не важна, попади такая книга в

обычный магазин (как иногда и случается), ее сочтут детской книжкой или же графоманской фантастикой. Книжка называлась «Детство замечательных Иных». — Это что-то учебное?

— Для внеклассного чтения. Истории про детство великих волшебников.

Мне в школе магов учиться не довелось. В те годы находили не так много Иных и открывать ради них школу посчитали нецелесообразным. Так что я учился прямо на работе...

Я пролистал главу про Мерлина, про Карла Цемиуса, про Мишель Лефрой, про Пан Чанга. Наткнулся на статью про Гесера и ухмыльнулся, прочитав первые строчки: «Когда великий Гесер был маленьким, он жил в горах Тибета. В детстве он был некрасивым болезненным ребенком, часто простужался, и его даже обзывали обидным именем Джору — „сопливый“. Никто не знал, что на самом деле Гесер — Иной, один из самых сильных магов на Земле. Про это знал только Темный Иной — Сотон, который мечтал сделать Гесера Темным...»

— Дальше... — нетерпеливо попросила Надя. — Про Эразма...

— Разве Эразм Роттердамский был пророком? — удивился я, открывая книгу на заложенной странице. Закладка была розовенькая, с феечками из какого-то диснеевского мультлика. — А... Дарвин...

Автор не баловал юных читателей разнообразными началами. Впрочем, это даже придавало повествованию некоторую эпичность.

«Когда великий пророк Эразм Дарвин был маленький, он жил в деревушке Элтон, в Ирландии. С детства он был мечтательным и романтичным ребенком. Часто убегая из дома, он лежал на поле цветущего клевера и разглядывал цветочки. Эразм был убежден, что растения умеют любить, как люди, что у них даже есть своя сексуальная жизнь. Об этом он написал замечательную поэму „Любовь растений“. Но это было позже...»

Я закрыл книжку и посмотрел на титул. «Пособие для внеклассного чтения для Иных среднего и старшего школьного возраста». Хмыкнул.

— Папа, ну неужели ты думаешь, что я ничего не знаю про сексуальную жизнь? — спросила Надя.

Я посмотрел на нее.

— Надя, тебе десять лет. Да, я думаю, что ты ничего не знаешь.

Надя слегка покраснела. Пробормотала:

— Я же смотрю телевизор. Я знаю, что взрослые любят целоваться и обниматься...

— Стоп! — запаниковал я. — Стоп. Давай, ты об этом поговоришь с мамой?

— Хорошо, — кивнула Надя.

Я попытался вернуть книжку.

— Так про Сумрак правда? — повторила Надя.

— Про Сумрак? Ах, да... — Я стал проглядывать дальше. Вот Эразм научился входить в Сумрак... вот Иные решили привлечь его в Дозор... ну надо же, в Дневной... Что?

Я сел на диване и уставился в текст.

«...пророков и предсказателей всегда очень ценят в Дозорах, потому что дар их встречается редко — особенно дар настоящего Пророка. И если Пророк становится на службу одной из сил, то это может привести к большим бедам. Поэтому сам Сумрак старается не допустить этого. Если пророк может сказать что-то очень, очень важное, чего Иным знать не следует, то к нему приходит сумеречная тварь. Ее порождают глубины Сумрака, и сила сумеречной твари бесконечна — никто из Иных не способен ее остановить или победить. И либо Дозоры оставляют пророка в покое, либо сумеречная тварь его убивает — чтобы не случилось большей беды... Маленькому Эразму повезло. Когда он понял, что сумеречная тварь идет по его следу, он пришел к своему любимому дереву — старому дуплистому ясеню — и выкрикнул пророчество прямо в дупло. Когда пророк изрекает главное в своей жизни пророчество, он не помнит, что именно он говорил. Сумеречная тварь поняла, что о пророчестве никто не узнает, и оставила Эразма в покое...»

Дальше начиналось повествование о том, как хитроумный Эразм убедил Дозоры оставить его в покое и жил счастливой жизнью, создавая забавы ради големов и поднимая трупы, частенько выдавая обычные предсказания для Иных — и иногда шокируя окружающих людей, сообщая им в семнадцатом веке то про Большой взрыв, то про реактивные двигатели на кислороде и водороде, или про самозарождение жизни в океанах. Немножко было и про его внука Чарльза, куда более известного среди людей. Со временем Эразм отошел от дел, как это водится у Иных, инсценировал собственную смерть и теперь живет где-то в Великобритании, не желая ни с кем видаться...

Я быстро долистал главу до конца. И чем же, интересно, замечателен этот пророк, про которого я лично никогда не слышал? А... вот...

«Вы, наверное, спросите, а чем же замечателен Эразм Дарвин? А вот чем — он обманул сумеречную тварь. Обычно пророкам удается сделать свое главное пророчество только в том случае, когда они произносят его сразу после инициации, — даже сумеречной твари нужно время, чтобы найти жертву. А Эразм догадался, как избавиться от преследователя, когда

зверь уже шел по его пятам и под взглядом его глаз, горящих во тьме, люди становились немногим отличны от любимых Эразмом растений... Никогда не надо отчаиваться, никогда не надо сдаваться, даже непреодолимую силу можно обмануть — вот чему учит нас жизнь замечательного маленького Иного Эразма...»

— Глаз, горящих во тьме... — сказал я и потер переносицу. — Тигр. Тигр...

— Какой-то новый перевод? — спросила Светлана, выглядывая с кухни.

— Чего перевод?

— Тигр, тигр, жгучий страх, ты горишь в ночных лесах. Чей бессмертный взор, любя, создал страшного тебя? В небесах иль средь зыбей вспыхнул блеск твоих очей?.. Блейк. Вильям Блейк. Стихотворение «Тигр».

— А ты не знаешь, случайно, не был ли он знаком с дедушкой Чарльза Дарвина? — спросил я.

— С Эразмом? — уточнила Светлана. — Который был Иным?

Я кивнул и встал с дивана.

— Ну как же «не был ли он знаком»? Блейк даже его книги иллюстрировал. Что-то там про любовь растений.

— А он не только стихи писал?

— Вообще-то он иллюстрировал кучу книг и как художник известен не меньше, чем как поэт. Кстати, он не был Иным в буквальном смысле слова, но при этом обладал редкой способностью... — Светлана вдруг осеклась.

— Ну? — устало спросил я, открывая шкаф, который Наде было трогать строжайше запрещено. Запоры, увы, от нее не помогут, но Надя девочка умная и слово держит.

— Он видел Иных. И Темных, и Светлых.

— Как мой знакомый полицей, — сказал я. — Светлана, мне надо на службу.

— Борщ поешь? — спросила жена.

Я только вздохнул, рассовывая по карманам всякую магическую мелочевку. Я был стопроцентно уверен, что ничего из этих амулетов мне не пригодится, но привычка была сильнее.

— Антон... — позвала Светлана, когда я уже был в дверях.

— Что?

— Когда-то я ушла из Дозора, чтобы мы могли быть вместе.

— Помню.

— Я уже давно хочу тебя попросить...

Я посмотрел на нее. Светлана помолчала секунду, потом опустила глаза:

— Береги себя.

На третий этаж, в кабинет Гесера, я вбежал как сумасшедший. Учитывая, что я размахивал книжкой про детство замечательных Иных, я, наверное, выглядел как человек, обнаруживший в «Буратино» зашифрованные пророчества на двести лет вперед, отчет о встрече с инопланетянами, рецепт средства от насморка и неприличный акrostих в начале второй главы.

— Где пожар? — спросил Гесер.

Он сидел на краю стола, а в его кресле развалился мальчишка-пророк. Кресло пацану было, мягко говоря, просторно. Судя по тому, что сидел Кеша в неумелом подобию самой простой позы для медитации, Гесер пытался научить его контролировать свой дар. Больше тут никого не было.

— Тигр! — выкрикнул я.

— Он еще далеко, — спокойно ответил Гесер. — Полагаю, что у нас есть время до утра.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован — такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх? —

продекламировал я.

— А мне больше нравится перевод Степанова, чем Бальмонта, — ответил Гесер. — Тогда окончание звучит так:

Кто ужасный млат вздымал?
Кто в клещах твой мозг сжимал?
А когда сошел на нет
Предрассветный звездный свет —

Неужели был он рад,
Встретив твой зловещий взгляд?
Неужели это был
Тот, кто Агнца сотворил?

Кеша, открыв глаза, с недоумением смотрел на нас.

Нечасто в наши дни увидишь, как двое взрослых мужиков начинают читать стихи. Потом снова закрыл глаза. Какая старательность, потрясающе!

— И в чем разница? — мрачно спросил я.

— Если верить этому переводу, у нас есть время до утра, — пояснил Гесер. — А вот Бальмонт появление Тигра относит к вечеру:

В тот великий час, когда
Воззвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

— Вы все знаете, — сказал я. — Пророк Эразм Дарвин. Единственный пророк, ускользнувший от сумеречной твари.

— Я не знаю, — просто ответил Гесер. — Есть такая версия. Но я

считаю ее поэтической вольностью, отражением каких-то обычных свар между Светлыми и Темными Ирландии.

— Тигр — это кто-то вроде Зеркала? — спросил я.

— Нет. Вовсе не каждого пророка преследуют сумеречные твари. И их вовсе не заботит баланс сил между Дозорами. Если... если верить легендам... они пытаются предотвратить произнесение пророчеств, которые предвещают неслыханные беды и катастрофы. И уничтожают всех, кто стоит у них на пути...

— Вы знали, — сказал я. — Вы все знали, Борис Игнатьевич...

— Да не знал я! — буркнул Гесер. — Что я тебе, компьютер, все помнить? Завулон намекнул про сумеречных тварей. Я ничего подобного не слышал, но сделал хорошую мину при плохой игре... якобы понимаю, о чем речь. Дал команду аналитикам, они прочесали базы данных и полчаса назад выдали мне вот эту же самую книжку... плюс две странички анализа и версий... Это Толик тебе скинул информацию? Я его премии лишу до конца столетия!

— Никто мне ничего не выдавал, — заступился я за приятеля. — Надя читала эту книжку по внеклассному чтению, пришла с вопросом. Я прочитал. Дальше... дальше догадались всей семьей. Про Эразма, про Блейка, про тигра...

— Видимо, к Эразму сумеречная тварь приходила не в образе человека, — усмехнулся Гесер. — А он потом что-то рассказал приятелю, который хоть и не был Иным, но их видел...

— Борис Игнатьевич, надо просить о помощи Инквизицию, — сказал я. — Если это все верно, то мы перед тигром...

Гесер не дал мне закончить.

— Они отказали, Антон.

— Что? — растерялся я.

— Рекомендация Инквизиции — не вступать в конфликт, предоставить Тигру возможность забрать мальчика.

Он первый раз произнес слово «тигр» так, что оно прозвучало как имя.

— Но он же... — Я покосился на Кешу.

— Да, Тигр его убьет, — кивнул Гесер.

— Борис Игнатьевич!

— Мальчик не слышит, — успокоил меня шеф. — Я поставил завесу. Просто ради того, чтобы наши голоса ему не мешали.

— Гесер, так кто он — Тигр?

— Никто не знает, Антон. Уж больно редкая тварь. Либо пророк успевает сказать свое главное пророчество и Тигр от него отступает.

Либо... либо он убивает пророка и уходит. Полагаю, потому они так редки, пророки. Он обычно находит их раньше, чем мы.

— Что такое главное пророчество?

Гесер вздохнул. Демонстративно посмотрел на часы. Потом указал мне на одно из кресел, сам сел рядом. Покопался на Кешу, погрозил тому пальцем. Мальчик снова закрыл глаза.

— Самое первое пророчество, которое произносит пророк, вступая в силу, называется главным. Оно может быть очень важным, а может — и совсем пустяковым. Но есть такая... такая версия... тут мы вступаем на очень зыбкую почву, Антон.

— Не тяните.

— Есть версия, что первое пророчество — это не предсказание реальности, а ее изменение. А есть и другая... что изменить будущее, конечно, пророк не способен. Но он выбирает одно из возможных течений реальности, проявляет его и... и фиксирует. Выражаясь языком фотографов.

— Уже и фотографов-то таких нет, кто проявляет и фиксирует, — пробормотал я. — То есть Тигр предотвращает первое пророчество, потому что если оно будет ужасно — то оно и случится?

— Ну да. Вот предскажет мальчик третью мировую — она и произойдет. Предскажет падение астероида размером в пару километров — тот свалится...

— Но то, что он говорил мне в аэропорту...

— Не пророчество. Предвестники. Пророчество он должен сделать теперь, после инициации. Обычно — в первые сутки. Иногда в первые часы.

Я посмотрел на толстого пацана, ерзающего в большом потертом кресле. Спросил:

— Что вы хотите делать, шеф?

— Растормошить парня, чтобы он все-таки произнес свое главное пророчество. Ведь вовсе не факт, что оно будет ужасным. Мне, Антон, очень не хочется уступать какой-то непонятной сумеречной твари, которая даже не желает с нами разговаривать!

— А мальчика вам не жалко?

Гесер пожал плечами:

— Всех не пожалеешь. Если ради слезинки одного ребенка должны пролить свою кровь десятки Иных — пусть ревет. Но отдавать его на заклятие, не попытавшись ничего сделать, я не хочу.

— Значит, если Тигр придет...

— Ночной Дозор не станет с ним сражаться.

— Это подло.

— Это честно. Если бы Инквизиция пришла на помощь — был бы какой-то шанс. Возможно. Но они отказались. Теперь все зависит от того, сколько у нас времени, когда явится Тигр. Если к утру — я, наверное, мальчишку раскатаю. Пусть говорит свое пророчество... я и слушать его не стану. Пусть в унитаз бормочет. Или в дупло, как Эразм... могу специально дерево с дуплом вырастить. Но если Тигр придет ночью...

— Борис Игнатьевич, а как там в оригинале говорилось? — спросил я. — У Блейка? Предрассветный звездный свет? Или «в час как небо все зажглось»?

Гесер помолчал несколько секунд. Потом процитировал:

When the stars threw down their spears,

And water'd heaven with their tears...

— Фигово, — сказал я.

— Очень надеюсь, что в российских условиях перевод важнее оригинала, — сказал Гесер.

— Когда звезд лучи упали... — сказал я. — Но, может быть, это именно о рассвете? Не о появлении звезд на небе? Эти поэты... они такие поэты...

— Аналитики говорят, что это вообще аллюзия на «Потерянный рай» Милтона. И речь тут идет о падших ангелах, которые были побеждены, упали с небес и были оплаканы оставшимися ангелами... Поэты, Антон, ты прав, они такие поэты... Попробуй разбери, что имеют в виду.

Я подошел к окну и посмотрел в московское небо. Обычное низкое московское небо. Звезд не видно, хотя уже стемнело и они должны были появиться. Дождь... дождь возможен, вполне...

— Антон, ты ничего не сможешь сделать, — мягко сказал Гесер. — И я не смогу. И весь Дозор вместе. Иди, а я буду работать с мальчиком. Надеюсь, что успею.

Шеф, конечно, прагматик еще тот. И в этом своем прагматизме он без колебаний отдаст пацана хоть существу из Сумрака, хоть настоящему тигру в зоопарке — если решит, что это меньшее зло. Но просто из упрямства он сделает все, что возможно, пытаясь его спасти...

Я это знал.

— Побуду в офисе, — сказал я. — Вы, если что, зовите, Борис Игнатьевич...

Гесер кивнул.

— Наш разговор — тайна? — спросил я на всякий случай, уже подходя к двери.

— Как сочтешь нужным, — неожиданно ответил Гесер.

Я замешкался. Посмотрел на шефа.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

В дежурке сидели трое — Лас, Семен и Алишер. Обсуждали они не мальчишку-пророка и не Тигра. У них был куда более возвышенный разговор.

— И тут я понимаю, — рассказывал Лас, — что на меня снизошли спокойствие и душевный мир. Значит, мое решение прийти к Богу — правильное!

— Еще бы, после бутылки коньяка, — заметил Алишер. — Привет, Антон!

— Привет, — ответил я, усаживаясь за стол. Комната дежурных довольно просторная, но из-за двух диванов, большого круглого стола с креслами вокруг и мини-кухни у одной стены места там не очень много.

— Коньяк тут ни при чем! — возмутился Лас. — Ты в Аллаха веришь?

— Верю, — ответил Алишер. — Так я и не пью.

— А пиво?

— Пиво пью. Но пророк сказал, что первая капля вина убивает человека, он про пиво ничего не говорил.

— Отговорки, — отрезал Лас. — Так что ж ты иронизируешь над моей верой в Бога?

— Я не иронизирую, — спокойно сказал Алишер. — Очень хорошо, что ты веришь. Только не надо состояние опьянения смешивать с божественным прикосновением. Некрасиво получается.

Лас только махнул рукой:

— Легкое опьянение помогает человеку сбросить с плеч цепи условностей и раскрепостить сознание.

— Это вовсе не является условием божественного откровения, — хмыкнул Семен. — Я вот в церковь люблю заходить, там спокойно так, пахнет хорошо, и аура добрая, светлая. Но Бога не чувствую.

— Придет и твой миг! — торжественно сказал Лас. — Ты почувствуешь Бога в себе. Ты ведь хороший человек.

— Я Иной, — ответил Семен. — Надеюсь, что хороший. Но Иной. А

для нас, боюсь, Бога нет...

— Ребята, а можно вопрос? — произнес я.

— Ну? — оживился Лас.

— Если ты точно знаешь, что победить невозможно, но если не сражаться — кто-то погибнет... Что ты сделаешь?

— Если невозможно, то зачем гибнуть мне? — спросил Лас.

— Если надо сражаться, то не важно, победишь ли ты, — ответил Алишер.

— Что, с парнишкой совсем все плохо? — нахмурился Семен.

— Ребята, вы слышали про сумеречную тварь? — продолжил я расспросы.

Молчание.

— Вот я тоже только что узнал. Это потому, что мы детских книжек не читаем. Только не знаю, надо ли...

— Раз начал говорить, то говори, — сказал Семен. — Или говори сразу, или не произноси никогда. Все прочее — нечестно.

— Мне кажется, Гесер дал выбирать нам, — сказал я. — Ребята, сегодня ночью офис будут штурмовать. Точнее, будет штурмовать... И победить мы не сможем.

Глава восьмая

Если честно, то мне казалось, что Гесер молчаливо благословил меня набрать добровольцев. Я как-то сразу представил себе, как все будет: я рассказываю ребятам, они рассказывают друзьям, в офисе собирается весь Дозор, и когда является Тигр — его встречают все Светлые Москвы... И дружно дают отпор. В конце концов, кто сказал, что сумеречную тварь невозможно победить? Тоже мне, аналитики... происхождение неизвестно, сила неизвестна, цели малопонятны, победить невозможно...

Победим! Соберемся всей толпой — и победим. Вместе и черта бить веселее. Разве Семен, Алишер, Лас согласятся с тем, что беззащитного ребенка надо отдать неведомой твари?

— Если бы кто-то из наших попал в такую переделку — я бы вмешался, — сказал Семен. — Если бы твоя дочка... тьфу-тьфу... — Семен постучал по столу. — А ради этого мальчишки — нет.

— Он наш! — возмутился я.

— Он Светлый Иной, — кивнул Семен. — Но не наш. Может, через год уже был бы «наш». Через месяц. А пока — нет. Ты же сам говоришь, победить невозможно. Разве лучше будет, если мы все умрем?

— Да откуда мы знаем, что невозможно? — возмутился я.

— Судя по той стычке, что была днем, — невозможно, — спокойно ответил Семен. — Нет у нас шансов. И губить Дозор ради одного Иного — глупо.

— Семен прав, — кивнул Алишер. — Я не боюсь погибнуть в бою, если есть шанс на победу. Но здесь — здесь игра не нашего уровня. Я его видел... он мне не понравился. Будем надеяться, что Гесер научит мальчика пророчествовать.

— Ты же говорил только что — если надо сражаться, то не важно, победишь ли!

— Да. Но здесь сражаться — не надо.

Я посмотрел на Ласа.

— Вот почему пророк — противный жирный мальчишка, а не красивая молодая девушка? — воскликнул Лас. — Нет мотивации жертвовать собой!

— Ты, кажется, креститься собрался... — напомнил я.

— Вот именно. И хочу успеть это сделать. Знаешь, даже тупые рыцари, которым лишь дай возможность подраться, мчались на бой с драконом, когда ты похищал прелестную юную деву, а не мальчишку-

подпaska.

— Какая-то у тебя мотивация эгоистическая, — зло сказал я.

— Эстетическая, — поправил Лас. — Уж если жертвовать собой — так ради высокой цели.

— А жизнь пророка — не высокая цель?

— Пророки обычно озвучивают невеселые прогнозы, — пробормотал Семен.

Я смотрел на них, и в голову ко мне закрадывались неприятные предчувствия.

— Вы что, уже обсуждали ситуацию? — спросил я.

— Конечно, — сказал Семен. — С кем мы имеем дело, мы не знали. Но предположить, что нападение повторится, — много ума не надо.

— А если я упрусь и стану защищать парня? — Я посмотрел Семену в глаза.

— Тогда я помогу тебе, — кивнул Семен. — И мы погибнем вместе. Так что я прошу тебя этого не делать. Подумай о Светлане. О Наде. И скажи честно — ты готов умереть за незнакомого тебе паренька?

Я посмотрел на друзей.

Подумал несколько мгновений.

Представил себе Свету, Надю...

Потом пацана-пророка.

Сказал:

— Нет, Семен. Не готов.

— И ты прав, — кивнул Семен. — Высокие чувства, благородные порывы, бесшабашная смелость, отчаянная жертвенность — это все прекрасно. Но должна быть причина. Настоящая. Иначе все твои светлые устремления — не больше чем глупость. Летопись Дозоров помнит много Иных, кто был благороден, но глуп. Но они остались только в истории. И, увы, не как примеры, достойные подражания.

— Ты лучше езжай домой, — добавил Алишер. — Ты же не на дежурстве.

И я понял, что Гесер, разрешая мне раскрыть информацию о Тигре, имел в виду совсем другую цель. Вразумить меня.

Что ж, у него получилось.

* * *

Домой я, конечно, не уехал. Нет, я больше ни к кому не приставал с

вопросами — ввяжутся ли они в безнадежный бой с сумеречной тварью. И не ходил по офису, мысленно расставляя в ключевых точках защитников-Иных. Я пошел к аналитикам, выпросил копию докладной для Гесера (прежде чем ее выдать, ребята связались с шефом и получили его «добро»). Внимательно прочитал, убедился, что Гесер не врет, и, по мнению аналитиков (основанному на нескольких плохо документированных попытках сразиться с Тигром — в пятнадцатом и девятнадцатом веках), победить сумеречную тварь не удастся.

Ночью офис Дозора, как ни странно, пустеет. Пусть мы и называемся «Ночным», и патрулируем улицы большей частью ночью (а что прикажете делать, основной наш контингент — это низшие Темные, вампиры и оборотни, которым труднее сдержаться), но наша работа — как айсберг, большая часть ее незрима. И эта работа как раз и происходит днем — бумажная волокита, обучение, анализ данных, изучение поступившей информации. Мы все-таки живем среди людей, и нам удобнее жить в их ритме. Хорошо хоть недавно удалось провалить через человеческое правительство инициативу и сдвинуть время по всей стране — чтобы темное время суток длилось меньше...

Некоторое время я просидел в своем кабинете за компьютером. Залез в почту и написал пару писем. С чего-то вдруг вспомнил песню, которую крутил сын полицейского Искендерова, поискал группу, которая ее исполняла, — к моему удивлению, она оказалась из Казахстана, вот уж не знал, что там не только на домбре играют! Потом нашел пиратский сайт, на котором были выложены и другие песни. Щелкнул по названию «О послушных мальчиках» и, откинувшись в кресле, стал слушать.

Острые астры вонзая в улицы,
Вышла Луна к впечатлительной юности.
Пела она, излучая язычество:
«Дети, убейте в себе электричество!
Дети, пока вы не стали безглазыми,
Я укажу вам спасительный азимут:
Каждый, кто лунной дорожкой ходит,
В город волшебный однажды приходит.
Дышат, как воздухом, там вдохновением.
Все архитекторы там — сновидения.
Греет там солнце, а не банкноты.
Будешь влюблен — не сочтут идиотом».
И в эти лживые лунные песенки

Поверил мальчик, сидящий на лесенке.
Но лишь поверил, лесенка стала
Вдруг вырастать... И до неба достала.
Мальчик пошел по ступенькам ребристым,
Но тут сбежались родные и близкие:
«Стой! Не ходи — дуракам такой жребий!
Нечего делать тебе в этом небе».
Мальчик послушался, мальчик вернулся
И лишь с тоской на Луну оглянулся.
После скрывался, всех ненавидел,
Плакал о том, что там, в небе, увидел.

Я невольно поморщился. Неправильный выбор. Хотя мальчик-пророк ничем не напоминал романтического юного героя, но песня меня в чем-то упрекала.

Плакал, в груди пустоту ощущая.
Он ведь карабкался вверх, освещая
Путь своим сердцем, светлым и трепетным.
И второпях обронил его в небе том.
И вот висит оно в космосе звездочкой,
Словно игрушка на праздничной ёлочке
Среди таких же сердечек-игрушек,
Брошенных мальчиками послушными...

Ну что за дела! Нет бы петь, как вся российская попса, нормальные песни о красивых девушках, дорогих курортах и сверкающих машинах, а эти казахи какую-то декадентскую романтику разводят! Я выключил компьютер и вышел из кабинета.

Ноги сами принесли меня в подвальные этажи. Дверь одной из комнат оказалась открыта, я заглянул. Там сидели и неторопливо попивали коньяк «старички» — Жермензон и Глыба. Марк Эммануилович преспокойно закусывал коньяк некошерным копченым угрем, Глыба, как человек советской закалки, употреблял «николашку» — лимон, посыпанный кофе и сахаром. Впрочем, приметой новой эпохи было то, что кофе использовался не растворимый, а натуральный — Глыба крепкими пальцами растирал зерна над лимоном.

Ко мне маги сидели спиной, что им, впрочем, ничуть не помешало.

— Заходи, Антон! — дружелюбно позвал Жермензон.

— Коньяк будешь, — не менее приветливо сказал Глыба. Не спросил, а именно сказал.

Я молча сел к ним за стол, взял бокал. Коньяк, к моему удивлению, оказался не французским, а молдавским — пузатая бутылка с надписью «Сюрпризный».

— За победу сил добра, — сказал Жермензон, отпивая из своего бокала.

— Над силами разума, — поддержал Глыба.

Я выпил залпом и тут же пожалел об этом. Бренди оказался неожиданно хорошим. Можно даже сказать — прекрасным.

— Где такой берете? — удивился я.

— Места надо знать, — усмехнулся Глыба. — Видишь, Эммануилыч? Я же тебе говорил, Антон разумный человек.

— В том-то и дело, что человек... — буркнул Жермензон. Извлек из кармана пиджака длинный кожаный футляр, протянул мне: — Сигару будете, юноша? Очень рекомендую. Не надо профанаций с лимоном, хорошему коньяку соответствует лишь настоящая сигара.

Выглядели Великие вполне мирно и расслабленно. Никак не похоже, что готовятся к схватке с Тигром. Только что ж они тогда в офисе делают?

— Гесер вам уже рассказал? — спросил я.

— Про Тигра? — уточнил Жермензон. — Да, конечно. Позор мне на самом-то деле. Слышал я про такие дела... давно, впрочем, дело было.

— И что? — спросил я резко.

— Посидим до утра, поболтаем по-стариковски, — пожал плечами Жермензон. — Если придет... что ж, посмотрим. Драться не будем, а вот посмотреть... за спрос морду не берут.

— Будете смотреть, как Тигр убьет мальчишку?

— Уйти в такой ситуации — еще большая трусость, — хладнокровно ответил Жермензон. — Ты лучше расскажи, что он тебе пророчил в аэропорту. Слово в слово. Может, Гесер ошибается? Может, мальчик уже свое пророчество изрек?

— А с чего бы тогда Тигр за ним продолжал ломиться? — вопросом ответил Глыба. — Нет, ты расскажи, Антон. И в самом деле интересно.

— «Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг. Вы отец Надьки. Вы... вы нас всех...» — Я развел руками. — Годится на пророчество?

— Нет, — покачал головой Глыба. — Прав Джору, это был предвестник, вызванный стрессом.

— Но есть кое-что интересное! — Жермензон поднял вверх палец. — Верно?

— Верно, — расплескивая по бокалам еще немного коньяка, сказал Глыба. — Во-первых, пророчество будет адресное. Завязано на Антона. Быть может, именно потому, что он встретился мальчику?

— Или потому, что Антон его спас... — кивнул Жермензон. — И важно то, что «отец Надьки». Наш маленький друг не похож на детей, которые называют девочек так фамильярно. Значит...

— Значит, пророчество завязано и на Надю, и мальчик-пророк с ней должен подружиться...

— И касается всех Иных — «вы нас всех» тут не зря. Но финальную роль сыграет Антон. — Похоже было, что Жермензон не первый раз так вот играет в «мозговой штурм» с Глыбой.

— Очень интересно, правда! — просиял Глыба. — Хотелось бы услышать. Надеюсь, Джору сумеет объяснить мальчику, как пророчествовать.

— Джору, может, и сумел бы, — сказал Гесер, входя в комнату. — А вот я не смог.

Он присел к нам (странное дело — мне казалось, что у стола раньше стояло только три стула), взял бокал (а вот четвертого бокала на столе точно не было, тем более налитого!). Посмотрел на меня, хмыкнул, глотнул коньяка. Сказал:

— Не идет мяч в ворота. Парень Иной, парень и впрямь пророк. Только мы ошиблись, он не Высший, он первого-второго ранга.

— Для пророка это не критично, — сказал Глыба. — Ну реже будет пророчества выдавать, вот и все.

— Тут ведь дело не только в инициации, — продолжал Гесер. — И не в понимании технических деталей. Это я объяснил, мальчик-то смысленый. Но нужен еще соответствующий настрой. Готовность пророчить. А ее вызвать труднее. Сколько я ни возился, так ничего и не вышло, блуждает где-то в облаках...

— Маму, наверное, вспоминает, — сочувственно сказал Глыба. — Я ведь тоже ребенком в Дозоры попал, скучал по родным ужасно...

— Борис Игнатьевич, можно я с ним поговорю? — попросил я.

— Попробуй, — легко согласился Гесер. — Не думаю, что это поможет, но попробуй. Только не затягивай, уже почти двенадцать ночи, у мальчишки глаза слипаются...

Вслед мне смотрели сочувственно и одобрительно, но без всякого энтузиазма.

Иннокентий Толков, десяти с половиной лет, пророк первого уровня Силы, еще не спал. Сидел на полу возле горы игрушек от щедрот Ночного Дозора и вертел в руках игрушечный телефон. При моем появлении он смутился и быстро положил телефон в разноцветную гору — игрушка была для совсем уж малышей, несколько крупных кнопок с цифрами, при нажатии на которые играла какая-то веселая китайская музыка, и кнопка, чтобы записать какую-то свою фразу. У Нади, когда ей было года три, тоже был такой «телефон».

Мне стало совсем нехорошо.

— Привет, Кеша, — сказал я и уселся рядом на полу.

— Добрый вечер, дядя Антон, — сказал Кеша.

— Ну у тебя и сокровища, — неловко сказал я, вытаскивая из горы игрушечный вертолетик. — Моя Надя хотела таким поиграться...

— Вы ей отнесите, — спокойно сказал Кеша. — Мне ведь не надо.

Я посмотрел ему в глаза — и мое «нехорошо» превратилось в «ужасно».

— Ты это к чему? — нарочито бодро спросил я.

— Мне дядя Борис все рассказал. Что за мной охотится зверь из Сумрака. И что вы его не сможете остановить.

— Зачем? — спросил я, обращаясь, конечно, не к мальчишке. — Зачем?

Но Кеша ответил:

— Он сказал, что это последний шанс меня мотивировать. Что я должен собраться с духом и сказать пророчество. Тогда зверь отстанет.

— Ну?

— У меня не получается. — Мальчик виновато опустил глаза. — Я старался, честное слово! Извините...

Он еще и извиняется перед нами...

— И что потом? — спросил я.

— Дядя Борис сказал, что раз не получается, то не стоит зря мучиться. Надо лечь и поспать. Может быть, зверь и не придет. И тогда все будет хорошо, а утром у меня обязательно получится.

— Но ты не лег спать, — сказал я.

— Страшно, — просто ответил мальчик.

— Ты правда старался? — спросил я.

— Да. Что я, дурак, что ли? Но дядя Борис сказал, что если надежды нет, то хватит зря стараться.

Он поднял на меня глаза и попросил:

— Вы идите, правда. Я поиграюсь немного и лягу.

— Если надежды нет... — сказал я. — Если нет надежды... — Похлопал себя по карманам. Достал телефон. — Подожди-ка, Кеша...

Вообще-то звонить десятилетней дочери в полночь — не самое педагогически верное решение. Но я позвонить не успел — телефон звякнул в моих руках, и я поднес его к уху.

— Да?

— Пап, ты мне хотел позвонить? — Голос Нади был абсолютно не сонным и очень, очень заведенным.

— Хотел.

— Вы сражаетесь? С этим зверем?

— Нет, Надя, мы не будем с ним сражаться. Мы не сможем его победить.

— А если...

— И ты не будешь с ним сражаться!

— Но ты ведь хочешь, чтобы я пришла? — уточнила Надя.

— Да, но только вовсе не для того чтобы сражаться, а для... — начал я.

Дохнуло холодом. В воздухе возник овал темного свечения, опоясанный белыми искрами. Из него шагнула Надя — босиком, одетая только в розовую пижаму.

— ...того, чтобы у Кеши появилась надежда, — закончил я, глядя на дочь.

— Папа, у меня получилось, как у Гесера! — радостно сказала Надя. — Ой. Привет!

Нет, Надя не смутилась. А вот Кеша покраснел и опустил глаза.

— Надя, я боюсь, у нас очень мало времени, — сказал я. — Может быть, всего несколько часов. Кеша должен сказать свое первое пророчество. Он знает как. Но у него не получается. Мне кажется, что ты можешь ему как-то помочь.

— Может, мне его поцеловать? — невинным голосом спросила Надя. — Для воодушевления? В мультиках всегда помогает!

Вот ведь маленькая... маленькая... нет, не ведьма, конечно. Но что-то от ведьмы в ней есть. Как в любой женщине.

— Боюсь, дело не в поцелуях, — сказал я. — Надя, поговори с мальчиком. Попытайся понять, в чем проблема. Я... я буду рядом. Минут через пять вернусь.

Я вышел, закрыл за собой дверь и подумал, что через пару лет уже остерегусь оставлять дочь с мальчишками наедине. Ну надо же! Поцелую! Телевизор все-таки надо выкинуть...

— Антон!

Я зашел в комнату, где сидели Гесер, Алишер и Жермензон. Коньяка в бутылке, кажется, даже прибыло, что наводило на подозрения. Глыба куда-то делся, но замена московского прорицателя на казахского боевого мага ничуть не повлияла на времяпрепровождение всей компании.

— Было какое-то... движение... — вглядываясь в меня, сказал Гесер. — Скажи, ты не сделал никаких глупостей? Не телепортировал парнишку отсюда?

— Нет, это Надя, — сказал я. — Я ее позвал... поговорить с мальчиком. Она всю жизнь знала, что она — Иная. Может быть, подскажет что-нибудь?

— Самоотверженный отец, — сказал Гесер.

— Ну вы ведь этого хотели? — уточнил я. — Когда говорили мальчику, что если надежды нет, то не стоит стараться.

Гесер медленно покачал головой:

— Нет, Антон. Спасибо, что ты так высоко ценишь каждое мое слово, но это не было намеком. Я просто сказал, что надежды нет. Не имея в виду твою дочь...

— А ведь красиво было бы... — задумчиво произнес Жермензон. — Жаль...

И тут «движение», о котором говорил Гесер, почувствовал я. Будто колыхнулся Сумрак, вздрогнул, выплескивая энергию, и застыл.

— Пойду-ка я надеру Наде уши, — сказал я.

— Девочкам уши драть нехорошо. — Гесер встал. — И это не она.

— Это Тигр, — сказал Жермензон, вставая.

— Антон, бери дочку и уходи. — Алишер достал из кармана браслет из трех переплетенных колец — золотого, серебряного и медного. Продел в него левую руку, поболтал в воздухе, будто примеряясь к незримому грузу.

— Вы чего? — спросил я. — Вы же сказали...

— Мало ли, что мы сказали, — пожал плечами Жермензон. — И вообще... если удастся выгадать час-другой — это может все решить. По Сумраку он не пройдет, Гесер?

— Нет, — твердо сказал Гесер.

— Может, все-таки попросить Инквизицию... или Завулону...

— Я просил. Четверть часа назад. В помощи отказано.

— Тогда своими силами, — бодро произнес Жермензон. — Очень любопытный... как вы, молодежь, это называете, Али?

— Экспириенс, — сказал Алишер и встряхнул рукой с браслетом. Его тело окутало белое свечение. Он тряхнул рукой снова, свечение угасло.

— Точно, — просиял Жермензон. — Экспириенс! Не думал, что меня что-то сможет удивить, но этот Тигр — и впрямь новый жизненный опыт.

И в этот миг наверху грохнуло. Сильно, гулко — будто что-то взорвалось. Маги подняли головы, прислушиваясь.

— Семен, — сказал Гесер. — Я же велел не вмешиваться... Жалко, что в Дозоре не практикуются телесные наказания.

— Можно ввести, — оживился Жермензон.

— Он осторожненько, — сказал Алишер. — Ребята не хотят сдавать офис без боя. Ну... хотя бы символически...

Гесер посмотрел на меня:

— Антон, твоя задача проста. После того как Тигр спустится по лестнице и появится в том конце коридора, у нас будет от трех до пяти минут. Ты можешь что-то сделать... для очистки совести. Одно-два заклинания, только постарайся его не злить... А потом хватай дочь и уходи. Она сумеет открыть портал.

— Я и сам могу, — без особой убежденности сказал я.

— Вот и хорошо. Уходите. И даже не пробуй прихватить с собой пацана. Не геройствуй понапрасну, тебе еще жить да жить.

— Не стану, — кивнул я, с отвращением понимая, что говорю правду.

— Мы тоже постараемся максимально его задержать, а потом уйдем, — сказал Гесер, то ли для меня, то ли для Жермензона и Алишера. — Вдруг эти минуты чему-то помогут...

Наверху пронзительно засвиристело — будто вырывался под большим давлением пар из маленького отверстия. Что они там творят? Или это Тигр?

— Красивая сцена, — внезапно сказал Жермензон. — И очень позитивная... интернациональная... Тибетец, казах и два еврея пытаются спасти маленького русского мальчика...

— Я не еврей, — поправил я.

— С фамилией Городецкий? — заинтересовался Жермензон.

— Это старинная русская фамилия! От названия городка на Волге, там мои предки жили.

— Тогда еще красивее, — решил Жермензон. — Тибетец, казах, русский и еврей...

Гесер посмотрел на Жермензона и спросил:

— Так ты что, Марк, еврей, что ли?

— Подкалывай, подкалывай, — пробурчал Жермензон.

Наверху часто-часто застучало — будто кто-то включил швейную машинку. Или начал стрелять из автомата, что, пожалуй, было более вероятно — вряд ли Тигр согласился оставить мальчика в покое за пару

хорошо пошитых штанов.

— Оптимисты, — фыркнул Гесер.

— Ну почему бы и не попробовать? — пожал плечами Жермензон. — Знаешь, когда придумали порох, я был в восхищении. Против поднятой мертвечины — самое милое дело!

В коридоре вдруг заморгали и погасли лампы. Через мгновение они снова засветились, уже тусклее — сработал аварийный генератор. Но еще через пару секунд погасли насовсем.

Я взмахнул рукой и развесил вдоль всего коридора несколько магических огоньков. Гесер щелкнул пальцами и погасил два ближайших к нам, после чего проворчал:

— Учишь вас, учишь...

По лестнице застучали шаги. Неторопливые, но уверенные. Тигр сошел с лестницы, остановился в конце коридора. Посмотрел в нашу сторону — темнота, похоже, ему не мешала. Улыбнулся и сделал шаг.

Грохнуло — и Тигра окутал белый морозный вихрь. То ли туман, то ли вьюга... На секунду Тигр замер, потом с некоторым напряжением сделал шаг — и направился к нам.

— Я же говорил, что не сработает, — бросил Гесер через плечо.

— Но попробовать-то стоило! — обиженно ответил Жермензон.

Оба Высших чуть выступили вперед, прикрывая нас с Алишером. И в этот миг за спиной хлопнула дверь. Я обернулся и увидел Надю.

Дочка выглядела задумчивой, но, пожалуй, довольной. Подошла ко мне, взяла за руку. Спросила:

— Это он и есть?

Тигр тем временем остановился. На его лице появилось какое-то смущение и растерянность, будто нулевая, Абсолютная волшебница стала неожиданностью в его планах.

— А кого ты видишь? — спросил я. — Девочку?

— Нет. Тигра. Он большой, полосатый и у него горят глаза.

— Красиво, — вздохнул я.

— Папа, тигров нельзя убивать, они в Красной книге.

— Этого можно, — сказал я. — Только все не получается.

И вдруг Тигр заговорил. Во время нашей предыдущей встречи он не проронил ни слова, и я, честно говоря, был уверен, что он и не умеет говорить...

— Уйдите. Вы мне не нужны.

— И ты нам не нужен, — ответил Гесер. — Почему бы не уйти тебе?

Тигр покачал головой. (Интересно, как это видит Надя? Говорящего

тигра? Шер Хана из мультика про Маугли?)

— Пророчество не должно быть услышано.

— Он всего лишь маленький мальчик, — сказал Гесер. — Оставь его в покое, дай ему время. Пусть пророчество прозвучит в пустоту. Пусть его не услышат.

— Риск, — сказал Тигр. — Прежде всего он пророк. Уже потом он — мальчик. Уйдите.

— Дай ему время, — повторил Гесер.

Вместо ответа Тигр пошел вперед. Видимо, время для разговоров кончилось.

Что именно сделали Великие, я не понял. Коридор будто затянуло разноцветной огненной паутиной. Синие, красные, зеленые, оранжевые нити повисли в воздухе, Тигр напоролся на них, его лицо исказилось, будто от боли. Но он продолжал идти. Медленно, но верно.

— Антон, уходите! — рявкнул Гесер.

Я посмотрел на Надю. Крепче сжал ее руку. Кивнул.

— Мы должны уйти, папа? — очень спокойно спросила она.

Я кивнул.

— Ему нужно совсем чуть-чуть, — сказала Надя. — Давай я...

— Мы уходим! — выкрикнул я. — Открывай портал! Я приказываю!

— Папа, ты не можешь мне приказывать убежать!

— Я приказываю не как папа, а как работник Дозора!

Надя смотрела на меня, и я не знал, сработает ли это. Мы с детства учили ее уважать Ночной Дозор. Объясняли, что сказанное дозорным — это приказ. Что с магией не шутят. Но она была маленькой девочкой, для которой все сказки всегда заканчивались хорошо, — и я видел, что в ее глазах сейчас бушует энергия, способная затопить всю Москву... вот только поможет ли это против Тигра — не знал никто.

— Надя, я прошу тебя, — повторил я устало.

В глазах у дочки блеснули слезы. Она сжала губы, кивнула — и рядом с нами открылся портал. Я глянул на Тигра — тот уже прошел половину коридора. Он не атаковал, мы не были его врагами... мы были лишь помехой, он шел убивать пророка.

Я взял Надю за руку, потянул к portalу...

И в этот миг Тигр остановился. Поднял руку, совсем по-человечески потер лоб. И улыбнулся.

За нашей спиной открылась дверь, и маленький пророк Кеша вышел в коридор. Он был весь взмокший, словно толстяка заставили заняться физкультурой. Глаза у него были слегка ословевшие, дурные, смотрел он

на нас растерянно, едва узнавая. Из носа текла кровь.

— Все хорошо, — сказал Тигр. — Я ухожу.

Похоже, он собирался просто уйти — по коридору. Но пол под его ногами внезапно проломился, брызнуло в стороны бетонное крошево и доски. Запущенный Жермензоном еще в первую схватку голем все-таки догнал противника.

С выражением крайнего удивления на лице Тигр провалился в яму, где земля клокотала, будто кипящая каша. Мелькнули руки голема, нога Тигра... на секунду мне показалось, что я вижу длинный полосатый хвост, торчащий из земли будто исполинский червяк...

И все исчезло.

— Боюсь, он его не убил, — сказал Жермензон. — Боюсь, он просто не счел нужным сражаться...

Цветная паутина гасла. Гесер и Жермензон смотрели друг на друга, медленно начиная улыбаться.

Я наклонился к Наде и тихо спросил:

— Как ты ему помогла?

Обернувшись на Кешу, Надя привстала на цыпочки и прошептала мне в ухо:

— Я сказала, что, если он сейчас же не скажет свое дурацкое пророчество, я его изобью и всем расскажу, что его побила девчонка.

— И он поверил? — спросил я.

— А я ему дала по носу.

Я достал из кармана носовой платок, подошел к мальчику. Протянул платок и сказал:

— Запрокинь голову и прижми к носу. Сейчас мы позовем... доктора.

И пока он растерянно запрокидывал голову — разжал ему пальцы, забрал крепко стиснутую игрушку и сунул в свой карман.

— Повезло, — сказал Гесер, подходя. — Пророчество никто не услышал, Тигр ушел. Поздравляю тебя, малыш, все беды позади!

— Повезло, — повторил я за Гесером.

Игрушечный телефон, который я забрал у Кеши, жег мне карман. Я не знал, рискну ли нажать на кнопку и проиграть то, что на нем записано. И записано ли там вообще что-то.

Но хорошо хотя бы то, что сумеречная тварь ничего не понимает в современных детских игрушках.

Часть вторая

Смутные времена

Пролог

— Сегодня урок проведу я, — сказал Городецкий. — Анна Тихоновна заболела.

— А что с ней? — беспокоился Павел. — Что-то магическое?

— Холецистит, — ответил Антон.

— Это можно вылечить заклинанием, — сказал Павел. Ему было двадцать с небольшим, он был из поколения, выросшего на компьютерных ролевых играх и книжках о Гарри Поттере.

— Можно, — согласился Антон. — Но зачем, если можно выпить желчегонное?

— Магией быстрее, — не сдавался Павел.

— И сложнее. Как ни странно, но проще всего магическому лечению поддаются смертельные заболевания. Банальные простуды, желчные колики и геморрой легче вылечить обыкновенными средствами. К тому же всегда стоит экономить силы и возможности магического вмешательства.

— Зачем? — Павел оглянулся на остальных учеников, будто ища поддержки. — Мы гораздо сильнее Дневного Дозора.

— Вот об этом и поговорим, — кивнул Антон. Прошелся по классу, разглядывая учеников — десять Иных, десять будущих магов и волшебниц. Шестеро взрослых, четверо детей и подростков. Обычные пропорции — возраст, в котором удастся определить в человеке Иного, бывает самым разным. Младшему ученику, пророку Иннокентию Толкову, — десять с половиной, старшему — волшебнице Галине Станиславовне, пятьдесят два года. Кто-то из них придет в Дозор, а кто-то решит продолжить жить человеческой жизнью... почти человеческой. — Сколько, на ваш взгляд, учеников в Дневном Дозоре?

— Десять, — сказал Павел.

— Увы. — Городецкий покачал головой.

— Сто, — ответила Надя.

— Ответ не засчитывается, — сказал Городецкий. — Ты слышала об этом дома.

— Ну и что? — возмутилась Надя. — Какая разница, где я слышала?

— Ну, ты все равно ошиблась, — пожал плечами Антон. — Это было давно.

— Сто пятьдесят три, — пробормотал Иннокентий.

— Ответ засчитывается, — кивнул Городецкий. — Хотя я считал, что у

них сто пятьдесят один ученик, но спорить с пророком не стану. О чем нам говорит эта диспропорция?

— О том, что плохих людей на свете больше? — тихо спросила Галина. До инициации она была учительницей русского языка и литературы старших классов в маленьком подмосковном городке. Антон полагал, что она имеет право на такое предположение.

— Не людей, а Иных! — поправил Денис. Тридцать с небольшим лет, бывший военный, уволенный из армии в ходе реформы. Как ни странно, его человеческая профессия и специализация Иного совпадали — из него обещал получиться неплохой боевой маг.

— Извините, Денис, но все-таки людей, — тихо, но твердо сказала Галина Станиславовна. — Иные не рождаются плохими или хорошими... как и люди, впрочем. Иные становятся на сторону Света или Тьмы исходя из своего душевного состояния на момент инициации...

— Одно замечание, — сказал Антон. — Кто хочет поправить?

Руки подняли несколько учеников. Антон кивнул Фархаду, бывшему менеджеру нефтяной компании из Казани. Состоявшийся в жизни человек, достигший успехов в бизнесе... такие не часто становились Светлыми Иными.

— Светлые и Темные — это не значит хорошие или плохие, добрые или злые, — сказал Фархад. — Если уж делить человеческими мерками... то это альтруисты и эгоисты. Те, кто хочет лучшего для окружающих, и те, кто хочет лучшего для себя.

— И порой во имя личного блага Темные Иные способны нести добро окружающим, а Светлые — причинять зло, — кивнул Антон. — Верно. Хотя я удивлен, что вы плаваете в самых основах... Итак, что означает пятнадцатикратный перевес в числе учеников Дневного Дозора по сравнению с нами?

— Среди людей гораздо больше эгоистов, — сказала Галина Станиславовна.

— Ночной Дозор хуже ищет будущих Иных, — предположил Денис.

— Обе версии хорошие, — сказал Антон. — Пока не будем уточнять, насколько они верны. Скажите, а почему при этом сохраняется баланс сил между Дозорами?

— Потому что вы — Высший Иной, — сказал Денис. — И еще Гесер, и Светлана... а Наденька — вообще Абсолютная волшебница!

Городецкий кивнул:

— Правильно. Численность Ночного Дозора ощутимо меньше, но при этом среди нас больше сильных магов. И, возвращаясь к предыдущему

вопросу, такая ситуация является обычной на протяжении многих веков.

Темных действительно больше. Светлые действительно сильнее. В целом — существует паритет. Именно поэтому не стоит, Павел, по малейшему поводу использовать магию. Там, где есть возможность довериться науке, — стоит ей доверяться.

Павел кивнул, хотя, судя по взгляду, Городецкий его до конца не убедил.

— Антон, делались попытки как-то изменить баланс сил? — спросила Галина Станиславовна.

— Конечно, — кивнул Антон. — Самая глобальная из них называлась Великой Октябрьской революцией. Коммунистическая идеология построена на альтруизме, и российским Дозорам был санкционирован этот эксперимент. По сути, это наибольшее вмешательство Иных в человеческую жизнь после Ренессанса, Великой Чумы и независимости Северо-Американских Штатов.

— И Темные позволили? — удивилась Галина.

— Конечно. Во-первых, они нам задолжали...

— За независимость США? — хмыкнул Денис.

— Нет, за Ренессанс. А во-вторых, по мнению Темных, распространение среди людей коммунистической идеологии должно было привести к росту эгоизма и темных эмоций.

— И они оказались правы? — возмутилась Галина.

— Нет. Мы все ошибались. Это никак не изменило баланс эгоистов и альтруистов, ни в мире, ни в России. После этого негласно возобладало мнение, что пропорция «один к пятнадцати», а точнее — «один к шестнадцати» является константой, отражающей соотношение альтруистов и эгоистов среди людей.

— А как, допустим, в США? — поинтересовался Давид Саакян. Семнадцатилетний старшеклассник был инициирован всего месяц назад, и его интересовало абсолютно все.

— В США, Швеции, Зимбабве, Северной Корее, Эстонии, Бразилии... да где угодно — пропорция та же самая. К сожалению, выяснилось, что ни общественный строй, ни уровень жизни, ни главенствующая идеология не имеют никакого влияния на соотношение потенциальных Светлых и Темных. Потому оно и константа. Сильные социальные потрясения, конечно, вызывают изменения в ту или иную сторону — но они рано или поздно сглаживаются. Принадлежность к христианской, мусульманской или любой другой религии тоже не меняет пропорции.

— Папа, но этого не может быть! — возмутилась Надя. — Люди везде

ведут себя по-разному!

— Ведут, — кивнул Антон. — Конечно... Надежда Антоновна. От существующих в обществе моральных установок и норм зависит и поведение людей. Разумеется, красные кхмеры, террористы «Аль-Каиды», добропорядочные европейские бюргеры и, допустим, комсомольцы тридцатых годов прошлого века совершенно по-разному вели бы себя в одинаковых ситуациях. Но сути это бы не изменило. Соотношение альтруистов и эгоистов даже среди монахов-бенедиктинцев и гестаповцев — одно и то же. Просто проявляется их альтруизм и эгоизм по-разному.

— Но ведь в этом все дело! — не сдавалась Надя.

— Для людей. Для них разница, конечно, велика. Для нас, увы, нет.

— Почему? Мы ведь должны делать жизнь людей лучше!

— Как? Светлые Иные создали общество, декларирующее альтруизм и всеобщее братство. В результате — воспитали чудовищных эгоистов, которые радостно предали все, что было свято.

— Не мы предали! — Галина Станиславовна вскочила со стула. Ее губы дрожали. — Не мы! Нас предали!

— Разве? — мягко спросил Антон. — Вспомните себя в те годы, пожалуйста. Когда вожди предают свой народ, а народ не свергает их — не стоит винить одних лишь вождей.

— Любая власть развращает, — сказал Денис. — Светлым Иным стоило бы взять власть в свои руки...

— И плеткой погнать людей к счастью, — усмехнулся Антон. — Ничего, что они это счастье понимают по-разному? И вы уверены, что Светлых Иных власть не развратит? Подумайте над этим. И напишите, пожалуйста, к следующему занятию эссе на тему «Каким будет человеческий мир, если Светлые Иные решат прийти к власти».

— Тогда в чем же смысл нашего существования? — резко спросила Галина Станиславовна. — Если вы считаете, что мы не можем повлиять на человеческую жизнь, изменить ее к лучшему?

— О, правильно, — кивнул Антон. — И еще одно эссе: «В чем смысл жизни Иного?»

Класс застонал.

— Но если мы... — начала Галина Станиславовна.

— Ради всего святого, молчите! — взмолился Денис. — Нам только третьего эссе не хватало!

Глава первая

Анна Тихоновна пила чай в кабинете Гесера. Перед шефом тоже стояла чашка, но он, казалось, был целиком погружен в открытый на компьютере документ.

— Как прошел урок? — спросила старушка с любопытством.

— Нормально. — Я сел напротив, пользуясь молчанием Гесера, и налил себе стакан чаю. — Я сказал, что у вас холецистит.

— Хорошо, — кивнула Анна Тихоновна. — Надеюсь, вы не слишком устали, Антон?

— Нет, что вы. — Я отхлебнул чай. Анна Тихоновна была женщиной старой закваски. Поговаривали, что если не при свидетелях, то наша единственная учительница пьет чай из блюдца. Зеленых чаев она не признавала, еще более презирала травяные настои, по недоразумению называемые чаями. Чай в ее представлении должен был быть черным, как деготь, и крепким, как совесть грешника.

Ну или наоборот. Черным, как совесть, и крепким, как деготь.

И сладким.

Под внимательным взглядом старушки я сдался и положил в чашку три куска рафинада. Размешал. Сделал глоток.

Как ни странно, это было вкусно. Хотя дома мне и в голову бы не пришло пить чай с сахаром. Да и не полез бы он в горло.

— А почему вы так не любите этот урок, Анна Тихоновна? — спросил я. — Помнится, в мое время вы тоже занятие не проводили... гриппом болели. У нас Тигренок вела...

Мы секунду помолчали.

— Антон, а вам было комфортно проводить этот урок? — спросила учительница.

— Ну... не очень. — Я поморщился. — Объяснять молодежи, что все их грандиозные планы облагодетельствовать человечество или родную страну навсегда останутся пшиком, что все, что мы можем, — это работать по мелочам, противостоять Дневному Дозору... Неприятно, да.

— Но это надо делать, — сказал Гесер, не отрывая взгляда от компьютера. — Антон, как в «Пэйджесе» отключить маркированный список?

— Зайдите в «Вид», вызовите окно инспектора, там будет закладка... — Я удивленно посмотрел на Гесера. — А что вы взялись

«Мак» осваивать?

— Интересно узнавать новое, — ответил Гесер, елозя по столу мышкой. — Или считаешь, я для этого уже слишком стар?

— Ну что вы, шеф, — ответил я, прихлебывая чай. — Вы еще крепкий старик.

— С абака на арифмометр я переходил с трудом, — сказал Гесер. — А вот с арифмометра на калькулятор — с легкостью. И пишущая машинка мне никогда не нравилась, у меня раньше даже стенографистка была... — Он запнулся и улыбнулся каким-то воспоминаниям. Анна Тихоновна тоже едва заметно улыбнулась. — А компьютер мне сразу понравился. В нем есть что-то правильное... волшебное!

— Я всецело одобряю, — кивнул я. — Нет, правда. Полезно осваивать что-то новое.

— А как там наш маленький пророк? — неожиданно поинтересовался Гесер.

— Учится.

— Подружился с кем-нибудь?

— С Надей, — сказал я. — Полагаю, вы это знаете.

— Знаю, — признался Гесер. — В этом возрасте если девочка дает мальчику по носу, то это становится началом большой и крепкой дружбы. Жаль, что у взрослых все сложнее.

— Угу, — буркнул я. Шеф начал разговор про Иннокентия не просто так, я в этом не сомневался.

— Обидно, что его пророчества так никто и не услышал, — продолжил шеф.

— Обидно, — согласился я, настораживаясь.

— А Надя точно ничего не слышала?

— Точно. Она стукнула пацана в целях мотивации и вышла.

— И камеры слежения у нас в этой комнате не было, — продолжал сокрушаться Гесер. — Или была?

— Была. Только Надя их... э... отключила.

— Сожгла, — уточнил Гесер. — Кстати, зачем?

— Чтобы никто не услышал пророчества.

— Логично, логично... — вздохнул Гесер.

Мы с Анной Тихоновной переглянулись. Я, конечно, знал шефа лет на сто меньше, чем наша учительница. Но уж понять, что он ведет разговор к какой-то лишь ему ведомой теме, было нетрудно.

— Знаешь, что меня беспокоит? — Гесер вдруг откинулся в кресле и отодвинул от себя клавиатуру.

— Глобальные проблемы мироздания, — буркнул я.

— Да, ты прав, Антон. Именно глобальные проблемы мироздания. Я убедился, что не понимаю, что же такое Сумрак.

— Параллельная реальность, имеющая слоистую структуру, — сказала Анна Тихоновна. — Переход с уровня на уровень Сумрака требует затраты Силы — как на сам переход, так и на поддержание собственной жизнедеятельности. Каждый слой Сумрака все больше и больше отличается от нашего мира, однако с шестого слоя возможен переход обратно в наш мир — который, таким образом, является седьмым слоем Сумрака.

— Для Иного первого месяца обучения — вполне исчерпывающее объяснение, — сказал Гесер. — Замечу, что еще лет десять назад молодые Иные пребывали в полной уверенности, что у Сумрака три слоя... а про переход с шестого обратно в наш мир не знал и я сам. Но все же, что такое Сумрак?

— Параллельные миры. — Я пожал плечами. — Это, конечно, объяснение на уровне научной фантастики, но любое другое будет из области фэнтези. Можно даже предположить, что это некие вариации нашего мира, каким он мог бы быть... альтернативные миры, отделившиеся в свое время от нашего...

— Или наш мир — отделился от какого-то другого, — сказал Гесер. — Ладно, допустим. Наша научная группа ничего более вменяемого тоже сказать не может. И научные центры Инквизиции мало что добавят... только туману напустят своими «тонкими структурами», «темной материей» и «квантовыми вариациями». Но все-таки: что есть Сумрак? Просто шесть миров, которые человечество не сумело загадать?

— У вас Тигр из головы не выходит, — понял я.

— Конечно. — Гесер кивнул. — Пока мы клянемся Светом и Тьмой и получаем некий давно определенный отклик... — Гесер провел в воздухе рукой, и на его ладони на миг полыхнул ослепительно-белый шарик огня, — мы можем считать это неким физическим законом. Ну или магическим. Но Тигр — он был живой. Он разговаривал. Он формировал свое поведение в зависимости от нашего. Когда лавина обрушивается на альпиниста — это закон природы. Но когда лавина начинает гоняться за одним-единственным мальчиком, ковыряющимся в снегу у подножия горы, причем всех остальных лавина бережно отбрасывает в сторону или обходит... это уже не мокрый снег плюс сила тяготения. Это разум.

— Законы природы не разумны, — ответил я. — Сила притяжения не разумна. Электричество не разумно. Дикарь, глядя в телевизор, может

допустить, что это мудрое существо, но мы-то...

— Мудрое существо? Глядя в современный телевизор, можно допустить только, что это истеричный крикливый маньяк с прогрессирующей дебильностью, — насмешливо сказала Анна Тихоновна.

— Я о том, что разумность Тигра никак не доказывает, что разумен Сумрак, — упрямо сказал я. — Зеркало — Виталий Рогоза — был разумен? Вполне. В то же время он был порожден Сумраком в целях сохранения равновесия.

— Сумрак лишь повлиял на неопределившегося Иного Виталия Рогозу, — сказал Гесер. — И Рогоза действовал интуитивно, толком не понимая происходящего. С Тигром — дело иное.

— Ладно. — Я вздохнул. — Не буду спорить. Вы же не зря меня грузите, шеф. Не для общего развития.

— Конечно, — кивнул Гесер. — И Анна Тихоновна тут не зря. Как ни странно, но она наш лучший специалист по живым и квазиразумным явлениям Сумрака. Короче говоря — по фольклору.

Я с удивлением посмотрел на нашу учительницу. Она, конечно, умная старушка, но есть же научный отдел...

— Это мое хобби, — скромно сказала Анна Тихоновна. — Сила у меня невеликая, по улицам бегать за кровососами здоровье не позволяет. Да и гением я себя не считаю. Но свободного времени у меня много, вот и занимаюсь тем, что наши ученые мужи оставляют без внимания...

— То, что я об этом раньше не знал, моя недоработка, — кивнул Гесер. — Полагаю, с Тигром все прошло бы куда проще.

— Я изучаю Зеркала, Тени, Прозрачного Иного, Тигров, Хлопушу, Глиняного Человечка... — продолжила Анна Тихоновна.

— Прозрачный Иной? Хлопуша? Глиняный Человечек? — Сказать, что я был удивлен, значило ничего не сказать.

— О, Антон, это такие интересные феномены! — оживилась Анна Тихоновна. — Хлопуша, к примеру, появляется только на втором слое Сумрака. Зарегистрировано пять случаев за всю историю. В тот момент, когда Иной...

— Анна Тихоновна, я готов допустить, что и под этим фольклором что-то есть, — сказал Гесер. — Но давайте вернемся к Тигру.

— Про Тигра вы и сами все раскопали, — вздохнула учительница. — Жаль, конечно, что ко мне не обратились, я бы вам сэкономила массу времени. Единственное — я знаю адрес Эразма.

— Дарвина? — восхитился я.

— Даже не спрашивай, Антон, как я его добывала. — Анна Тихоновна

скромно потупилась. — Ты же знаешь, что, по закону, Иного, самоустранившегося от активной деятельности, никто не вправе тревожить...

— Мне бы потребовалось разрешение главы местного Ночного Дозора и четко выраженное невозражение главы Дневного, чтобы просто подать в местный филиал Инквизиции прошение о выдаче адреса, — сказал Гесер. — И еще не факт, что мне бы адрес сообщили...

— А я пошла проще. — Анна Тихоновна все-таки не сдержалась и, несмотря на свое «не спрашивай, Антон», принялась рассказывать. — Я прочитала Эразмовскую «Любовь растений» и написала критический трактат о ней. Ну... отчасти хвалебный, отчасти критический. Как раз в той мере, чтобы задеть Эразма. Опубликовала в английском журнале... и через неделю получила отповедь.

Она заулыбалась. Не сдержал улыбки и я:

— Ключул, значит, дендрофил наш... И что дальше?

— Мы с ним некоторое время переписывались. Я для вида поспорила, потом признала полную ошибочность своей критики... в общем — покаялась перед Эразмом, тот сменил гнев на милость. Не так уж часто люди ныне интересуются его любимым научным трудом. Мы очень славно пообщались, он даже кокетничать со мной стал и приглашал его посетить. Но тут я допустила ошибку. Меня же, Антон, интересовала только история с Тигром... И я про нее упомянула. Эразм, видимо, понял, в чем мой интерес. И оскорбился.

— Почему? — удивился я.

— Ну как почему? Его любимая ботаника, на почве которой он и стал со мной общаться, оказалась для меня всего лишь предлогом для знакомства... — В голосе старушки прорезалось смущение.

— Представь, что у тебя есть увлечение, фанатичное и слегка безумное, — добавил Гесер. — И вдруг ты встречаешь Иную, которая разделяет твою страсть... к коллекционированию мотыльков, допустим. Или к изучению целебных свойств кефира. Ты общаешься, радуешься... возможно — влюбляешься. И вдруг узнаешь, что все это — лишь предлог сойтись с тобой поближе и узнать про Мел Судьбы, который когда-то был в твоих руках.

— Понятно, — кивнул я. — Эразм не сменил место жительства?

— Насколько мы выяснили — нет, — покачал головой Гесер.

— И где он живет? Какая-нибудь глушь, очевидно? Среди безбрежных трав и вековых деревьев? Вересковые поля Шотландии, суровые скалы Уэльса...

— В Лондоне он живет, — фыркнул Гесер. — С годами начинаешь ценить комфорт, поверь мне.

— Командировка в Лондон — это неплохо, — мечтательно сказал я.

— Вот и поедешь.

— Не буду спорить, — быстро ответил я. — С кем?

— Один. Никаких боевых столкновений не предвидится. Никого знакомого с Эразмом у нас нет... кроме Анны Тихоновны, но учитывая обстоятельства, при которых прервался их контакт...

— А вы с ним не знакомы? — с надеждой спросил я.

Гесер покачал головой:

— Не знаком. И Фома Лермонт — тоже. Через третьи-четвертые руки могу найти контакт, но вряд ли это поможет.

— Я тут подумала, — почти застенчиво спросила Анна Тихоновна. — А если Антону взять с собой Кешу?

— Полагаешь, Эразма растрогает мальчик, чья судьба похожа на его собственную? — Гесер потер переносицу. — Как полагаешь, Антон?

— Не думаю, что четырехсотлетнему Иному свойственны сантименты, — ответил я. — Я бы лучше Светлану с собой взял.

— Как только она вернется в Дозор, — усмехнулся Гесер. — Съезди в Лондон, Антон. Поговори с Эразмом. Вдруг он сумеет рассказать что-нибудь важное? А нет... так просто проветришься. Командировку тебе выписали, билеты готовы, возьми в бухгалтерии. Летишь завтра утром.

— Бизнес-классом, надеюсь? — пошутил я.

— Да, — кивнул Гесер.

Мне как-то сразу расхотелось острить. Конечно, Ночной Дозор не бедная организация, а командировки у нас не столь часты... Но с чего бы вдруг Гесер расщедрился на бизнес-класс?

— А суточные какие? — уточнил я.

— Сто двадцать фунтов в день. Плюс оплата гостиницы.

Он что, не шутит?

— Проживать буду в «Рэдиссоне» или в «Шератоне»? — бросил я еще один пробный камень.

— Обойдешься, — усмехнулся Гесер. — Маленькая традиционная английская гостиница — что может быть лучше, чтобы понять чужую страну?

— Борис Игнатьевич, в чем подвох? — не выдержал я.

— Да ни в чем. Просто ты и впрямь неплохо работал в последнее время. Считай, что я придумал для тебя отпуск за казенный счет. Не добьешься успеха — ругать не стану, а если и впрямь что-нибудь

разузнаешь — следующий раз отправлю тебя на задание служебным самолетом.

— Ага, если бы он еще у нас был, — хмыкнул я, вставая.

— Я как раз собираюсь его купить, — сказал Гесер. — Как думаешь, что лучше — «Гольфстрим» или «Эмбрэйр»?

— «Як-сорок», — ответил я и вышел.

Больше всего меня смущало то, что Гесер, похоже, не шутил.

Зачем Ночному Дозору города Москвы служебный самолет?

Лучше бы кондиционеры в офисе поменял, летом не продохнуть от жары!

Если меня в чем-то и убедили пятнадцать лет в Дозоре, так это в том, что Гесер ничего не делает просто так. Он не дает задания ни исходя из чистой функциональности, ни давая волю альтруизму.

Возьмем, к примеру, давнюю историю с мальчиком Егором, неопределившимся Иным, за которым охотились вампиры. С чего бы вдруг Гесер выгнал меня «в поле» ловить нарушивших правила кровососов? Просто с целью перевести с кабинетной работы на оперативную? Нет. Точнее, не только из-за этого. А еще и с целью накрутить погуще дымовую завесу вокруг паренька, преподать мне урок относительно «доброты» Ночного Дозора — и «злобности» Дневного. И, очень вероятно, выводя меня на Светлану, завязывая наши отношения в тот узел, который должен был привести к рождению Нади. Может быть, даже с целью объяснить — и мне, и прочим дозорным, кто такой Зеркальный маг — уж не ждал ли шеф явления Зеркала, не подозревал ли, что Егору, а не бедолаге Рогозе суждено в него обратиться... Кстати, как-то созвучны имя русского мальчишки и фамилия украинского юноши — Егор и Рогоза...

Тьфу! Совсем с ума схожу! Конспирологией занимаюсь. Гесер, разумеется, интриган, и все его действия — с двойным и тройным дном, но уж привязывать сюда созвучие имен — верный шаг к паранойе.

Что реально замыслил Гесер, отправляя меня в Лондон, да еще и на таких условиях — великолепно оплаченная командировка, перелет бизнес-классом, неопасное и ненапряжное задание? У нас хватает менее сильных, но весьма профессиональных сотрудников и сотрудниц, которые могли бы встретиться с Эразмом и попробовать что-то у него разузнать.

Либо Гесер подозревает, что задание может стать более опасным, чем кажется...

Либо видит во мне какие-то особенности, позволяющие мне справиться с этой миссией лучше других.

Либо все это пустышка, отвлечение чьего-то внимания от реальных

дел. Допустим, Гесер считает, что Завулон следит за мной и сейчас тоже рванется в Лондон к Эразму...

Я вздохнул. Вариантов можно было напридумывать еще много. Но почему-то мне казалось, что я упускаю какой-то очень простой и очень логичный, а потому — самый вероятный вариант.

— А я бы не заморачивалась на твоём месте, — сказала Светлана, собирая мне маленький чемоданчик. — Гесер, конечно, хитрит. Но ты ему нужен, и вообще он по-своему к тебе очень привязан. Надо было для порядка кого-то в Лондон к Эразму отправить — почему бы и не тебя?

— Но он явно считает дело с Тигром незаконченным, — задумчиво сказал я. Мы были в спальне, Надя смотрела в гостиной телевизор, и можно было поговорить откровенно.

— И я тоже считаю его незаконченным... — Светлана на мгновение замерла над чемоданчиком, держа в руках стопку чистых трусов. — Антон, а ты ничего от меня не скрываешь?

— В смысле?

— Ничего, касающегося Тигра и пророчества?

— Все, что знал, рассказал, — немного покривив душой, сказал я. Того, что надиктовано на игрушечном телефоне я и вправду не знал. Даже не был уверен, что там что-то вообще надиктовано. — Света, а ты меня на сколько дней собираешь?

Светлана задумчиво посмотрела на мое белье в своих руках.

— Три... пять... семь. На неделю.

— Зачем? У меня обратный билет через двое суток.

— Видимо, мне почему-то показалось правильным положить тебе семь пар чистого белья, — задумчиво сказала Светлана. — И рубашек я положила пять штук... и еще два теплых свитера...

— В Лондоне жара, как и в Москве, — заметил я.

— Знаю. — Светлана вздохнула. — К сожалению, я интуитивный прорицатель.

Я кивнул. Большинство Иных, даже если чувствуют необходимость поступить именно так, а не иначе, причину объяснить не могут. И Светлана не знает, почему собирает меня на неделю. И вполне возможно, что она ошибается. Вот мальчик Иннокентий сумеет это объяснить — когда научится обращаться со своим даром.

— Еще я положу тебе плащ, — неожиданно сказала Светлана. — И зонт.

— Влезет? — с сомнением глядя на чемодан, спросил я.

— Я его растяну изнутри.

Самое смешное, что заклинание, позволяющее упаковывать в небольшой объем кучу всякого барахла, появилось сравнительно недавно. Ни одному Иному просто не приходило в голову, что так можно сделать — пока волшебные безразмерные сумки и чемоданы не стали описывать люди в сказочных и фантастических книгах. Разумеется, от идеи до реализации немалый путь. Да и теперь заклинание «дамская сумочка», оно же «торба», способен наложить не каждый маг.

Светлана, конечно, могла.

— Я чемодан тебе расширю на две недели, — сказала Светлана. — Мало ли что... а то и впрямь задержишься, посреди аэропорта начнет фонтанировать трусами и рубашками.

— Спасибо, — сказал я. — Что тебе привезти из Лондона?

Светлана отмахнулась.

— Еще ты мне тряпки не выбирал... Там есть самый старый в мире детский магазин — «Хэмли». Зайди купи что-нибудь Наде.

— Из одежды? — уточнил я.

— Из игрушек.

Я хмыкнул. На мой взгляд к игрушкам дочь была уже почти равнодушна. Был бы у меня сын — понятное дело. Купил бы какой-нибудь радиоуправляемый вертолет или затейливый конструктор.

— «Барби»? — напрягая воображение спросил я.

Светлана вздохнула, улыбнулась и объяснила:

— Посмотри, что выбирают девочки ее возраста, то и бери.

— Так и сделаю, — обрадовался я. — И все-таки, что тебе привезти?

Повисла какая-то неловкая тишина. Только в гостиной работал телевизор и тонкие «мультишные» голоса вели диалог: «Я хочу знать, в чем смысл жизни!» «Тогда тебе нужна кузинатра — дающая смысл!»

— Нам кухонный комбайн нужен, — усмехнулась чему-то Светлана. — Но из Великобритании его тащить совершенно не обязательно. Привези то, что у англичан получается лучше всего.

— Мировой язык или империю?

— Хорошее виски.

— Во-первых, виски бывает шотландским или ирландским, а не английским. Во-вторых, с каких пор ты стала его пить?

— Я попробую, — снова улыбнулась Светлана. — А выпьешь ты с друзьями. И при этом твоя совесть будет чиста — подарок мне ты привезешь.

Благосклонность Гесера была столь велика, что мне даже не пришлось озабочиваться заказом такси — в семь утра за мной заехал Семен.

— Тут тебе гостинцы для Эразма. — Он махнул рукой на валяющийся в багажнике туго набитый полиэтиленовый пакет, по-простецки перехваченный скотчем.

— И что там?

— Не знаю. Что из России в подарок везут? Водка, икра...

— Матрешка и балалайка, — в тон ему сказал я. Открыл чемодан и впихнул туда пакет. Вопреки здравому смыслу тот преспокойно улегся в туго набитый чемодан.

— Света «торбу» наложила? — спросил Семен.

— Ага. Ей почему-то кажется, что моя поездка продлится целую неделю.

— Я бы Свете доверял, — серьезно сказал Семен.

— Я и доверяю.

Уже в дороге, когда мы выехали на Ленинградку, Семен неожиданно спросил:

— Антон, позволишь личный вопрос?

— Валяй.

— Как у вас со Светланой?

— В каком смысле?

— Да в самом прямом. Как отношения?

— Очень хорошие, — сказал я. — Дружеские. Товарищеские. Полное взаимопонимание.

— Это не совсем то, что нужно в семейных отношениях, — наставительно сказал Семен. — Это между нами с тобой должны быть дружеские и товарищеские отношения, мы вместе воюем. А в постели и за семейным столом товарищество неуместно.

Я немного помолчал, потом опустил стекло со своей стороны, достал сигареты и закурил. Ленинградское шоссе уже было забито машинами, но Семен вел легко и быстро.

— С чего вдруг ты этот разговор завел? — спросил я. — Психотерапевт хренов...

— Помочь тебе хочу, — объяснил Семен. — Я все-таки на свете долго живу, много чего повидал. Вначале у вас все наперекосяк складывалось, верно? И ты, и Света — сильные, под других подстраиваетесь с трудом, даже если хотите. Потом как-то все завязалось. Дочка родилась — совсем хорошо стало, верно? А потом, как подросла, — снова все наперекосяк пошло. По-товарищески.

— Ну? — жадно затягиваясь, произнес я.

— Встряска вам нужна, — сказал Семен невозмутимо. — Например, поругаться надо, хорошенько так, с битьем посуды, а то и подраться. На время в стороны разойтись, надуться друг на друга. Но вам это трудно, из-за дочки... Еще хорошо будет, если ты ей изменишь. Ты ведь никогда Свете не изменял?

— Слушай, иди ты... — Я начал заводиться не на шутку. — Тебя в детстве мама не учила в чужие семейные дела не лезть?

— Нет, у меня мамаша обожала влезать в чужие склоки, — ответил Семен. — Антон, без обид только, но больше никто тебе этого не скажет. А я вас со Светой очень люблю. И хотел бы, чтобы у вас все хорошо было.

— И советуешь нам либо подраться, либо изменить друг другу!

— Так я и сам простой и методы у меня простые, — усмехнулся Семен. — Можно еще к психотерапевту обратиться, походите годик-другой, полежите на кушетках, о жизни поговорите...

— Ну тебя... — Я некультурно отправил окурочек за окно.

— Антон, что-то надвигается, — сказал Семен. — Поверь моему чутью. Приходят трудные времена, и хорошо бы, чтобы все мы их встретили во всеоружии. Без разлада в душе, в семьях...

— Вот и женись сам, укрепляй ячейку общества.

— Моя любовь была человеком, она умерла, — просто ответил Семен. — Я ведь тебе рассказывал. А я, похоже, однолюб. Вроде тебя. Ладно, не обижайся и в голову не бери.

— Да уж, вначале загрузил, потом «в голову не бери»... — пробормотал я. — Тебе привезти чего-нибудь из Лондона? Виски...

— Я и здесь виски куплю, — отмахнулся Семен. — Знаешь что, зайди в магазин «Фортан и Мэйсон», это на Пиккадилли. Купи мне баночку меда из Йоркшира, очень я его люблю, а у нас не достанешь.

— Мир сошел с ума, — сказал я. — Свету спросил, она меня попросила привезти вискаря. А ты, здоровый и выпивающий мужик, баночку английского меда!

— Я чай с медом люблю, — невозмутимо сказал Семен. — А ты, будучи умным и любящим мужчиной, подарок жене должен придумать сам, а не спрашивать «чего привезти». Хоть бы и баночку меда.

Глава вторая

В Хитроу мы приземлились неудачно. Нет, с самолетом все было в порядке, летели мы по расписанию, полосы коснулись мягко, с рукавом состыковались быстро.

Но прямо перед нами в тот же самый четвертый терминал прибыл рейс откуда-то из Юго-Восточной Азии — то ли из Бангладеш, то ли из Индонезии. И полторы сотни российских пассажиров оказались в очереди на паспортный контроль за спиной двух сотен смуглых азиатов.

Каждый из них нес с собой целый ворох документов. Похоже, судя по бумагам, все они собирались учиться в Оксфорде или Кембридже, собирались инвестировать в экономику сотни тысяч фунтов или получить миллионное наследство. В общем, оснований для въезда у бангладешцев-индонезийцев было так много, что сразу становилось ясно — большинству предстоит работать в ресторанчиках, на стройках и фермах Британии. Офицеры на паспортном контроле — в большинстве своем тоже не урожденные англосаксы, это прекрасно понимали — и проверяли бумаги с предельной вьедливостью. То и дело проверка оканчивалась тем, что пассажира отводили в сторону — для дальнейших разбирательств...

Через отдельные стойки быстренько просочился ручеек пассажиров с нашего рейса, имеющих британское гражданство. Не такой уж и тоненький ручеек — по моему ощущению, процентов двадцать летевших в Лондон были «слугами двух господ». Остальные мрачно встали в длинный извилистый накопитель. Маялись мужики, мечтающие покурить после полета. Капризничали дети, успевшие засидеться в самолете. Сляли эсэмэски и копались в сумочках женщины, мечтавшие «пройтись по Пиккадилли» и наброситься на магазины Оксфорд-стрит.

Я, конечно, мог пройти без очереди. Тем или иным способом. В конце концов, мог просто войти в Сумрак и миновать человеческий паспортный контроль — на моих глазах так сделал молодой парень, в котором я в самолете даже не заподозрил Иного. Собственно говоря, не будь в паспорте визы — я бы так и сделал без малейшего колебания.

Но мне было неудобно. В хвост очереди терпеливо встала женщина с двумя младенцами, которых она при этом еще и кормила одновременно, «по-македонски». Ее, впрочем, через некоторое время отправили в небольшую очередь для тех, кто шел без очереди. Впереди тоже стояли и дети, и старики. Ну что поделать — неудачно прилетели, а для Европы

вымирающие русские остаются таким же подозрительным третьим миром, как и любая перенаселенная азиатская страна. Может, даже более подозрительным — поскольку хоть на роль страны третьего мира Россия и согласилась, но какие-то амбиции временами еще проявляет и открыто стать колонией стесняется.

В общем, преисполнившись благородства, я решил выстоять очередь вместе с соотечественниками. И первые полчаса искренне гордился своим поступком.

Вторую половину часа я держался уже исключительно из упрямства и понимая, что произнести заклинание и миновать паспортный контроль — это все равно что признать свою глупость.

Ко мне особых вопросов не возникло. Офицер, судя по тюрбану, сикх, глянул на визу, поинтересовался, надолго ли я приехал в Британию, получил ответ, что на два-три дня, кивнул и шлепнул в паспорт штамп.

Контроль из Темного и Светлого дозорных я миновал вообще без задержки — моя аура Высшего Иного внушала уважение.

Очередь меня так вымотала, что экспрессом, пусть тот и шел очень удобно для меня, к Паддингтонскому вокзалу, я не воспользовался. Вышел из аэропорта, свернул налево, где, удаленные на подобающее расстояние от приличных людей, травили свое здоровье курильщики. Для жертв никотиновой зависимости был оборудован маленький стеклянный карцер под открытым небом. Впрочем, истомившиеся пассажиры и одетые в униформу работяги из аэропорта правилами пренебрегали и курили на свежем воздухе.

Закурил и я. Рядом мусолила тонкую сигарету красивая длинноногая девица с дорогим алюминиевым чемоданом и ругала по телефону Питера, который ее вовремя не встретил. Девица, кстати, была русская, но по-английски говорила и ругалась виртуозно. Закончив разговор, она сокрушенно покачала головой, тут же позвонила в Москву и принялась обсуждать с подругой разницу в менталитете русских и английских мужчин.

Усмехнувшись, я пошел к остановке такси. Длинная очередь высоких кебов, среди которых попадались и старинные, и вполне современные, терпеливо ждала клиентов.

Гостиница, в которую меня отправил Гесер, была самой обычной дешевой лондонской гостиничкой, расположенной в Бэйсуотере — районе, славящемся подобными гостиницами. Ну или, напротив, не славящемся из-за обилия дешевого жилья для туристов. Никаких видимых лишь в Сумраке

знаков вроде инь-ян, что традиционно означало «дружественная для Иных», на гостинице тоже не было. Закрадывалось ощущение, что, отправив меня бизнес-классом, Гесер решил сэкономить на жилье.

Или какой-то смысл в проживании в трехзвездочном отеле «Дарлинг», занимавшем два подъезда старого викторианского дома (белые стены, колонны у входа, деревянные рамы с одним стеклом), все-таки был?

Номер оказался типичным для такого рода гостиниц — то есть небольшим, с узкими дверьми, низким потолком, крошечной ванной комнатой. Но сантехника была новая, европейского типа, имелся и плоский телевизор с сотней спутниковых каналов, где среди арабских и китайских затесалась парочка русских, и мини-бар, и кондиционер. Кровать тоже оказалась неожиданно большой и удобной.

Пойдет. Я сюда не в номере торчать приехал.

Чем именно сейчас заняться — это полностью зависит от меня. Можно пройтись по магазинам, купить сувениры и посидеть в пабе за кружкой пива — отложив дела на завтра. Можно отправиться в гости к Эразму — бесцеремонно, без приглашения. Можно поехать или пройтись через Гайд-парк в Белгравию — где расположен офис лондонского Ночного Дозора — и попросить содействия.

А можно и позвонить господину Эразму.

Я достал телефон. Не мудрствуя лукаво, господин Эразм Дарвин нынче звался на французский манер — господином Эразмом де Арвин. И услышав в трубке его голос, я даже понял причину — он говорил с легким акцентом, который любой современник опознал бы как французский.

На самом деле это был отзвук миновавших времен. Акцент семнадцатого века.

Обычно речь старых Иных мало чем отличается от современной. Язык меняется постепенно, новые слова и интонации плавно входят в лексикон Иных, остаются лишь какие-то отдельные старомодные словечки или обороты. Чем больше Иной общается с людьми, чем активнее работает в Дозоре, тем труднее на слух определить его возраст.

Но если Иной свел свое общение с соплеменниками и людьми к минимуму...

Тут был и акцент. И сама старомодная манера говорить. И отдельные словечки... если бы я учил английский как нормальные люди, а не впитал его магическим образом, я вообще мало бы что понял. К примеру — Эразм обращался ко мне на ты. По-английски — и на ты! Используя словечко «thou», которое устарело и почти не использовалось уже ко времени его рождения.

Похоже, он просто валял дурака.

— Эразм на проводе, внимаю.

— Мое имя Антон, Антон Городецкий. Я приехал из Москвы и мне очень нужно с вами встретиться, господин Дарвин. Я хотел бы поговорить... о тиграх.

Повисла короткая пауза. Потом Эразм сказал:

— Долго ждал я звонка твоего, Антуан. Не мыслил, что приедешь ты из Московии, галлом тебя видел.

— Видели? — не понял я.

— Ведомо тебе, что пророк я, — сообщил Эразм. — Приезжай ко мне, судьбе перечить не стану, приму тебя.

— Спасибо большое, — слегка растерявшись от такой доброжелательности, сказал я.

— Пустое дело спасибо мне говорить, Антуан. Адрес тебе знаком, бери же кеб и приезжай немедленно.

Господин Эразм де Арвин, отошедший от дел пророк Дневного Дозора и знаток интимной жизни растений, жил возле парка. В принципе гостиница, где я остановился, тоже располагалась у парка, но между Гайд-парком и Риджентс-парком есть большая разница. Пускай оба принадлежат королеве, но первый — более «народный», более шумный и простой. И найти рядом с ним можно все, что угодно, — от дорогущих особняков и роскошных магазинов (если со стороны Темзы) и до дешевых гостиниц и этнических кварталов, заселенных китайцами, албанцами и русскими (это в сторону железнодорожного вокзала, куда некогда прибыл самый симпатичный из английских иммигрантов — медвежонок Паддингтон).

Риджентс-парк окружен дорогими домами, земли вокруг него принадлежат королеве — и их невозможно купить, только арендовать, пусть даже на сотню-другую лет, так что никто из владельцев роскошных особняков и стоящих миллионы фунтов квартир не может с полным основанием сказать «мой дом — моя крепость». Впрочем, это никого не смущало — во всяком случае, двигаясь вдоль парка, я заметил и припаркованный «бентли» с номерным знаком «Armanu», и пару людей, лица, которые видел то ли в кино, то ли на первых страницах газет.

Что ж, если ты прожил на свете триста с лишним лет и не накопил достаточно денег, чтобы поселиться где угодно, — то ты полный идиот. Такие, конечно, встречаются и среди пророков, но Эразм явно был не из их числа. Так что особнячок вблизи Риджентс-парка он, конечно, мог себе позволить.

Впрочем, реальность даже превзошла мои ожидания.

Картам — что схематичным туристическим, что детальным полицейским — я предпочел свой телефон с встроенным навигатором. Пялиться в экран как маньяк-гаджетофил мне не хотелось, так что я просто надел клипсу наушника и шел, повинаясь командам, которые отдавал приятный женский голос. Как всем известно, помимо стандартных голосов в Интернете можно найти сотни прошивок для навигатора: хочешь, дорогу тебе будет указывать велеречивый Горбачев или заторможенный Ельцин, резкий Путин или суетливый Медведев, ну а для особых ценителей найдутся и Ленин — «Правильной дорогой идете, товарищи!», и Сталин — «Уклоняйтесь вправо!». У меня звучание имитировало какой-то старый фильм: «Налево, милорд», «Направо, милорд», и это мне нравилось — как-то очень хорошо гармонировало с господином Эразмом.

Так вот, вначале я шел вдоль Риджентс-парка, с любопытством поглядывая на дорогие особняки и старинные здания, либо красного кирпича с башенками и эркерами, либо белые и с колоннами. Район был вполне туристический, так что попадались и знаменитые красные телефонные будки (как ни странно, но в век сотовых телефонов ими тоже пользовались), и внушительные тумбы королевской почты (и письма на моих глазах в эти тумбы засовывали). Все это ретро, которому так умиляются туристы, действительно выглядело уместным и не нарочитым, и меня в какой уже раз уколола печальная мысль о Москве. Каким мог быть мой город, если бы его не сносили, не перестраивали, не рвали на части, выжимая прибыль из каждого клочка земли? Конечно, совершенно другим, но тоже живым и интересным... а не нынешним нагромождением унылых новостроек, обветшалых сталинских строений и редких, чаще всего полностью перестроенных, старинных домов.

Навигатор шепнул: «Налево, милорд», и я послушно вошел в один из входов Риджентс-парка, оказавшись в царстве могучих деревьев, благоухающих цветов и гуляющих по тропинкам людей. Лондонцев здесь, наверное, было меньше трети — все больше туристы с фотоаппаратами.

Интересно, где же обитает Эразм? В шалаше, среди своих любимых растений?

Я подавил желание глянуть на экран. Идти по командам было интереснее. В памяти навигатора оказались даже узенькие тропинки, и я все больше и больше углублялся в парк. Никакой настоящей дикости здесь, конечно, не было и быть не могло — но туристов попадалось все меньше и меньше.

Потом я увидел огромное здание, стоявшее, как мне показалось, в

самом парке или на самой его границе. На самом деле вдоль границы парка тянулась аллея, на которой и был выстроен дом. Больше всего он напоминал лучшие образчики сталинской архитектуры — присутствовали даже статуи на карнизе под крышей, вот только я не разобрал, кого именно они изображают — то ли мифологических персонажей, то ли видных деятелей британской культуры и политики, то ли представителей различных народов Британии. Судя по запаркованным у здания автомобилям, обитали здесь люди с многомиллионными счетами в банках.

Но навигатор повел меня по аллее дальше.

Он что, и в самом деле в шалаше живет?

— Прямо, милорд, — сказал навигатор. — Прибываем, милорд.

Я в недоумении остановился. Передо мной была древняя церковь. Ну, не церковь, но что-то церковное — аббатство, монастырское строение... Странной архитектуры, с двумя крыльями, как помещичья усадьба, но явно имеющее отношение к культовым сооружениям.

— Направо, милорд.

Правое крыло аббатства и впрямь выглядело несколько иначе. Нет, те же поросшие мхом каменные стены, витражные окна, высокие резные двери.

Но это был жилой дом. Точнее — жилая часть церкви-аббатства.

Ну а почему бы и нет, собственно говоря? Тем более в Англии. Была церковь. При ней был дом священника... викария, точнее. Церковь — Богу, жилой дом — людям. Службы в церкви давным-давно не ведут, потомки викария... стоп, а у него могут быть потомки?.. наверное, да, это же не католические священники с их целибатом... выбрали себе другую стезю. Ну и продал кто-то рано или поздно свой дом господину Эразму. А может, дом принадлежал семейству Дарвинов и достался ему по наследству?

Дверь открылась в тот момент, когда я подошел к ней и остановился в размышлениях, что делать — нажимать ли на кнопку звонка, или постучать тяжелым бронзовым дверным молотком. Немолодой толстенький седовласый господин в старомодном твидовом костюме с любопытством посмотрел на меня.

— Господин Эразм? — спросил я.

— Мсье Антуан? — Он то ли вжился в свой образ француза, то ли не мог до конца свыкнуться с мыслью, что я не галл. Зато архаизмы из языка практически исчезли. Включая и архаичное «thou». — Входите. Я ждал вас без малого век.

— Извини, что задержался, — невольно ответил я.

В жилище Эразма Дарвина можно было снимать историческое кино. Причем — разное. Кухня, на которую я зашел вслед за хозяином, была обставлена по последнему слову техники семидесятых годов прошлого века. Причем, скорее, американских семидесятых годов — много хрома, стекла, умилительно-наивный дизайн. На фоне всего этого блеска как-то особенно впечатляюще выглядело обилие дорогого старинного фарфора. Я мог бы подумать, что Эразм был поклонником знаменитой фирмы «Wedgwood», но обходился он с коллекционной посудой как-то удивительно по-свойски — несколько грязных тарелок было небрежно свалено в мойке, изящная чашечка была забыта на столе, в опасной близости от края... Дарвин сделал нам кофе в огромной кофемашине со стеклянным контейнером для зерен наверху. Перемалывая кофе, машина грохотала, как взлетающий авиалайнер. На одном из столов под разноцветным витражным окном стоял сверкающий кухонный комбайн, на чьем боку было написано «Cuisine Art». Холодильник тоже был незнакомой марки.

С подносом, на который он поставил кофейные чашки, сливочник и сахарницу, Эразм повел меня в гостиную. Тут семидесятые годы прошлого века бесславно капитулировали перед двадцатыми или тридцатыми годами — благородно вытертая кожаная мебель; повсюду темное дерево — и в мебели, и в настенных панелях; мраморный камин... причем, к моему удивлению, в нем горели настоящие поленья! Насколько я знал, это было строжайше запрещено — в свое время, борясь со знаменитым лондонским смогом, все каминные в городе перевели на газ. Никакого телевизора, конечно, тут не было, зато имелся ламповый радиоприемник, деревянный и основательный, напоминающий небольшой шкафчик.

— Не замерзли, Антуан? — спросил Эразм. — Быть может, немного порто с коньяком?

— Лето на дворе, — удивленно сказал я. До меня иногда не сразу доходят элементарные вещи. — А... впрочем... у вас здесь так прохладно. Толстые стены, да? Спасибо, с удовольствием выпью глоток порто с коньяком.

На лице Эразма отразилось облегчение.

— Ну конечно, вы же из Моско... России! — обрадованно сказал он. — Вас не должно смутить пить с утра!

— Уже почти обед, — дипломатично сказал я, удобно располагаясь в

глубоком кожаном кресле.

— К черту порто! — воскликнул Эразм. — Хорошее, доброе, старое ирландское виски!

Ну что ж, три сотни лет — вполне достаточный срок не только для того, чтобы приобрести кусок аббатства в центре Лондона, но и чтобы стать алкоголиком.

Из широкого буфета, чьи полки были закрыты дверцами с мутным матовым стеклом, Эразм извлек несколько бутылок. Придирчиво их осмотрел и выбрал одну, без всякой этикетки.

— Полтора ста лет, — сообщил он. — У меня есть виски и постарше, но это не имеет особого смысла. Главное, что тогда бензиновые моторы еще не травили природу своей вонью, рожь была рожью, солод — солодом, а торф — торфом... Вам со льдом, Антуан?

— Нет, — сказал я, скорее из вежливости, чтобы не заставлять Эразма отправляться на кухню. — Чистое.

— Правильно! — одобрил Эразм. — Лед — для неотесанных жителей колоний. Если потребуется, у меня есть чистая ирландская вода...

Виски он плеснул по чуть-чуть. Я коснулся темного, почти черного напитка губами.

Мне показалось, что я хлебнул из торфяного болота.

Потом — что я выпил жидкого огня.

Эразм, тихо посмеиваясь, смотрел на меня.

— Я и не думал, что ирландское виски бывает торфяным! — выдохнул я, отставляя бокал.

— Бывает даже сейчас, но... — Эразм махнул рукой. — Не то! Нынче так уже не делают!

— Надо привыкнуть, — пробормотал я дипломатично. — Очень... очень необычно.

— Нравится?

— Пока не могу сказать, — честно признался я. — Одно могу сказать точно — напиток уникальный. «Лагавуленн» и рядом не стоял.

— Ха! — фыркнул Эразм. — «Лагавуленн», «Лафройг» — это для изнеженных современных людишек... А вы откровенны, Антуан. Это мне нравится.

— Какой смысл врать пророку? — пожал я плечами.

— Ну... какой я пророк... — неожиданно засмутился Эразм, отхлебывая своего могучего напитка. — Так... предсказателишка... Да, я буду стараться говорить понятно для вас, но я нечасто общаюсь с людьми... и Иными. Если покажусь излишне старомодным — сразу скажите.

— Хорошо. — Я взял полиэтиленовый пакет и протянул Эразму: — Это просил передать вам глава Ночного Дозора Москвы.

— Пресветлый Гесер? — заинтересовался Эразм. — И что внутри?

— Не знаю. — Я пожал плечами.

Эразм взял с каминной полки маленький ножик для бумаги и принялся открывать пакет с энтузиазмом пятилетнего ребенка, обнаружившего рождественским утром свой долгожданный подарок.

— Чем же я заслужил внимание великого воина Света... — бормотал Эразм. — И почему я удостоился подарка...

Мне было понятно, что отставной Темный Иной валяет дурака. Но для того, кто живет практически взаперти посреди огромного шумного города, это вполне простительная слабость.

Наконец пакет был вспорот и его содержимое оказалось на низком журнальном столике. Как я и предполагал, в пакете было куда больше, чем могло бы в нем поместиться естественным путем. Там оказалась литровая бутылка водки — причем водки старой, с дореволюционной орфографией этикетки. Еще там была трехлитровая стеклянная банка, наполненная зерновой черной икрой. Без сомнения, браконьерской — впрочем, Гесера это вряд ли смущало, а еще меньше могло смутить Эразма. Ну и, наконец, там стоял цветочный горшок, который я привык видеть на подоконнике в кабинете шефа. В горшке росло маленькое страшненькое корявое деревцо, которое любой мастер бонсаи выкорчевал бы из жалости. Я с некоторым смущением вспомнил, что как-то во время затянувшегося совещания, когда Гесер разрешил желающим курить в его кабинете, тушил в горшке с деревом, за неимением пепельницы, окурки. Да и не только я.

Эразм не глядя поставил на пол водку и икру. На центр столика водрузил горшок с деревцом. Сел на пол и уставился на ботаническое недоразумение.

Дерево было высотой сантиметров пятнадцать. Корявое, как древняя олива, почти лысое — только из одной ветки оптимистично торчали два листочка.

Эразм сидел и смотрел на деревцо.

Я терпеливо ждал.

— Потрясающе, — сказал Эразм. Потянулся за стаканом и глотнул виски. Чуть-чуть повернул горшок и посмотрел на него под другим углом. Потом прищурился — и я почувствовал, что старый Иной смотрит на деревцо сквозь Сумрак.

— Вы не в курсе, какова суть этого подарка? — спросил Эразм, не глядя на меня.

— Нет, сэр, — вздохнул я. И внезапно подумал, что Эразм наверняка является сэром — в изначальном смысле этого слова.

Дарвин встал и прошелся вокруг горшка. Потом пробормотал:

— Да будь я проклят... Прошу вас, Антуан, отойдите на шаг или прикройтесь... я немного поработаю с Силами...

Я счел за благо и отойти, и поставить «щит мага», прихватив с собой на всякий случай и стакан с виски. Это оказалось правильным решением — к столу я вернулся только через четверть часа. Все это время Эразм бился с бонсаем. Он погружал в растеньице поисковые заклинания, он смотрел на него сквозь Сумрак и сам уходил в Сумрак до третьего слоя, он растер в пальцах и съел щепотку земли из горшка, он долго нюхал листочки — и вроде бы даже обрадовался, просветлел лицом, но потом досадливо махнул рукой и налил себе еще одну порцию виски. Последнюю минуту он стоял, покачивая в ладони огненный шарик, словно борясь с искушением испепелить и горшок, и бонсай, и стол в придачу.

Но сдержался.

— Сдаюсь, — буркнул Эразм. — Ваш Гесер и впрямь велик... я не могу раскусить смысл его послания. Вас точно не просили передать что-либо на словах?

— Увы.

Эразм снял пиджак, бросил его на свободное кресло. Сам уселся в другое, потер лицо руками, вздохнул, буркнул:

— Старею... Что ж, вы хотели поговорить о тиграх, Антуан?

— Да. А вы ждали моего прихода, Эразм?

— Это все взаимосвязано... — Эразм никак не мог оторвать взгляда от бонсаю. Потом попросил: — Антуан, переставьте растение на каминную полку. Позже я займусь им, сделаю все, что в моих силах. Уверен, что разгадать загадку Гесера сумею... Но пока... не могу смотреть спокойно, раздражает... Скажите, откуда вы знаете о Тигре?

— История вашего детства — не тайна, уважаемый Эразм, — сказал я.

— Но она не столь уж широкоизвестна...

— Она описана в книжке, которую читала моя дочь.

— О! — заинтересовался Эразм. — Вы не догадались ее привезти?

— Блин... — Я смутился. — Понимаете... как-то не пришло в голову... Я могу выслать!

— Если не сложно, — кивнул Эразм. — Простите стариковское честолюбие, но я с удовольствием собираю все упоминания о человеческом периоде своего существования... Но как вы узнали мой адрес? Мне казалось, что Ночной Дозор Лондона не имеет этой информации.

— Это не Дозор, — признался я. — Адрес получен из частных источников...

Эразм ждал.

— В нашем Дозоре работает госпожа Анна Тихоновна...

— Анна! — вскинулся Эразм. — Дурак... я должен был догадаться... — Он искоса посмотрел на меня. — Что, она до сих пор веселится, вспоминая, как поймала меня?

— Гордость и предубеждения... — задумчиво сказал я.

— Что?

— Она вовсе не веселится. Она до сих пор переживает, что ваши отношения так резко прервались. Ее, конечно, интересовала история с Тигром, она собирает всякие странности, которые игнорирует официальная наука, но ей нравилось общаться с вами.

Эразм пожал плечами. Потом буркнул:

— Мне тоже было интересно... она так аккуратно дала понять, что и сама — Иная, и знает, кто я такой... но при этом проявила глубокие познания в ботанике... такую интересную статью опубликовала в журнале... очень милая дама, удивительно, что из Моско... извините, конечно, Антон. Но мне раньше не нравились русские женщины.

— Ничего-ничего, мне вот английские не очень... — мстительно ответил я.

— Надо нам было все-таки встретиться, — продолжил Эразм. — Посмотрели бы глаза в глаза, лучше бы друг друга поняли.

— Интернет — он не дает полноценного общения, — сказал я глубокомысленно.

— Какой Интернет, Антуан? — засмеялся Эразм. — Это было более тридцати лет назад! У вас тогда еще СССР существовал! Бумажные письма... только с маленьким заклинанием, чтобы цензура не просматривала и шли быстрее...

Да... это я и впрямь сглупил. Порой забываешь, что все эти мобильные телефоны и компьютеры появились совсем недавно!

— Так опубликовать в журнале — это именно в журнале? — понял я. — В научном, бумажном? А я-то думал — в «живом журнале»...

Эразм расхохотался до слез. Потом сказал:

— Вот так-то, Антуан. И вы начинаете чувствовать себя динозавром! Скоро начнете украшать свой дом советскими плакатами и красными знаменами! Ничего-ничего, к бегу времен тоже можно привыкнуть... Что ж, давайте я расскажу вам про Тигра. Про моего Тигра. А потом вы объясните, что стряслось у вас.

Глава третья

Семнадцатый век — время не слишком-то приспособленное для счастливого детства. Впрочем, для бурной зрелости и спокойной старости оно тоже не слишком-то годилось. Умереть было не просто, а очень просто. Жизнь была всего лишь прелюдией к смерти и посмертному существованию, в котором мало кто сомневался.

Иногда эта прелюдия была долгой, но куда чаще — короткой.

Как для людей, так и для Иных.

— Ты слушаешь меня или спишь, мальчик?

Эразму Дарвину было четырнадцать лет и в двадцатом веке он бы обиделся на обращение «мальчик». Но в семнадцатом веке это было нормально. Собственно говоря, человек из двадцатого или двадцать первого века принял бы Эразма за ребенка десяти-одиннадцати лет. Возможно, его бы смутило, что и штаны, и камзол Эразма ничуть не отличаются от одежды его взрослого спутника, но это тоже была часть времени. Дети не являлись чем-то особенным, требующим иного отношения, питания или одежды. Просто маленькие человеческие существа, которым, возможно, посчастливится стать полноценными взрослыми. Даже на картинах лучших живописцев того времени тела и лица детей были неотличимы от тел и лиц взрослых — если взгляд художника и ловил отличие в пропорциях, то сознание успешно отвергало разницу. Мальчик — это просто недомужчина. Девочка — просто недоженщина... впрочем, девочки меняли свой статус на женский очень быстро, и это никого не смущало. Человеческое тесто, куда упали первые дрожжи цивилизации, бурлило и расползалось. Человечеству надо было расти. А для этого — больше рожать, потому что не в человеческой власти было меньше умирать.

— Я не сплю! — возмутился Эразм.

— Тогда где витает твой дух? — Спутник Эразма гневно посмотрел на мальчика. Он выглядел лет на тридцать — немалый возраст. Немалый — будь он человеком. Но он был Иным, и сколько ему лет на самом деле — знал лишь он сам.

— Я думал... об этом... — Эразм смущенно развел руками.

— Об этом? — спутник Эразма с отвращением посмотрел на цветущий луг. — Скажи, мальчик, ты — пчела, собирающая нектар?

— Нет...

— Тогда, быть может, ты — ведьма, варящая зелья?

Эразм слегка вздрогнул. Ведьм он боялся, хотя по всему выходило, что теперь ему их бояться не надо.

— Нет, учитель...

— Или ты крестьянин, что будет выпасать здесь коров?

Эразм молчал.

— Ты — Иной, — твердо сказал его спутник. — Ты обладаешь великой силой прорицания и пророчества. Тебе свыше отпущена иная судьба, и все мирское не должно тебе тревожить!

— А оно точно свыше? — буркнул себе под нос Эразм. Его спутник услышал, но против обыкновения не разозлился. Пожал плечами, сел на землю, подминая травы и цветы. Потом лег, глядя в небо. И ответил:

— Я видел Иных, которые кричат, что сила их — от Бога. Они блюдут посты, следуют заповедям и часто ходят в церковь. Не знаю, что уж они говорят на исповеди... быть может, у них есть свои священники... Я видел Иных, которые верят, что Люцифер, светоносный князь Тьмы, подарил им могущество. Они жгут ночами черные свечи из жира покойников — знал бы ты, как они копят и воняют! — целуют отрезанную козлиную башку и творят такие непотребства, про которые мне противно говорить. Но одно я тебе скажу точно — я не видел ни Бога, ни слуг его и не встречал ни Сатаны, ни его прислужников. Может быть, им просто нет до нас дела. Может быть, наша Сила — просто Сила, как умение птицы парить в небе или рыбы — дышать водой.

— Я не хочу жечь черные свечи и творить непотребства, — на всякий случай сказал Эразм.

— Не жги и не твори, — равнодушно ответил его спутник.

— Но мне скучно в церкви, учитель, — признался Эразм. — И... и я однажды украл пенни... и еще вечерами, когда Бетти приносит мне грелку в постель, я прошу ее прилечь рядом...

— Служанки созданы для того, чтобы радовать господина, — великодушно ответил его спутник. — А ты — больше чем ее господин. Ты — Иной. Поступай с Бетти в свое удовольствие.

Мальчик молчал. Мужчина скосил глаза и посмотрел на него. Эразм медленно водил рукой над примятыми стеблями травы — и те поднимались, тянулись к его пальцам.

— У тебя есть сродство к царству растений, — неохотно признал мужчина. — Это более подобает ведьме, чем магу, но Сила всегда находит неожиданные выходы... Но не забывай, что ты пророк. Кто победит в сражении на холме?

— Король, — мгновенно ответил Эразм. Недоуменно заморгал, поднял голову: — На каком холме?

— Не важно. Ты предсказываешь будущее, пусть пока и неумело. А скажи-ка... кто через три-четыре сотни лет будет править на Капитолийском холме?

— Негр воссядет на трон и славить его будут как миротворца, но пошлет он железных птиц через океан, чтобы завладеть сокровищами ливийскими и персидскими, и случится от того великая война и потрясения в мире... — медленно, будто сонно, произнес мальчик.

— Хм... — Спутник Эразма почесал кончик носа. — Нет, ты все-таки еще далек от главного пророчества. Слишком много ошибок. Итальянцы вечно воюют с арабами, но как может чернокожий править в Риме? Персия — ладно... но в Ливии нет никаких сокровищ, одна лишь пустыня, рождающая только бесполезное черное масло. И даже если через триста лет в мире будут железные птицы — то какой еще океан? Италию от Ливии отделяет лишь море. Нет, многовато ошибок... ты пока не готов. Еще есть время.

— Время на что?

— Подготовиться к приходу Палача.

...Я плеснул себе еще на палец виски. Спросил:

— Эразм, так вы называли его Палачом?

— Да. Тигром его назвал Блейк... поэт, сами понимаете... — Эразм задумчиво смотрел в закопченное жерло камина, где светились багровым угли. — Тогда мой учитель называл его Палач... или Безмолвный Палач... или Палач Пророков... Пожалуй, последнее самое верное. Он приходит только к пророкам. Тем, кто готовится сделать основное пророчество.

— Зачем? Что такого важного в основном пророчестве?

— Оно глобально, вот и все, — усмехнулся Эразм. — Предсказать войну в Ливии или полет на Луну — это частности. При всей значительности данных событий. Первое пророчество должно касаться всего человечества.

Несколько мгновений я размышлял, что именно в словах Эразма меня задело больше всего. Потом понял.

— Человечества?

— Да, конечно. Первое пророчество слишком глобально, чтобы касаться нас, Иных. Пророчество всегда говорит о людях. О человечестве.

— Что может быть событием, затрагивающим все человечество? — вслух размышлял я. — Мировая война?

— К примеру, — кивнул Эразм. — Конечно, даже Первая и Вторая мировая не затронули весь мир напрямую. Но в целом их влияние было глобальным.

— Мировые войны были предсказаны? — спросил я.

— Конечно. Только не предсказаны, а пророчены. Первая и Вторая мировая. Социалистическая революция в России...

— Коммунисты могут гордиться, — невольно сказал я. — «Событие всемирно-исторического значения», так в СССР называлась революция.

Эразм усмехнулся.

— А что еще пророчили пророки?

— Исходя из моей, неофициальной информации, — вежливо сказал Эразм, — еще чести быть первым пророчеством удостоилось создание ядерного оружия, открытие пенициллина, появление рок-музыки...

Я недоверчиво посмотрел на Эразма, но тот убежденно кивнул.

— Да-да, появление рок-музыки. А также публикация стихотворения Эдгара По «Колокольчики», мода на мини-юбки, выход в свет фильма «Эммануэль», рождение Алистера Максвелла...

— Кто такой Алистер Максвелл? — не понял я.

— Умер в шестидесятых годах прошлого века в Австралии, — сказал Эразм. — Во младенчестве. Прожил меньше месяца.

— И что?

— Не знаю. А фильм «Эммануэль» сильно повлиял на людей?

— Если рассматривать его как символ сексуальной революции и классику эротического кино — то да, — твердо сказал я.

— Допустим. Вероятно, Алистер тоже повлиял.

— Как?

Эразм развел руками:

— Иногда пророчество не бывает понято сразу. Видимо, рождение Максвелла еще окажет влияние на все человечество.

— Через полвека после его смерти во младенчестве?

— Есть многое на свете, друг Горацио... Было еще два-три странных пророчества, но там не удалось доказать, что это именно пророчества, а не предсказания. Ну а чего-то мы, ясное дело, не услышали. Из-за Тигра, или из-за иных причин.

— В том числе и ваше пророчество, — сказал я.

Эразм смутился.

— В том числе и мое... Но знаете, я очень хотел жить.

— Трудно вас в этом упрекнуть, — согласился я.

Учитель разбудил Эразма под утро. Он вообще не признавал различий между днем и ночью, ну а люди, разумеется, ему помешать не могли.

— Вставай! — зажимая ему рот ладонью, сказал учитель. — Молчи и не шуми!

Эразм сполз с кровати. Учитель уже кидал ему одежду — чулки, штаны, рубаху, камзол...

— Он близко, — сказал учитель. Лицо его было бледным, губы чуть заметно дрожали. — Мне удалось уйти... он отвлекся на деревню...

— На деревню? — не понял Эразм, торопливо одеваясь.

— Да... я заставил людей пойти на него... это ничего не даст, кроме времени, Палач всегда основателен, он вначале закончит с людьми...

В постели Эразма сонно шевельнулся кто-то, спящий в глубине пуховых одеял. Учитель глянул на пунцовое лицо Эразма и сказал:

— Не надо будить Бетти! Она даст нам еще пару минут...

Эразм колебался лишь мгновение. Потом кивнул — и вслед за учителем выбрался в окно.

Сад дышал предрассветной тишиной и прохладой. Эразм пробирался вслед за учителем, который тихо бормотал на ходу:

— Как же я мог... такая ошибка... ты был готов к пророчеству уже давно... я пропустил предвестники...

— Если я скажу пророчество, то Палач уйдет? — спросил Эразм.

— Да. Но только если пророчество никто не услышит. Или если его услышат люди.

— А если услышишь ты...

— Пророчество — оно для людей! — рявкнул учитель. — Оно сбудется, если его услышат люди! Оно не сбудется, если его никто не услышит. Ты и сам не вспомнишь, что говорил, тебя он уже не тронет, а вот меня — меня убьет! Чтобы я не рассказал людям!

— Тогда... — Эразм схватил учителя за фалды камзола. — Тогда уходите! Я же помню, как вы учили, я все сделаю — и скажу пророчество!

— Ты не сможешь, — ответил учитель. — Ты не готов. Тебе нужен слушатель. Ты слишком неопытен, чтобы пророчить в пустоту... я не успел тебя подготовить...

Он вдруг застонал, обхватив голову руками.

— Что случилось? — воскликнул Эразм.

— Я дурак, мальчик... Надо было мне оборонять дом... а ты сказал бы пророчество своей глупой девке... Палач бы ушел.

— И пророчество бы сбылось?

— Да. Это плохо, все пророчества плохи... но ты бы остался жить.

Учитель вдруг горько рассмеялся.

— Оказывается, я к тебе привязался, мальчик...

— А Бетти... он ее убьет?

— Палач не убивает людей. Он выпьет ее душу, — ответил учитель. — Она станет равнодушной ко всему, будто соломенная кукла...

— Да она и так не слишком горячая... — пробормотал мальчик.

Они отбежали от усадьбы почти на милю, когда до них донесся женский крик — пронзительный, но тут же оборвавшийся.

— Мы не знали, что пророчество должен услышать человек, а не Иной, — сказал я. — Гесер пытался уговорить Кешу пророчествовать при нем...

— Кешу? — недоуменно спросил Эразм.

— Да, это мальчик-пророк... его обнаружили в Москве, совсем недавно. Собственно говоря, потому мы и решили вас потревожить...

Эразм покачал головой:

— Ваш Великий сильно рискует. Если пророчество услышит только он, то Тигр переключится с мальчика на него... точнее, добавит Гесера в свое меню. А Тигр сильнее любого из нас. Какова ситуация сейчас? Тигр идет по следу?

— Нет, мы уже справились.

— И каково было пророчество?

— Мы не знаем. Его никто не слышал. Мальчик находился один в комнате, в нашем офисе. Мы смогли задержать Тигра, и мальчик сказал пророчество.

— Находясь в комнате в полном одиночестве? — Эразм недоверчиво покачал головой. — Странно. Очень странно. На самом деле крайне редко удается подготовить пророка настолько, чтобы он смог пророчествовать в пустоту. Это сложно, обычно Тигр успевает раньше, или же пророчество уходит к людям...

— Но вы же смогли! — напомнил я.

— Я — другое дело. Для меня никогда не было особой разницы между человеком, собакой и, к примеру, дубом. — Эразм улыбнулся.

Палач настиг их на опушке леса. Он, казалось, шел неспешным шагом, но расстояние между темным силуэтом и бегущими со всех ног Иными сокращалось с каждой секундой.

— Беги, мальчик! — сказал учитель. Он остановился в пыли проселочной дороги, тянущейся вдоль леса. — Беги... постарайся найти

кого-нибудь и сказать то, что должен... Беги!

В его голосе не было надежды. Он просто делал то, что считал нужным делать. Не из-за высоких моральных устоев — он был Темным. Может быть, ему неприятно было бы жить в том мире, в котором он пропустит Палача к своему ученику. Может быть, он просто не привык проигрывать.

Иногда мотивы поведения Темных очень сложно понять.

— Эй, сумеречная тварь! — крикнул мужчина. — Я Высший маг Тьмы! Ты не пройдешь мимо меня! Отступись!

Палач даже не замедлил шага. Эразм увидел, как из рук его Учителя выросли и легли на землю шелестящие плети синего огня. Плетки подрагивали, будто готовясь самостоятельно ринуться на врага.

Палач не замедлил шага.

Эразм понял, что его учитель ничего не сможет сделать. Что он будет биться — минуту, две, три, что плети темного огня будут рвать землю и воздух, бессильно колотить тело Палача — а потом наступит тот миг, когда Палач сомнет учителя, раздавит, отбросит в сторону — и пойдет дальше. За пророком.

Он это не просто понимал. Он это видел, почти как наяву.

Эразм уже знал, что это такое. Это не просто предвидение, которое может не сбыться. Это предвестник пророчества... он видит судьбу Иного и, значит, так оно и будет... наверняка... почти наверняка... если он не скажет пророчество, настоящее Первое Пророчество, которое изменит мир и изменит судьбу...

Он сглотнул вставший в горле комок. Оглянулся. Старый дуплистый дуб рос в трех шагах от него. Эразм кинулся к дереву, привстал на цыпочки, подтянулся — дупло было чуть высоко для него. Всунул голову в темное, пахнущее прелыми листьями и гнилью отверстие. Внутри что-то зашуршало — лесная мышь, устроившаяся в дупле на ночлег, в панике юркнула в щели дуба.

Эразму на это было наплевать. Собственно говоря, он не считал, что люди, животные и растения заметно отличаются друг от друга.

Он закрыл глаза. Он заткнул бы и уши, но ему приходилось цепляться за край дупла. Поэтому он просто попытался ничего не слышать — ни голос учителя, ни свист огненных плетей, ни угрожающий, похожий на тигриный рык (Эразм никогда не видел тигров, но полагал, что они рычат именно так) звук, который издал Палач.

Уйти от всего.

От прошлого.

От настоящего.

От будущего.

Прошлое не важно. Настоящее несущественно. Будущее не определено.

Он не какой-нибудь там предсказатель, он пророк. Он — голос судьбы. Он скажет то, что будет правдой.

Нужно только, чтобы его кто-то услышал. Обязательно нужно.

Но чем плох этот старый дуб?

Мальчик представил свою тень, лежащую на дне дупла. И опустил голову ей навстречу.

...Эразм открыл глаза. Учитель сидел рядом, баюкая на весу левую руку. Рука казалась помятой, будто пожеванной.

— Палач... — прошептал Эразм.

— Тебе удалось, мальчик, — с недоумением в голосе ответил учитель. — Не представляю как, но ты сказал свое пророчество в пустоту. И Палач ушел. За мгновение перед тем, как убить меня.

— Я сказал не в пустоту, — ответил Эразм. — Я... я сказал дубу.

На лице учителя появилась легкая улыбка.

— Ах вот как... Что ж, наверное, твоя любовь к деревьям — она не зря. Наверное, это часть твоего дара. Предвидение того, что, только возлюбив дубы и осины, ты сможешь спастись.

Он захохотал и смеялся долго, до слез, прежде чем подняться и отряхнуть с одежды пыль и грязь. На ней еще оставались темные пятна, но это учителя не смущало.

— Тогда нам пришла пора проститься, юный Эразм. Ты знаешь свои способности, ты сумеешь за себя постоять. Если ты захочешь власти и силы — ты получишь ее. Сам или в Дневном Дозоре.

— В Дублине?

— В Дублине, Эдинбурге, Лондоне. В любом городе мира, который есть или будет.

Он даже похлопал Эразма по плечу, прежде чем повернуться и пойти вдаль по дороге. Наверное, ему действительно понравился этот ученик. Но он, конечно же, не обернулся.

Эразм посидел немного в пыли, размышляя. Страшный враг исчез. Светало.

Жизнь обещала много интересного, а Эразм всегда был жизнелюбив.

Он решил пойти обратно в усадьбу и посмотреть, что стало с Бетти. Быть может, не так уж и плохо, если она стала равнодушной ко всему. Быть может, теперь она позволит ему некоторые вещи, от которых с хихиканьем

отказывалась раньше...

Я некоторое время молчал. Потом сказал:

— В книжке написано, что это был вяз.

— Дуб, — немедленно отозвался Эразм. — Вязы я не очень-то и люблю. Дубы куда глубже и содержательнее.

— А как звали вашего учителя?

— Я полагал, что вы знаете, — обронил Эразм.

— Уже догадываюсь, но...

— Его звали Завулон. Мы больше никогда не встречались, но как я знаю, он уже много лет как глава Дневного Дозора Москвы. Вы ведь знакомы, верно?

— Зараза, он же мог все нам сразу рассказать! — в сердцах воскликнул я. — Он уже имел дело с Тигром!

— Завулон никогда не рассказывает всего, — ответил Эразм.

— А вы, Эразм?

— И я тоже, — ухмыльнулся Эразм. — Я не играю в дозорные игры, благодарю покорно! Но все рассказывают только идиоты. Информация — это и оружие, и товар.

— Если товар... то мне кажется, что вы нам кое-что должны, — наудачу бросил я и посмотрел на нелепый бонсай, стоящий над камином.

Эразм нахмурился и тоже уставился на подарок Гесера.

— Должен, — признал он неохотно. — Вот только не понимаю, сколько именно... Ладно, спрашивайте. Я отвечу еще на несколько вопросов. Допустим... на три. А потом будет мой черед спрашивать.

Ох уж мне эти старые маги с их формальностями! Три вопроса, три ответа...

— Вы говорили, что ждете меня, — сказал я. — Что ждете давно, считали меня французом...

— Может, и к лучшему, что вы русский, — сказал Эразм. — Я вас не очень люблю, уж извини, еще со времен Севастопольской кампании. Но французам не люблю еще больше.

— Еще со времен Столетней войны... — пробормотал я.

— Почти что так. Но вы, русские, в прошлом. Вы мертвый враг, а мертвого врага можно и уважать, и жалеть.

Я как-то даже не ожидал от себя такой реакции. Стакан треснул в моей руке, осколки стекла и остатки виски забрызгали пол, а во взгляде, видимо, появилось что-то очень неприятное. Эразм мгновенно поднял руки в успокаивающем жесте:

— Стоп-стоп-стоп... Это всего лишь мое мнение, мнение старого отошедшего от дел предсказателя. Я... не учел, что вы совсем еще молоды, Антуан. И был излишне резок.

— Не то слово, — сказал я вполголоса.

— Никто из Великих не связывает себя с тем народом, из которого он вышел, — примиряюще сказал Эразм. — Но вы молоды, я забыл об этом. Приношу свои извинения, Ан... Антон.

— Принимаю... — мрачно ответил я.

— Я действительно ждал вас, — сказал Эразм. — Дело в том, что одно из моих пророчеств касалось меня самого. Там не было ничего особенного... несколько слов. «И на исходе придет ко мне Антуан, который узнает смысл первого и услышит последнее».

Я нахмурился:

— Это о чем?

— Это обо мне, — пояснил Эразм. — Ваш визит, возможно, означает, что я скоро умру. А вы узнаете смысл моего первого пророчества и станете свидетелем последнего.

— Что говорится в вашем первом пророчестве? — спросил я.

— Это второй вопрос? — уточнил Эразм.

— Да!

— Я не знаю, — улыбнулся старый пророк. — Я же рассказал вам, Антуан, — я прокричал пророчество в дупло старого дуба.

Мне пришлось подумать с полминуты, прежде чем я задал третий вопрос. Спорить по поводу бездарно профуканного второго было бесполезно.

— Каким образом, расскажите четко и внятно, я могу услышать ваше первое пророчество?

Прежде чем ответить, Эразм налил себе еще виски. Потом спросил:

— Уверены ли вы, что хотите этого? Прошло двести пятьдесят лет, но вдруг это пророчество еще не исполнилось? Тогда, стоит вам его услышать, вы запустите таинственный механизм пророчества. Во-первых, оно сможет исполниться, если вы перескажете его человеку. Во-вторых, до тех пор, пока вы будете единолично знать пророчество, за вами будет охотиться Тигр.

— Я хочу этого, — ответил я. И подумал о лежащей в кармане куртки игрушечной телефонной трубке с записанным на нее (возможно) пророчеством мальчика Кеши.

— Может быть, вы и правы, молодой человек, — сказал Эразм. — Знание — это великое искушение, перед которым трудно устоять...

Он поднялся, подошел к буфету. Открыл. Достал из дальнего угла что-то темное, пыльное... подержал секунду в руках, разглядывая — и вернулся ко мне.

— Держите, Антуан.

Я взял небольшую темную чашу... или, скорее, кубок — у нее был широкий верх, но присутствовала и небольшая ножка, покрытая незатейливой резьбой. Чаша оказалась на удивление легкой.

— Дерево, — понял я.

— Дуб, — уточнил Эразм.

— Это...

— Да уж не Грааль, конечно, — усмехнулся Эразм. — Я сам вырезал его из того дуба.

Я вопросительно посмотрел на старого пророка.

— Не знаю, — сказал Эразм. — Как именно услышать предсказание — не знаю. Но растения тоже имеют память. И где-то там оно есть... мое первое пророчество.

Подумав, я приложил кубок к уху. Вслушался в легкий шум собственной крови. Увы, никаких голосов...

— Может быть, налить в него вина и выпить? — спросил я.

— Тогда уж виски, — хихикнул Эразм. — Если выпить достаточно, то услышите все на свете.

Вид у него был довольный, словно от только что отмочил хорошую шутку.

— Мне кажется, вы лукавите, — сказал я. — Вы либо знаете... либо хотя бы предполагаете, как именно получить отсюда информацию.

— Быть может, — не стал спорить Эразм. — Но ведь и Гесер не разъяснил свой подарок, верно? А мне не очень-то хочется, чтобы вы действительно слышали пророчество.

— Трудно вас в этом упрекнуть... — согласился я. — Хотя вы относитесь к предсказанию о собственной смерти как-то... спокойно.

— К пророчеству, — поправил Эразм и, повернувшись ко мне спиной, протянул руки к камину. — Но вы же знаете, насколько пророчества туманны. «На исходе» — чьем? Моем? Или всего человечества? Или имеется в виду просто время суток? На исходе дня?

— Время суток — вряд ли, — сказал я. — Сейчас утро.

— Надо было попросить вас зайти вечером! — Эразм всплеснул руками. — Хотя... есть же еще один вариант! «На исходе придет ко мне Антуан...»

Я молчал.

— Возможно, речь шла о вас? — любезно предположил пророк, искоса поглядывая на меня. — И вы пришли ко мне на своем исходе... и ведь если за вами начнет охоту Тигр...

— Вот за это вас, Темных, и не любят, — сказал я, вставая. — Спасибо за чашку.

— Не обижайтесь, Антон. — То ли Эразм смутился, то ли сделал вид, что смущается. — Я всего лишь хочу предостеречь вас и показать все возможные толкования пророчества...

— Вы давно последний раз общались с Завулоном? — резко спросил я.

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос... — со вздохом произнес Эразм.

— Считайте, что вы уже ответили, — сказал я. — Передавайте привет своему учителю.

Поскольку мы были в Лондоне, то я счел себя вправе уйти по-английски — и прощаться не стал.

Глава четвертая

Этим же вечером я сидел в пабе «Лебедь» недалеко от своей гостиницы и пил пиво.

Английское пиво мне нравилось, хоть я и совершенно не разбирался в его многочисленных сортах. То, которое я пил сейчас, было легким и пахло медом (быть может, даже йоркширским) — меня это вполне устраивало.

Сам паб тоже выглядел достойно, хоть и был насквозь туристическим (а каким еще может быть паб на людной улице, рядом со знаменитым Гайд-парком и десятком гостиниц?). Надпись на стене гордо сообщала, что паб ведет свою историю с начала семнадцатого века и когда-то именно в нем пили свою последнюю кружку пива следующие на эшафот преступники.

Умение англичан гордиться тем, что другие народы предпочли бы замолчать, — удивительная черта...

Я пил пиво в кругу галдящих туристов и снующих девушек-официанток, смотрел на парк и размышлял, что мне теперь делать.

Загадочный подарок от Гесера я Эразму передал. Информацию, во всяком случае всю, которую тот готов был сообщить, получил. Да еще и дубовый кубок, который якобы хранит в себе пророчество Эразма.

Выйдя от старого Иного я доехал до того самого «Фортана и Мэйсона», о котором говорил Семен, и купил ему вожделенный мед. Поддавшись стадному чувству, взял и себе. Потом отправился в магазин игрушек «Хэмли» (если верить вывеске — самый старый магазин для детей в мире) и, протолкавшись через пять этажей галдящих детей и их родителей, выбрал подарок для дочки. Вначале я честно пытался подсмотреть, что покупают девочки ее возраста, потом понял, что все эти бусики, наклейки и стразики ее не порадуют. Тогда я отправился в подвальный этаж и там обнаружил что-то вроде сборного лабиринта, по которому должны были бегать два крошечных электронных жучка. Игрушка была такой потрясающе нелепой, что я купил ее не раздумывая, а у кассы прихватил еще плюшевого медвежонка.

Весь ужас ситуации был в том, что вся программа пребывания в Лондоне была мной доблестно выполнена за один день! Виски и прочие алкогольные сувениры проще купить в аэропорту. Весь завтрашний день и половину следующего я мог посвятить туристическим развлечениям — музеям, паркам, пабам, мостам... ну и, конечно, магазинам.

Но мне этого почему-то не хотелось. Ни мрачной суровости Тауэра, ни

великолепия королевских садов, ни блеска лондонских магазинов. На Пиккадилли я уже побывал, «отметился», на Темзу поглазел и кинул в мутную воду двухпенсовую монетку. Я хотел домой!

Наверное, я сумасшедший.

Я допил кружку и на миг задумался. Идти в гостиницу не хотелось, там все развлечения сводились к крошечному бару и телевизору в номере. В общем-то ничто не мешало выпить еще кружку пива... Я начал привставать с традиционной для уважающего себя паба деревянной лавки.

— Я уже взяла, — передо мной на столе оказалась полная кружка пива.

Вначале я снова опустился на лавку. А уже потом посмотрел в лицо женщины, которая проявила обо мне такую неожиданную заботу.

Впрочем, особой нужды в этом не было. Арина я узнал по голосу.

В руках бывшей ведьмы, а ныне — Светлой Иной, тоже была полная кружка пива. Старушка предпочитала «Гиннес».

Впрочем, старушка предпочитала еще и выглядеть женщиной «до тридцати», фигуристой, красивой и одетой от-кутю. Элегантная серая юбка и пиджачок, туфельки на высоком каблуке, розовая блузка — настолько простая на вид, что явно стоила чудовищных денег, сумочка «Луи Вуттон» и шелковый шарф на шее. Выглядела она при этом не балованной богатой стервой, за которую платит муж, а, скорее, серьезной бизнесвумен, топ-менеджером какой-нибудь крупной корпорации или банка.

— Рада тебя видеть, — сказала Арина улыбаясь. — Ты... заматерел, Антон.

Что я всегда в ней ценил — так это точность и аккуратность формулировок. Не «постарел» — какая уж тут старость. Не «повзрослел» — с высот ее годов я и впрямь сущий ребенок, но сказать так для Арины — все равно что признаться в собственном возрасте. Не «изменился» — опытные Иные знают, что по-настоящему мало кто способен меняться.

Хотя вот Арина — смогла.

— А ты в курсе, что тебя разыскивает Инквизиция? — спросил я. — И всем сотрудникам Ночного и Дневного Дозоров в любой стране мира, независимо от уровня силы и занятости, необходимо при твоём появлении вызвать Инквизицию и принять меры к задержанию?

— В курсе, — согласилась Арина. Подумала секунду и провоцировать не стала. — Надеюсь, обойдемся без этого?

— Обойдемся, — согласился я.

Минуту мы пили пиво и смотрели друг на друга. Странная она была

Иная. Когда-то Темная, частенько совершавшая добрые дела. Потом ухитрилась сменить масть и стать Светлой — но натворила при этом бед похлеще, чем некоторые оборотни или вампиры. У меня даже закрадывалось подозрение, что по большому счету Арине все равно, кем называться и как выглядеть — и она способна в любую минуту хоть на гнусность, хоть на благородство. И вовсе не факт, что, совершая зло, она не будет выглядеть стопроцентно Светлой, а делая добрый проступок — Темной с головы до пят.

Я даже подозревал, что вопреки всеобщему мнению Арина способна снова и снова изменить свой цвет.

Для нее в этом не то чтобы не было разницы — разницу-то она видела. Просто путь от Тьмы к Свету и обратно она считала торной дорогой, а не узкой, осыпающейся за спиной горной тропинкой.

— Как ни странно, я рад, что ты тогда удрала, — сказал я. — Несмотря на все, что ты натворила.

— Я должна была помочь ушедшим обрести покой. — Арина пожала плечами. — И я считаю, что итог того стоил. Да и Саушкин-старший закончил свои... деяния. И Эдгар упокоился. Мир стал лучше. Тебе нервы потрепали немного, признаю, но ведь все кончилось хорошо... Мир?

— Мир, — сказал я, помедлив. — Дело прошлое. В отчете я сообщу, что встретил тебя, но пороть горячку не стану.

— Спасибо, — сказала Арина. — Это очень правильное решение! К тому же... я ведь не случайно тебя разыскала.

Я промолчал. Не стал интересоваться, как она меня нашла и зачем. «Как» — все равно не ответит, у ведьмы свои хитрости. А «зачем»... это расскажет и сама.

— Ты уже встречался с Эразмом? — спросила Арина.

Я улыбнулся и ничего не ответил. Неплохие источники информации у Арины, но не всеведущие.

— Полагаю, встречался, — продолжала Арина. — Поделишься новостями?

— Зачем? — спросил я.

Арина вздохнула.

— Вот это правильный вопрос. Антон, как ты намерен справиться с Тигром?

— Никак. Он ведь ушел.

— А когда он вернется за тобой?

— С чего бы вдруг?

— Ты старался никогда не совершать необратимые поступки, Антон. Я

не верю, что пророчество мальчика кануло в никуда.

Я развел руками:

— Арина, если бы я слышал пророчество — Тигр пошел бы за мной. Так? Это первое. Второе — меня физически не было с ним рядом. Мальчишку тормозила Надя. Потом и она ушла. Неужели ты думаешь, что я оставил бы дочь без присмотра, будь у меня хоть малейшее подозрение, что она слышала пророчество... и, значит, находится в опасности?

На лице Арины мелькнула тень сомнения.

— Да, все так... все верно. Я это понимаю. Но что-то не сходится! Ты не мог не попытаться сохранить информацию и приберечь ее для себя. Это не в твоей натуре!

Я засмеялся.

— Ну, Арина... это все замечательно, но как я мог это сделать?

— Магнитофон? — предположила Арина.

— Магнитофон — это такое древнее устройство для записывания и воспроизведения музыки... — задумчиво сказал я. — Да-да, вспоминаю... в детстве у меня был такой, туда вставлялась кассета с лавсановой лентой, измазанной окисью железа...

— Антон! Не цепляйся к словам! Магнитофон, патефон, диктофон — не важно что! Старое поколение недооценивает технику. Но мне хватает ума это понимать. Ты — молод, ты в прошлом работал с техникой. Ты мог что-то придумать. Сейчас любой телефон способен записывать звуки. Скажи честно, информация сохранилась?

— Мне кажется, тебе стоит первой проявить откровенность, — сказал я.

— Почему?

— Потому что козыри на руках у меня.

Арина кивнула. Посмотрела на пробежавшую мимо девушку-официантку, тащившую за какой-то столик еду. Девушка кивнула и, сгрузив тарелки, унеслась к стойке паба.

— Согласна, — сказала Арина. — Ладно, слушай.

— Ты уверена, что здесь стоит вести приватные разговоры? — спросил я. — Тут полно русских туристов.

— Официантка из Риги и тоже прекрасно знает русский, — ответила Арина. — Не беспокойся, нас никто не услышит.

Я не замечал ничего похожего на Сферу Отрицания или другое заклинание приватности, но Арине поверил. У ведьм, пусть даже бывших, своя магия.

— Тогда говори, — сказал я.

— Антон, главные пророчества должны исполняться. Непременно. Этого требует Сумрак... этого требует сама жизнь.

— Да ну? — удивился я. — А мне казалось, что Сумрак пытается помешать пророкам.

— Это ошибка. — Арина покачала головой. — Тебя не удивляет, что Тигр, при всем его всемогуществе, так нетороплив?

— Ну...

— Тигр — это шпоры, это плеть, подстегивающая пророка. Тигр торопит, вынуждает побыстрее произнести главное пророчество.

— Смелый вывод, — сказал я.

Официантка принесла нам свежее пиво. Выглядела она слегка растерянной — во-первых, пиво в пабах принято брать за стойкой, самим, а во-вторых, Арина не озаботилась расплатиться. Я молча протянул ей десятку.

— Я думаю, лучше начать с азов. Кто такой пророк? — спросила меня Арина. И сама же ответила: — Это не просто Иной, способный предвидеть линии вероятности и таким образом как бы «заглядывать в будущее». На таком уровне «предвидим будущее» мы все, в той или иной мере. Даже обычные люди при удачном стечении обстоятельств способны на подобные предвидения.

— Пророк — качественно иной, — сказал я. — Иной Иной, извини за каламбур.

— А вот и нет, — усмехнулась Арина. — Всего лишь количественно. Пророк просчитывает линии реальности всего мира, а не только свои или близких ему людей. Пророк сообщает, куда направится человечество, но не в виде трактата, а всего лишь одним фактом, на первый взгляд незначительным. Возьмем, допустим, одна тысяча девятьсот пятьдесят шестой год. Французский пророк Андре Ляфлер в возрасте шестидесяти двух лет излагает свое первое, главное пророчество... так уж случилось, его поздно инициировали... Пророчество совершенно безумное: «Скоро девушка Мэри укоротит юбки и мир украсят голые ножки».

Я фыркнул.

— Вот-вот, — сказала Арина. — Те, кто слышал пророчество, резонно заподозрили, что старина Андре впал в маразм и погрузился в сластолюбивые старческие грезы. Заметь — через год в космос поднялся первый спутник! А француз бормочет про какую-то Мэри, которая обрежет юбки... Но в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году Мэри Куант, кстати, лондонерка...

— Чего?

— Жительница Лондона. Так вот, она выставила коллекцию мини-юбок. И они потрясли мир. Результаты — сексуальная революция, эмансипация, заметный рост рождаемости в Старом Свете. Так что было важнее: спутник или мини-юбка?

— Спутник, — обиделся я, хотя и сам отстаивал перед Гесером важность мини-юбок.

Арина рассмеялась:

— Все было важно. Спутник тоже пророчили. Но космос и впрямь ожидаемое и значительное событие, а отрезанные двадцать сантиметров ткани не предвидел никто. И оценить их значение смогли только через многие годы. Вот так и работает пророк — предвидит великие потрясения и оповещает о них через малые события.

— Тогда, быть может, ты знаешь, чем знаменит умерший во младенчестве австралиец...

— Алистер Максвелл? Знаю. Смерть мальчика расстроила брак его родителей. В конце семидесятых годов у его матери родился второй ребенок, от другого мужчины. Мальчик живет ничем не примечательной жизнью... но в возрасте пятнадцати лет он вытащил из воды тонущую девочку. Ситуация не выглядела критической, он даже сам не понял, что реально спас чью-то жизнь. Но теперь эта девочка — одна из самых сильных волшебниц Австралийского Дневного Дозора. Ей прочат большую карьеру. Но если бы младенец не умер...

— Понятно, — сказал я. — Прямо по анекдоту.

— Какому? — заинтересовалась Арина.

— Ну, мужик один умер и спрашивает у Бога — в чем был смысл его жизни? А Бог отвечает — помнишь, в семьдесят втором году ты ехал в поезде и в вагоне-ресторане передал попутчику солонку? Так вот...

Арина засмеялась.

— Да-да. Именно так порой и бывает. Все странные пророчества, если ими досконально заняться, получают свое объяснение.

— И ты занималась.

— Да. Это важно.

— Хорошо, пророчества важны, — кивнул я. — С этим никто и не спорит. Но разве пророк создает будущее? Разве от того, услышат его или нет, зависит, каким станет мир? Я слышал разные версии.

— Если честно, то я не знаю, — неохотно призналась Арина. — Быть может, пророчество, выкрикнутое в дупло старого вяза, все равно сработало. А быть может, и нет...

— Дуба, — сказал я. — Эразм доверил свое пророчество дубу. Вязы он не очень любит.

— Ах, какой разборчивый друид... — рассмеялась Арина. — Дубы, значит, ему милее... Не знаю, Антон, работает пророчество без слушателей или нет. Это сродни вопросу, был ли слышен звук падения дерева, упавшего в глухом лесу. Скорее всего нет, на этом сходится большинство исследователей. Но вот что совершенно точно — пророчество можно изменить.

— Вот это номер, — насмешливо сказал я. — Все уверены, что пророчества — истина в последней инстанции, что они неизменны в отличие от предсказаний. И только ты знаешь правду.

— Только я, — совершенно спокойно ответила Арина. — Потому что я уже меняла пророчества.

— А вот отсюда поподробнее, — попросил я. Подумал секунду и встал. — И знаешь... пойдём-ка в другое место.

— Пригласишь к себе в гостиницу? — усмехнулась Арина.

— Не думаю, что это стоит делать. Сядем в парке.

— Его вот-вот закроют на ночь, — ответила Арина. — Впрочем... нам-то какая разница?

Пить пиво на детской площадке — это старинная советская традиция. А куда еще могла податься молодежь, желающая выпить... ну, допустим, пива? На рестораны денег нет, пабов и баров в СССР не существовало, в крошечных квартирках — мама, папа, бабушка, брат с сестрой и родственник из деревни, приехавший в город за колбасой... не разгуляешься. Вот и сидели на детских скамеечках и карусельках великовозрастные дети, еще недавно ковырявшиеся в песочницах, а теперь распивающие пиво в родных дворах...

СССР почил с миром, но квартиры не стали больше, а молодежь — обеспеченнее. Детские площадки, там где они сохранились, по-прежнему принимали в дневную смену малышей, а в вечернюю — старшеклассников и студентов. Те компании, что поглупее, шумели, мусорили, включали громкую музыку и задирались к прохожим, за что их гоняли бдительные старушки, которым нет большей радости, чем позвонить в милицию. Те, что поумнее, сидели тихо, алкоголь припрятывали, с прохожими вежливо здоровались, мусор за собой убрали. Я в такой компании тоже сживал.

Ну, во всяком случае, мне кажется, что наша компания была вежливой и никого не напрягала. У жильцов окрестных домов, вполне вероятно, могло быть совсем иное мнение.

Но вот чего я никогда не мог представить — ни будучи юным оболтусом, ни став Светлым Иным, так это того, что буду сидеть поздним вечером в Лондоне, в Кенсингтонском саду, на детской площадке имени принцессы Дианы и пить пиво с древней ведьмой!

— Мне повезло, что пророчество оказалось достаточно внятным, — сказала Арина. — Маша была девочка старательная, и пророчила тоже... аккуратно. Только все старалась в рифму, втемяшилось ей, что пророчества должны быть в стихах. И вот сижу я перед этой дурындой и думаю, что же мне делать. Если бы я не понимала, о ком идет речь, я бы и внимание не обратила. Какой смысл жалеть о том, что нельзя изменить... верно, чароплет? Но я поняла. Одна тысяча девятьсот пятнадцатый год на дворе... все прозрачно было. «Умрет наследник, омрачится царь. Большевиков повесят в казематах. Война продлится долгих девять лет. Москва погибнет, пламенем объята. Германец Малороссию возьмет, японский меч гуляет по Сибири, от голода народ на треть умрет, а остальные растворятся в мире».

— Прямо апокалипсис, — сказал я саркастически.

— Я полагаю, так оно и было бы, — сказала Арина. — Гибель цесаревича Алексея могла повлиять на Николая достаточно неожиданным образом. Революцию он мог бы и задавить... а вот Первую мировую войну — проиграть. И Россия де-факто перестала бы существовать. На Дальнем Востоке — японцы, на Западе — немцы.

— Не очень верится, — признался я.

— Это было пророчество, Антон. Оно должно было исполниться, люди его слышали. Но я вмешалась.

— Исцелила цесаревича?

— Ну, не исцелила... скажем так — продлила его существование. Николай мямлил и трусил, большевики взяли власть. Крови, конечно, пролилось... но могло быть и хуже.

— Так ты, можно сказать, спасительница России, — сказал я едко. — И вдобавок герой Советского Союза, помогла революции свершиться.

— Ну в общем-то — да, — скромно сказала Арина.

Детская площадка, которую мы беззастенчиво оккупировали, была роскошная. Посредине ее стоял деревянный корабль, будто приплывший с острова Нетинебудет, да и брошенный за ненадобностью Питером Пэном. На корабле, где днем было не продохнуть от галдящей, лазающей по мачтам и веревочным лестницам детворы, мы и сидели. Маг и ведьма, держащие в руках по бутылке пива — но давно уже к ним не прикладывающиеся.

— Допустим, я тебе верю, — сказал я. — Даже допустим, что ты не

ошибаешься, и это было пророчество, и ты сумела его изменить. Что дальше?

— Дозоры давно уже занимаются ерундой, — сказала Арина. — Варятся в собственном соку. Даже конфликтуют будто понарошку.

— А тебе хотелось бы войны? — съязвил я. — За кого играешь в этом сезоне, за команду Светлых? А Договор как — чтим?

— Не хочу я войны, — серьезно ответила Арина. — Мы, ведьмы, народ мирный. А уж светлые ведьмы — особенно... Напомни-ка мне Великий Договор, Антон.

Я пожал плечами и процитировал то, чему учат на первом уроке — не важно, в Ночном или Дневном Дозоре.

Мы — Иные

Мы служим разным силам

Но в сумраке нет разницы между отсутствием тьмы и отсутствием света

Наша борьба способна уничтожить мир

Мы заключаем Великий Договор о перемирии

Каждая сторона будет жить по своим законам

Каждая сторона будет иметь свои права

Мы ограничиваем свои права и свои законы

Мы — Иные

Мы создаём Ночной Дозор

Чтобы силы Света следили за силами Тьмы

Мы — Иные

Мы создаём Дневной Дозор

Чтобы силы Тьмы следили за силами Света

Время решит за нас.

— Прекрасно, — сказала Арина. — Договор, как ты можешь заметить, не запрещает вмешиваться в человеческую жизнь. Он лишь ограничивает борьбу Светлых и Темных.

— И что с того? — Мне начало надоедать. — Темные вмешивались, Светлые вмешивались... тебе ли не знать? Что в итоге? Сколько войн развязано из-за экспериментов по созданию идеального общества? Коммунизм, фашизм, демократия, автократия, гласность, глобализация, национализм, мультикультурализм — что из этого человеческое, а что наше? Мы подталкиваем людей то в одну сторону, то в другую. Наблюдаем,

что получилось. Потом перечеркиваем результат и начинаем заново. Ах, не получается... ну попробуем в другой стране, в другой культуре, с другими установками... Что, коммунизм был безнадежен? Не думаю. Но игрушка надоела. Что, демократия насквозь фальшива? Вряд ли. Но и с ней закончили играть. А людям, знаешь ли, все равно, от чего умирать — от построения социализма, от привнесения демократии или от борьбы за права и свободы. Как по мне — лучшее, что мы могли бы для людей сделать, — оставить их в покое! Пусть живут своей жизнью, придумывают свои правила, учатся на своих ошибках!

— Полагаешь, мне не стоило вмешиваться в судьбу России? — спросила Арина.

— Да! Нет! Не знаю... — Я развел руками. — А если бы после всех потрясений итог оказался бы лучшим? Не было бы Второй мировой войны, к примеру?

— Я не могла сидеть и ничего не предпринимать... — сказала Арина. — И посоветоваться не могла ни с кем. Что Гесер, что Завулон — каждый стал бы ситуацию поворачивать к своей выгоде. С тобой — могу посоветоваться. Ты нормальный. Ты до сих пор человек.

— Не уверен уже... — сказал я, глядя на идущего вдоль ограды детской площадки чернокожего охранника. Тот бдительно глянул на карусели-качели-песочницы, скользнул невидящим взглядом по нам и удалился.

— Все мы люди, Антон. Кто в большей мере, кто в меньшей. Да, есть ситуации непонятные, когда не знаешь, стоит ли вмешиваться. Но есть же и однозначно ясные!

— Чего ты от меня хочешь? — спросил я.

— Антон, пророки появляются редко. За двадцатый век — восемь случаев. И еще реже удастся зафиксировать их первое пророчество до того момента, как оно станет известно людям и обретет силу. Если ты знаешь пророчество мальчика...

— Нет, я его не знаю. Клянусь.

— А можешь узнать? — уточнила Арина.

Я помолчал. А потом резко, будто прыгая в холодную воду, сказал:

— Вероятно — да. Более того, возможно, я могу узнать и первое пророчество Эразма. Хотя оно, вероятно, за эти годы давно свершилось.

— А вот не факт, — сказала Арина. — Полет Гагарина в космос был напророчен еще в семнадцатом веке... Антон, ты меня по-хорошему поражаешь!

— Тебе, как сменила цвет, неймется творить добро, — сказал я.

— Допустим. А тебе разве нет? Антон, в Дозоре никто на такое не решится. Я — готова попробовать. И я клянусь тебе, что если пророчество окажется хорошим или невнятным — мы ничего не станем делать. Пусть исполняется. Но вдруг мы получили шанс действительно направить жизнь людей к лучшему?

— «Мы», — фыркнул я. — Предыдущий раз ты говорила «мы», когда была с Эдгаром и Саушкиным. Кончили они плохо.

— Ты мне не веришь, и это правильно, — кивнула Арина. — Но со мной у тебя появится шанс не тянуть лямку в Дозоре, а сделать что-то по-настоящему важное.

— Я почти уверен, что Эдгару ты говорила то же самое, — мрачно ответил я.

— Подумай, Антон. — Арина открыла сумочку и достала оттуда маленький шарик. — Я пока отправлюсь... к себе. Извини, что не приглашаю — Минойская Сфера переносит лишь одного.

— Мне казалось, она одноразовая, — сказал я.

— Нет, она однозарядная, — улыбнулась Арина. — А я умею ее перезаряжать. Навещу тебя утром, ты не против?

Я пожал плечами. Арина улыбнулась, сжала сферу в кулаке — и исчезла.

Вздохнув, я взял пустые бутылки из-под пива и стал спускаться с деревянного кораблика. В отличие от ведьмы мне придется добираться до гостиницы пешком.

По пути на детскую площадку Арина открыла калитку каким-то своим способом, растерев в пальцах сухую траву и посыпав ею замок, я же никогда не любил возиться с заклинанием «Бильбо» и решил миновать ограду сквозь Сумрак. К моему удивлению, на первом слое Сумрака площадка тоже была огорожена, да и на втором ее окружало что-то вроде полосы высохших деревьев, оцетинившихся колючими ветками в сторону парка. Я с любопытством осмотрел живую (да нет, скорее — мертвую) изгородь. Такие сухие стволы чаще встречались на третьем слое, но там они были разбросаны хаотично — а здесь выглядели сознательно высаженными. Ну или вкопанными в землю. К счастью, тратить силы и идти глубже не потребовалось — эта ограда препятствовала лишь желающим войти на площадку, а не выйти с нее. Кто бы из Иных ни работал с детской площадкой, но он подошел к делу основательно.

Я протиснулся сквозь ветви, отошел немного и вернулся в реальный мир. После сумеречного холода и тишины ночной лондонский парк казался теплым и полным звуков. Где-то вдалеке слышалось тонкое пение свирели.

Я пошел через парк, решив выйти поближе к своей гостинице. По пути попалась заботливо очищенная вечером урна, в которую я и сгрузил пустые пивные бутылки.

Что может быть прекраснее, чем вечерняя прогулка в пустынном парке?

Бесхитростная мелодия звучала все ближе и ближе. Внезапно я увидел музыканта — на кривом стволе огромного дерева, изогнутого когда-то давно ветром, так и растущего почти параллельно земле, сидел маленький мальчик, одетый в какие-то причудливые лохмотья. Мальчик самозабвенно играл на свирели. Вокруг него, будто танцуя, кружились огромные светлячки.

— Эй! — окликнул я юного музыканта и от растерянности спросил на русском: — Тебе не поздно здесь находиться?

Мальчик резко повернулся в мою сторону. То ли в свете светлячков, то ли в отблеске далеких фонарей с Бэйсуотер-роуд сверкнули белоснежные молочные зубы. Мальчик спрыгнул с дерева — и исчез. Следом, со звенящим звуком, разлетелись светлячки.

— Твою мать! — выругался я. — Чушь собачья! Я не верю...

Впрочем, договаривать я не стал.

Я, конечно, не верю в фей. Я даже в Деда Мороза давно не верю.

Но все-таки я предпочел промолчать.

Глава пятая

Гремела музыка. Резкая, незнакомая, на мой взгляд — совершенно диссонансная. Но похоже, окружающим она нравилась. Дискотечный зал был набит до отказа — молодежь словно и не танцевала, а колыхалась, подергивалась на месте, задевая друг друга, периодически сцепляясь руками и начиная двигаться в каком-то гротескном, запутанном хороводе. Потолок светился, и это были не лучи прожекторов или дискотечных фонарей, похоже было, что сами панели потолка испускали свет. В какое-то мгновение разноцветные всполохи сменились ровным оранжевым светом, потом потолок засиял небесной лазурью — и превратился в сплошной экран. Над нами было небо, по небу плыли белые перистые облака.

— Что это? — спросил я, уворачиваясь от сцепившейся вереницы подростков.

— Дискотека, — ответили мне.

Я повернул голову. Рядом стоял юноша лет восемнадцати, невысокий, упитанный. Чем-то знакомый.

— Кеша? — внезапно понял я.

— Что, Антон Сергеевич?

Что?

Я не знал «что». Я не понимал, где я и как здесь оказался. Но надо было что-то спросить.

— Где Надя? — Я вдруг понял, каким должен быть мой вопрос.

— Здесь, — пожав плечами ответил Иннокентий Толков. — Где-то здесь...

Я поискал глазами в толпе. Потом понял, что невольно смотрю слишком низко, туда, где должна быть голова десятилетней девочки. А надо смотреть выше...

И почти сразу я увидел Надюшку. Даже странно, как я ее узнал... она была такой же большой, как и Кеша. Но изменилась куда сильнее — голова начисто выбрита, остались только два клочка обесцвеченных до белизны волос над ушами. Длинная узкая юбка с разрезами, доходящими чуть ли ни до пояса, то ли сапоги, то ли ботинки... и совершенно обычная белая блузка. Надя была нелепой, жалкой, даже омерзительной в таком виде... но это была моя Надя. И сердце болезненно сжалось у меня в груди.

Я сделал шаг вперед, распахивая танцующих, схватил дочь за руку и вытащил из цепочки танцующих. На ее руке звякнули разноцветные

металлические браслеты, закрывающие все запястье.

— Папа? — удивленно спросила Надя. — Что ты здесь делаешь?

— Что ты здесь делаешь? — синхронно спросил я.

Надя пожала плечами:

— Отдыхаю.

Парень и девушка, между которыми Надя раньше двигалась в цепочке, протолкались к нам. Выглядели они... ну, соответствующе. На парне были блестящие стринги и пушистая рубашка (да-да, именно рубашка и именно пушистая), на девушке — такая же длинная юбка с разрезами и блузка.

Видимо, это модно.

Давно я не бывал в молодежных компаниях.

— Надя, что надо этому эрзацу? — спросил парень. Не то чтобы угрожающе, но с вызовом.

— Иди в аут, — непонятно ответила Надя. — Это мой абу.

Парень глянул на меня неприязненно, но уже помягче. И спросил:

— Какие проблемы, уважаемый?

— Никаких, — ответил я. — И если ты немедленно исчезнешь, то их и не возникнет.

Парень криво усмехнулся. Похоже, я его не напугал. Дурачок. Он же у меня сейчас отправится домой уроки учить и полы мыть...

— Все гладко, Вовик, — сказала Надя. — Уймись.

— Тапай, если вдруг, — ответил Вовик, еще раз зыркнул на меня — и растворился в толпе вместе с подругой.

— Что за дурацкий сленг? — спросил я.

— Обычный, — ответила Надя и шмыгнула носом. Глаза у нее были красные. — Ты зачем пришел, папа?

— Надя, пошли домой, — сказал я.

— Зачем?

— Надя, мама будет волноваться, — попытался воззвать я к доводу, который безотказно работал в ее десять лет.

— А при чем тут мама и ты? — спросила Надя.

И у меня в груди стало совсем холодно и нехорошо.

— Надя, я не пойму, что происходит, — сказал я. Музыка резала уши, небо на потолке-экране затягивали тяжелые темные тучи. — Давай поговорим в другом месте.

— Чем это плохо?

— Тем, что это не место для Высшей Иной! — не выдержал я.

Надя засмеялась. И если вначале это был просто тихий смех, как от удачной шутки, то уже через мгновение он превратился в истерическое

хихиканье.

Ненавижу женские истерики! Это совершенно нечестный прием в отношениях между мужчинами и женщинами!

Хуже женских истерик — только мужские.

— Для Высшей Иной? — повторила Надя. — Для Иной? Папа... папочка, ну ты влил! Папа... после того, что ты сделал с нами — ты еще можешь произносить слово «Иной»?

Она так и ушла в толпу, продолжая смеяться и проводя рукой по лицу, будто смахивая слезы.

А я стоял и смотрел ей вслед.

Потом перевел взгляд на Кешу.

— «Вы Антон Городецкий... — сказал я. — Вы нас... вы нас всех...»
Что я «всех»?

— Не знаю, — ответил Кеша.

— Почему Надя с тобой даже не заговорила?

— Она меня не видела.

Над головой загрохотал гром. И застучали тяжелые дождевые капли. Я подставил им руку... капля упала на ладонь и исчезла. Дождь был, но он был иллюзией — как и тучи над головой.

Как все здесь.

— Почему она не видела тебя, Кеша?

— Потому что это ваше предвидение, Антон Сергеевич, — ответил юноша. — И ваш сон.

Он развернулся и тоже исчез в толпе — такой же пухлый, неуклюжий и некрасивый, как и в детстве.

И похоже, такой же одинокий и несчастный.

— Это неправда! — закричал я.

И проснулся.

Почему-то — молча.

Низкий потолок дешевой лондонской гостиницы. Англичане вообще живут в домах крошечных, будто почтовые марки. Наверное, чтобы проще было их оборонять, ведь «мой дом — моя крепость». В окошке брызжет солнечный свет. Утро, хотя и раннее...

Я глянул на часы — всего семь утра местного.

Потом посмотрел на стоящий на тумбочке деревянный кубок от сэра Эразма. Может быть, было виновато пиво, а может быть, сто грамм коньяка, который я добавил за просмотром телевизора, перед тем как лечь спать, но когда мне захотелось выпить воды — я распаковал подаренный

кубок и выпил воды из него. Причем не просто так, а с глубоким убеждением, что после этого услышу первое пророчество Дарвина.

Насчет его пророчества ничего не вышло. А вот собственное я получил.

Или все-таки нет?

Что это было — очень яркий и реалистичный сон, возникший от гремучей смеси алкоголя, усталости и массы впечатлений?

Пророчество?

Я могу предвидеть будущее, как и любой Иной, как любой человек, в конце концов. Даже лучше многих, в свое время Гесер всерьез советовал мне специализироваться на предсказаниях. Но и просто дурацкие сны мне снятся — тоже как любому человеку.

Размышляя об этом, я сходил в туалет, принял душ (все очень компактно было втиснуто в два квадратных метра — и эти люди попрекали Советский Союз за «хрущобы»?). Оделся и задумчиво спустился вниз, в полуподвал, где располагался маленький отельный ресторанчик. У официантки, которая суетилась в зале, наливая постояльцам кофе и убирая грязную посуду, было такое обыденное лицо, что я поздоровался с ней по-русски. И угадал.

— Ой, здравствуйте, — почему-то засмушалась она. — Вам чай или кофе?

— Кофе, — кивнул я, приглядываясь к выложенной на столе снеди.

— Кофе не очень, — тихо прошептала девушка, подавшись ко мне.

— Все равно, — так же тихо ответил я. — Проснуться надо.

— Лучше я вам растворимого принесу, — пообещала девушка и исчезла на кухне.

Я взял себе йогурт, кусок хлеба, пластик сыра в герметичной упаковке (чеддер — это чеддер!) и омлет скрэмблинг, который представляет из себя высшую форму надругательства над яйцами, которую только смогли изобрести в Европе.

Но по крайней мере он был горячий.

Присев за угловой столик, я подцепил вилкой комок разваливающейся омлетной массы. Придирчиво осмотрел и отправил в рот. На вкус лучше, чем на вид...

И тут запахло кофе. Хорошим настоящим кофе, а никак не растворимыми химикалиями. И огромная чашка восхитительного кофе оказалась передо мной.

— Спасибо, — сказал я, поднимая глаза.

Арина, улыбаясь, забрала у меня тарелку с омлетом и отставила на

пустой столик. Сказала:

— Не кушай эту гадость. Это я тебе как ведьма говорю.

И протянула другую тарелку — с яичницей-глазуньей, прожаренной в самую меру, так что желток загустел, но остался жидким, посыпанную мелко нарезанным зеленым лучком и с угадывающимися в толще кусочками обжаренного сала. Перед собой Арина поставила еще один кофе.

— Скушай заячий помет, он ядреный, он проймет? — уточнил я. Поскольку Арина на стихи Филатова отреагировала удивленным поднятием бровей, то вздохнул и сказал: — Ты же уже не ведьма, ты Светлая.

— Ведьма бывшей не бывает, — вздохнула Арина. — Как спал, Высший?

Вначале я отправил в рот поджаренное яйцо и запил его большим глотком кофе. Потом сказал:

— Твоя работа?

— Что именно? — удивилась Арина.

— Мой сон.

— Я не знаю, что тебе снилось. — Она покачала головой и нахмурилась. — Что-то неприятное? Пророческое? Я в твои сны не вмешиваюсь.

— Так, ерунда, — отмахнулся я и в два глотка допил кофе.

— Принести еще? — спросила Арина.

— Слушай, ты не официанткой в Лондоне подрабатываешь?

— Увы, у меня нет рабочей визы, — усмехнулась Арина. — Это исключительно благотворительность. Вид у тебя какой-то мятый.

— Мне снился кошмар, — неохотно признал я. — Ничего особо информативного. Просто выросшая Надька... такая... странная... как все подростки, наверное... Неприятная, скажу честно. И она меня обвиняла. В том, что я что-то сделал с Иными.

Лицо Арины стало серьезным. А произнесенные слова еще больше убедили меня в том, что она относится к этому сну серьезно.

— Ерунда, Антон. Бывают просто сны. Ты можешь рассказать подробнее?

— Нет, — покачал я головой. — Ладно, оставим это. Ты не знаешь, феи — есть?

— Э... — Арина запнулась. — Не знаю. Скорее, конечно, нет, но рядом с Кенсингтонским садом это говорить как-то неприлично.

— Я вчера шел в отель и увидел на поваленном дереве маленького мальчика. Он играл на свирели, а вокруг него роились какие-то светящиеся букашки. Увидел меня, оскалился и убежал.

- Убежал или улетел?
- Вот уж чего не знаю.
- И ты решил, что наткнулся на Питера Пэна?
- Да фиг его знает, что я подумал!
- Инверсия. И проекция.
- Что?

— Инверсионный след. Сколько людей читало сказку про Питера Пэна? Сколько детей смотрело мультик или кино? Какое количество из них представило себе Кенсингтонский сад и Питера? Сколько среди них было явных и потенциальных Иных?

— Мы не можем сотворить людей.

— Любая баба это может, — усмехнулась Арина. — Но в данном случае речь о другом. Образ — а он достаточно визуализирован, проецируется на точку, где и без того огромная концентрация Силы. Начинается возбуждение Силы по слоям Сумрака. Энергия стабилизируется на высоком уровне. Можно посчитать по распределению Больцмана, тут все почти равнозначно термодинамическим уравнениям, даже постоянную Планка можно использовать. Только для Сумрака она называется Кентерберийской Константой.

Я поймал себя на том, что сижу с открытым ртом, в котором держу вилку с нацепленным на нее куском яичницы. Торопливо захлопнул рот, больно укусил при этом вилку и шепотом выругался.

— Это обычный механизм появления привидений, — продолжала Арина. — Неужели Светлые нынче этого не учат?

— Нет, — признался я. — Да и Темные... наверное.

— Ну и зря, — сказала Арина. — Практической пользы никакой, но неужели тебе не интересно, откуда возникают призраки, как живет Сумрак, какие заклинания и в какой точке будут наиболее эффективны?

— Я даже не знал, что это можно... — я запнулся, — превратить в формулы.

— А ведьмы всегда это знали, — сообщила Арина. — Неужели ты думаешь, что ведьма — это грязная страшная бабища, которая варит в котле неаппетитные субстанции и бормочет «бамбара-чуфара, пикапу-трикапу, лорики-ерики»?

Я предпочел промолчать. Арина, явно наслаждающаяся ситуацией, пила кофе.

— Ну, что решил? — требовательно спросила Арина.

— Даже то, что я говорю с тобой и не пытаюсь тебя задержать, должностное преступление, — буркнул я.

Арина фыркнула.

— Клянись Светом и Тьмой, — сказал я.

Арина подняла на меня глаза.

— Клянись, что ты не имеешь никакого отношения к сну, приснившемуся мне этой ночью, — продолжил я.

— Значит, все совсем плохо, — понимающе кивнула Арина. — Хорошо...

Она несколько секунд молчала, будто вспоминая что-то. Потом протянула через стол руки, повернула так, чтобы ладони были обращены вверх.

Меня обдало холодным ветром.

Все немногочисленные постояльцы отвернулись в другую сторону и старательно перестали нас замечать.

— Я, Арина, клянусь Изначальными Силами. Я, Темная, ведьма вне рангов, клянусь Тьмой — и пусть вечная Тьма будет свидетелем моих слов. Я, Светлая, целительница вне рангов, клянусь Светом — и пусть вечный Свет будет свидетелем моих слов. Я, тринадцатая и последняя глава высшего Конклава Ведьм, клянусь землей, из которой пришла, водой, которая внутри меня, воздухом, который снаружи меня, огнем, в который я приду. Я не оказывала никакого влияния на тебя, твои сны, твои пророчества, твои мысли, твои видения, твои желания, твои страхи, твою любовь, твою ненависть, твою радость и твою горе. Все, что я сказала тебе, истинно либо сочтено мной истинным.

На ее левой руке заплесало белое пламя, на ее правой руке сгустилась тьма. Арина свела ладони — и между ними заплесал бешено крутящийся шарик. Он был одновременно белым и черным, светящимся и поглощающим свет. Не серым, как у Инквизиторов, а именно двойственным, одновременно Светлым и Темным.

— Я верю тебе и принимаю твою клятву, — сказал я.

Шарик свернулся в ослепительно черную точку и исчез.

— Значит, глава высшего Конклава? — уточнил я. — А в Дозорах так гадали, кто же им был и куда исчез...

Арина пожала плечами.

— Я просто выбираю меньшее зло, — добавил я.

— Выбирая меньшее зло, ты никогда не должен забывать, что все-таки выбрал зло, — серьезно сказала Арина.

— Но не выбирая ничего, мы выбираем сразу и большее, и меньшее зло, — ответил я.

— Значит, мы друг друга поняли, — кивнула последняя верховная

ведьма распущенного почти сотню лет назад Конклава.

— Но остается одна небольшая проблема, — сказал я. — Тигр. Как я понимаю, сейчас пророчества неактивны.

— Спят, — кивнула Арина.

— Если они станут известны нам — за нами придет Тигр.

— Но если мы сообщим их людям — Тигр оставит нас в покое.

— А если пророчества плохие? Предлагаешь героически погибнуть? Или открыть ящик Пандоры и наплевать на людей?

Арина покачала головой:

— Нет и нет. Ведьмы всегда предпочитают выбрать третий путь.

Я вопросительно посмотрел на нее.

— Мы пытались понять природу Тигра, — сказала Арина. — Как ты уже, наверное, понял, в некоторых областях Конклав обладал знаниями, не уступающими Дозорам. Успеха мы не добились, но... — Она помолчала. — Мы нашли Иного, кто знает, как победить Тигра. Он жив. Я предлагаю встретиться с ним, получить эту информацию — и уже после этого открывать пророчества.

Я посидел, переваривая услышанное. Спросил:

— И где он? Почему-то чувствую, что не в Лондоне и не в Москве.

— На Формозе, — кивнула Арина.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что во времена Арины называли Формозой.

— Тайвань? — Перед глазами у меня невольно всплыл глобус, который я год назад подарил Наде для общего развития. — Это... это сколько же...

— Почти десять тысяч километров. Четырнадцать часов. К счастью, есть прямой рейс. — Арина посмотрела на часы. Изящные часики из розового золота и, кажется, с бриллиантами. — Сейчас половина восьмого. До рейса час сорок пять минут. Тебе долго собираться?

— Ты хочешь сказать, что у тебя уже есть билеты? — уточнил я.

— Я хочу сказать, что на рейс я нас зарегистрировала вчера вечером. Тебя не очень смутит отсутствие визы? Чистое белье купишь в аэропорту, если успеем, а нет — так в Тайбэе.

— Надо полагать, такси ждет? — спросил я.

— Ждет, — кивнула Арина. — Счетчик тикает. Ну как... что решаешь?

Я намазал маслом кусок хлеба и положил сверху ломтик сыра. Откусил, прожевал, а потом уже сказал:

— Мне не надо покупать белье. Даже носки не нужны. Света собрала меня на неделю.

Глядя, как исчезает под самолетом Лондон, я думал о том, что сейчас совершаю.

Вся наша жизнь — бесконечный выбор. Остаться дома или выйти прогуляться. Пойти в кино или посмотреть телевизор. Выпить чая или воды.

Даже эти никчемные выборы могут переменить всю жизнь. Что уж говорить о выборе посерьезнее! Жениться или повременить. Сменить работу или остаться на прежней. Переехать в другой город или в другую страну.

Мне тоже приходилось выбирать — и я до сих пор не знаю, всегда ли делал правильный выбор. Но то, что я совершил только что, рисковало стать самым серьезным выбором в моей жизни.

Нет, дело, конечно, было не в том, что я не кинулся арестовывать Арину, как велели уставы Ночного Дозора и циркуляры Инквизиции. Как маг вне категорий, пусть даже мой ранг был несколько сомнителен и отражал скорее потенциал и чистую Силу, чем опыт и мудрость, которые должны к Силе прилагаться, я был достаточно свободен в своих поступках.

Я мог, к примеру, заявить, что не считал себя способным задержать Арину (что было правдой!) и решил потянуть время.

Или — и мне тоже не пришлось бы грешить против истины — я мог аргументировать свой поступок необходимостью получить дополнительную информацию и выяснить, кто и как способен противостоять Тигру. В конце концов, недавние события в офисе показали, что это вполне актуальная задача!

Ну и сам факт двух пророчеств и моего собственного странного сна прямо-таки требовал дальнейшего расследования.

Конечно, по-хорошему стоило бы сообщить о происходящем... ну хотя бы Гесеру. Но и тут у меня было убедительное оправдание — Высшая ведьма, да еще и бывшая глава Конклава, способна перехватить практически любые сообщения, даже связь ученика с наставником.

Так что с официальной стороны я был более-менее в безопасности. Оправданий для своего поступка у меня найдется вагон и маленькая тележка.

За собственную безопасность я в общем-то тоже не волновался. Клятву не вредить мне я с Арины не требовал, но и оснований подозревать ее в чем-то нехорошем не имел. Уж если я с Завулоном совместно работал,

то с бывшей ведьмой, а нынче Светлой как-нибудь поладим.

Так что же меня тревожит?

Симпатичная стюардесса-китаянка разнесла по салону бокалы с шампанским. Арина не поскупилась на билеты в бизнес-классе — впрочем, с чего бы опытной ведьме испытывать нехватку в средствах? Арина, сидящая в соседнем кресле, свой бокал взяла, я отказался и, поколебавшись, попросил коньяк. Четырнадцать часов полета — времени хватит на все: и выпить, и протрезветь.

Утро начинало удаваться.

— Не покажешь кубок? — попросила Арина.

Я не стал ломаться, достал сумку и извлек из нее артефакт работы Эразма. Арина некоторое время держала его в руках, потом покачала головой:

— Не чувствую магии.

— Я тоже, но не все можно ощутить.

— Это верно...

Арина вылила в кубок свое шампанское, выпила. Пожала плечами. Поднесла кубок к уху, вслушалась, будто в морскую раковину.

— Пробовал, — сказал я. — И пил из нее, и слушал. Мне кажется, Эразм знал, как пробудить пророчество...но не счел нужным пояснять.

— Как ты вообще его убедил отдать эту чашу? — с любопытством спросила Арина.

— Подарок от Гесера помог. — Я рассказал ей про наш офисный бонсай, переехавший жить к Дарвину.

— Загадка на загадке. — Выслушав меня, Арина пожала плечами. — Гесер — известный хитрец, но что он придумал в этот раз — ума не приложу...

— Информация за информацию, — сказал я. — Расскажи про Иного, к которому мы летим.

— Зовут его Фан Венъян, — ответила Арина. — Собственно говоря, имен у него немало, но под этим он сейчас живет среди людей. Ему около трехсот лет. Он Светлый, но в Дозорах не состоял и не состоит.

— Ранг? — спросил я.

— Четвертый.

— Всего лишь? — поразился я.

Конечно, четвертый ранг — не пустяк. Не способность к мелким магическим фокусам, как у седьмого. Но даже слабый Иной за триста лет подтягивается от своего первоначального ранга на две-три ступени. Выходит, при инициации Фан был совсем слабаком?

— Что за снобизм? — фыркнула Арина. — Сам-то давно на четвертом ранге числился?

— Лет пятнадцать назад, — признался я. — Но меня и инициировали сразу как Иного четвертого уровня.

— А он с самого низа шел, — подтвердила мой вывод Арина. — С седьмого уровня. Терпеливо шел... В тысяча девятьсот двадцать пятом году получил он должность хранителя Императорского музея «Гугун» в Пекине. Великие Иные там не требовались, китайцы власть уважают, на сокровища никто не посягал. Даже когда случилась синьхайская революция... — Арина посмотрела на меня и сжалилась: — а было это в тысяча девятьсот одиннадцатом году, сокровища императорские особо не грабили... Жил бы себе Фан Венъян тихонько, да произошла в тысяча девятьсот тридцатом году странная история. Был у Фана друг, пророк. Слабенький — но все-таки пророк. Деталей я не знаю... может, и не просто друг он ему был... — Арина усмехнулась. — В общем, что-то такое парень напроорочил, и свидетелем пророчества был только Фан. Почему-то ему пророчество не понравилось, озвучивать его людям он не захотел. И за Фаном с его приятелем явился Тигр. Они его, правда, называли не так, но по всем описаниям — это был Тигр.

Я ждал.

— Приятель погиб. А вот Фан ухитрился что-то сделать... то ли уничтожил он Тигра...

— Ну как же он его уничтожил? — удивился я. — Он в Москву приходил только что...

— А ты уверен, что Тигр — он один? — улыбнулась Арина. — В общем, что-то Фан сумел сделать. Убил, отогнал, напугал, подкупил... не знаю. Но пророчество не прозвучало, причем Фан потом сказал на допросе в Ночном Дозоре, что «скорее разрезал бы сам себя на части и скормил тигру в бэйцзинском зверинце, чем произнес бы то, что ему открылось». Когда мы все сопоставили и поняли, что слабенький китайский маг сумел отогнать Тигра, решено было выяснить детали. Не то чтобы для конкретной надобности... но знание лишним не бывает.

— Что же помешало?

— Распри, Антон. Для нас, ведьм, и мировая война, и революция были бедами почище, чем для других Иных...

— Почему?

— Мы, ведьмы, ближе к земле. К той стране, где выросли, где вошли в силу. Уже в четырнадцатом году трудно нам было собираться на Конклаве... сидеть рядом русской ведьме и немецкой, английской и

австрийской... А уж после революции, когда с одной стороны СССР, с другой — все остальные... договариваться о чем-либо вообще невозможно стало. Потом я уснула, от подруг скрылась, из Конклава ушла... он и развалился сам собой, видать, вышло его время. Так и не сделали мы ничего. А жаль... Я-то стойкостью Фана не обладала, когда в пятнадцатом году моя подруга пророчила — довела все до людей.

— Но сделала все по-своему, — кивнул я.

— Да. Сумела переспорить пророчество, спасти страну. Пророчество ее стало неверным, так и затерялось среди фальшивых предсказаний. Вроде как все у меня получилось... но когда я узнала про Фана — крепко его историю запомнила. И когда снова в мир вернулась, начала искать его. Нашла.

— Что он делает на Тайване? Неужели бежал от коммунистов?

— Нет, конечно. Ему человеческая идеология безразлична, как и нам. Но он хранитель императорского музея, понимаешь? А когда китайцы, те, что не коммунисты, в тысяча девятьсот сорок восьмом году стали на Тайвань отступать — они и сокровища вывезли. И Фан с ними... а что ж ему делать? Так теперь и работает в Национальном Императорском музее «Гугун».

— Он же в Пекине.

— Нет, там просто Императорский музей «Гугун». А это Национальный.

— А он расскажет? — спросил я.

Арина пожала плечами.

— Силовое давление исключено, — на всякий случай сказал я. — Ссориться с китайскими Иными я не стану.

— Я тоже не сошла с ума, — кивнула Арина. — Только лучше говори «тайваньскими», а не «китайскими». Это вежливее и правильнее.

— Какие-то еще советы?

— Самые элементарные. Никогда не поднимай в разговоре тему двух Китаев. Хвали Тайвань, но не ругай Китай! Даже если разговор коснется этого, увильни от любых оценок. Это их внутренняя проблема, и иностранцам в нее лезть не стоит. Кстати, в материковом Китае, если занесет, следует вести себя так же.

— Понял, — сказал я.

— Воздерживайся от телесных контактов. Я не имею в виду секс, просто старайся не вторгаться во внутреннее пространство, не касаться человека при разговоре, не похлопывать по плечу, не обнимать. Это невежливо.

— Да ты хорошо подготовилась, — сказал я.

— Чем еще заняться пенсионерке? — улыбнулась Арина. — Зато можешь быть совершенно спокоен на улицах, преступность там очень низкая. И есть можешь что угодно и где угодно, из чего бы еда ни была сделана. Тайваньцы очень строго относятся к гигиене. Повар, у которого просрочена санитарная книжка или нарушены какие-то правила, садится в тюрьму на несколько лет. Вне зависимости от того, отравился кто-то его стряпней или нет.

— Мне это нравится, — сказал я, вспоминая московские ларьки с шаурмой, где одетые в грязные халаты «повара» стругают с гриля мясо непонятного происхождения. — Как они этого добились?

— Жестоким диктатурой, — усмехнулась Арина. — Ты же большой мальчик, должен понимать, что четко работающий транспорт, порядок и безопасность на улицах, вежливые люди и хорошая медицина — это все достижения диктатуры.

— О да, Лондон тому примером, — саркастически сказал я.

— Конечно. Просто у англичан период диктатуры уже кончился. Больше не огораживают земли, выгоняя крестьян из дома, и не вешают детей за кражу носовых платков. Больше не продают в Китай опиум под дулами пушек, подсаживая на него четверть населения страны. Больше не выкачивают сокровища из колоний. Британцы хорошо потрудились для диктатуры и заслужили право на демократию, толерантность и плюрализм.

— Интересный взгляд на мир, — сказал я.

— Честный, — отпарировала Арина. — Сам знаешь, «джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что делает джентльмен к востоку от Суэца...» Да что нам британцы? А ну-ка, вспомни, чем из истории нашей страны ты можешь гордиться? Военными победами? Присоединением территорий? Полетами в космос? Заводами и электростанциями? Могучей армией и всемирно известной культурой? Так все оно, Антошка, сотворено при тиранах и диктаторах! Санкт-Петербург и Байконур, Чайковский и Толстой, ядерное оружие и Большой театр, Днепрогэс и БАМ.

— Ты, никак, старая, в коммунисты подалась, — буркнул я.

— С какой стати? — фыркнула Арина. — Я про твердость власти, жесткость ее, если угодно. Политические гримасы меня не интересуют.

— Ну а к чему все эти достижения, если Санкт-Петербург был построен на костях, а в Советском Союзе нельзя было купить туалетной бумаги?

Арина улыбнулась.

— Да к тому же, что европейские колонии в Африке и Азии,

английские огораживания с разорением крестьян, американские рабы на хлопковых полях... и вечные кровавые войны по всему миру. Вначале страна жиреет и процветает — не путай с народом, речь именно о стране! Потом правители смягчают, народ расслабляется — и начинается спокойная вольная жизнь. Римские легионы уже не маршируют по приказу Рима, а спокойно загнивают в какой-нибудь Иудее. Аристократия предается своим порокам, народ своим... разница только в цене шлюх и гастрономических изысках. А под боком уже подрастают злые, голодные и связанные единой жесткой волей, которые смотрят на бывшую могучую державу как на вкусный обед. И тут уж два варианта — либо страна встряхнется и снова начнет жить, хоть народу от этого придется ох как не сладко... Либо страна умрет. Вместе с народом, конечно. Станет частью той самой диктатуры, от которой ушла и к которой не хотела возвращаться. Вечный круговорот силы и слабости, жесткости и мягкотелости, фанатизма и терпимости. Повезло тем, кому выпало жить в начале эпохи покоя, когда и аристократ уже не может затравить простолюдина собаками, и простолюдин не отстаивает свое право бездельничать. Это и называют золотым веком... только длится он куда меньше.

— А может быть счастливо то общество, где этот баланс достигнут? — поинтересовался я.

— Конечно, — кивнула Арина. — Только он не может быть достигнут надолго. Я как-то спорила об этом с одним питерским студентом, смышленный был парень. Объясняла ему, что общество — оно балансирует на лезвии бритвы. С одной стороны вялость и смерть, с другой — жесткость и жизнь, и хорошо бы пройти посередине — да только долго на лезвии не устоять. Но он так и не согласился, упрямый был и в коммунизм сильно верил.

— Да, насколько я понимаю, он так и не согласился, — задумчиво сказал я. — Ладно, Арина. Я не готов спорить.

— Ты тоже не согласен, — кивнула она. — Понимаю. Это молодость, Антон. Не беспокойся, она пройдет.

Глава шестая

Я полусидел-полулежал в просторном кресле, смотрел в иллюминатор на белую пелену облаков и слушал музыку. Когда-то у меня был мини-дисковый плеер, на который я загонял любимые песни. Увы, мини-диски умерли... точнее, заканчивают вымирать, став уделом ретроградов, романтиков, скупердяев и консервативных журналистов. На смену им пришли МРЗ, просто файлы без всякого внешнего носителя. Закачал с пиратских просторов Интернета — и слушай сколько влезет...

Вот я и слушал, как обычно, включив случайный режим воспроизведения. Электроника выбрала группу «Оргия Праведников». Иногда мне кажется, что я все-таки непроизвольно влияю на ее выбор, уж слишком созвучны оказываются песни моим мыслям...

Удары сердца твердят мне, что я не убит,
Сквозь обожженные веки я вижу рассвет.
Я открываю глаза — предо мною стоит
Великий Ужас, которому имени нет.

Они пришли, как лавина, как черный поток,
Они нас просто смели и втоптали нас в грязь.
Все наши стяги и вымпелы вбиты в песок,
Они разрушили все, они убили всех нас...

Я посмотрел на Арину. Ведьма спала, то ли срубившись с приветственного бокала шампанского, то ли утомившись после неведомых мне ночных дел... то ли просто по привычке. Она по-прежнему выглядела красивой и молодой, вот только рот у нее по-стариковски приоткрылся и из уголка губ стекала на подбородок тонкая ниточка слюны.

И можно тихо сползти по горелой стерне,
И у реки срезав лодку, пытаться бежать.
И быть единственным выжившим в этой войне,
Но я плюю им в лицо, я говорю себе: «Встать!»

Удары сердца твердят мне, что я не убит,

Сквозь обожженные веки я вижу рассвет.
Я открываю глаза — предо мною стоит
Великий Ужас, которому имени нет.

Я вижу Тень, вижу пепел и мертвый гранит,
Я вижу то, что здесь нечего больше беречь.
Но я опять поднимаю изрубленный щит,
И вырываю из ножен бессмысленный меч.

Последний воин мертвой земли...

Я знаю то, что со мной в этот день не умрет,
Нет ни единой возможности их победить.
Но им нет права на то, чтобы видеть восход,
У них вообще нет права на то, чтобы жить.

И я трублю в мой расколотый рог боевой,
Я поднимаю в атаку погибшую рать,
И я кричу им — «Вперед!», я кричу им — «За мной!»,
Раз не осталось живых, значит, мертвые — встать!

Голос Сергея Калугина стих, я поставил плеер на паузу и разложил кресло поудобнее. Покосился на Арину. Рот она, к счастью, закрыла, но теперь у нее будто оплыли подбородок и щеки. Во сне иллюзия таяла... впрочем, нет, это не банальная «паранджа», которую практикуют ведьмы, это что-то куда более близкое к реальности... Но зато и удержать ее ведьме было труднее.

Как странно порой складывается жизнь. Сидишь себе в Москве, радуешься короткой командировке в Лондон — и вдруг тебя подхватывает вихрь событий и тащит на другой конец света, в экзотическую страну, про которую толком ничего и не знаешь... даром что половина компьютерных железок на моей памяти была произведена на Тайване.

И с кем! С бывшей ведьмой, ныне Светлой Иной. С той, с которой доводилось сходиться в смертельной схватке...

У меня вдруг заныло в груди. Это была не физическая боль, а четкое, пронзительное понимание того, что наш поединок с Ариной был не только в прошлом, но еще и предстоял в будущем.

Не предвидение, нет. Что-то другое. Будто в подсознании я уже понял все, что пока не сложилось, что торчит в памяти отдельными, случайными занозами. Будто все эти пророки, сны, видения, Тигры, ведьмы, Гесер и Завулон — все это слилось воедино... и дало результат, который мне совсем не нравится.

И во многом не нравится потому, что мне придется убивать. Или — быть убитым.

Да что же это такое! Дернуло же меня обратить внимание на ревущего мальчишку в аэропорту, прошел бы мимо...

Я болезненно сморщился. Прошел бы? И позволил бы ему умереть? И еще полутора сотням человек?

Нет, конечно.

Так уж в жизни устроено, что чья-то жизнь — это всегда чья-то смерть...

Тихонько прошла улыбающаяся хорошенькая стюардесса. Поймала мой взгляд, чуть склонила голову, взглядом вопросительно указала на пустой бокал на широком подлокотнике кресла. Я кивнул. Дождлся, пока она принесла коньяк, глотнул — так и оставаясь полулежа в кресле. Поспать бы... но сон сейчас не придет. Совсем с ума сойдут биологические часы, вначале из Москвы в Лондон, потом из Лондона в Тайбэй...

Почему я уверен, что мне предстоит сразиться с Ариной?

И не просто сразиться, а насмерть?

Да, она хоть и стала Светлой, но темнит... не хуже Гесера.

Да, какую-то информацию она мне открыла, но еще больше скрывает.

Да, она откуда-то знает то, что ей знать не следовало бы. Такое ощущение, что у нее есть источники информации в одном из Дозоров... я мысленно поставил в уме галочку — надо будет проработать этот вопрос. Конечно, на словах она Завулону ненавидит, да и цвет сменила... но как оно все на самом деле?

Но мы все, даже в отношениях с друзьями, что-то недоговариваем, а что-то скрываем. Не обязательно из дурных побуждений. Иногда проще и быстрее недоговорить, чем объяснять и убеждать.

Что меня смутило?

Арина клялась, что не влияла на меня. Я ей верю, и дело не только в клятве... с ее умением убеждать вовсе не нужно опускаться до прямого магического влияния на психику.

Но вся ее клятва относилась к прошлому. Она не сказала, что не будет причинять мне зло, что не попытается обмануть или сразиться. Мелочь, конечно... но если бы она не держала в уме такой возможности —

обязательно постаралась бы усилить клятву, сделать ее убедительнее.

Что-то еще?

Я глотнул жгучего коньяка. Попытался вызвать в памяти лицо Арины. Странно, перед мысленным взглядом она хоть и оставалась молодой, но глаза были старые, выцветшие... мудрые... и печальные.

Этот взгляд уже заглядывал в будущее.

Она знала, что наш союз недолог.

Или по меньшей мере всерьез это допускала.

Арина смотрела на меня как на того, кто ей симпатичен — но неизбежно станет врагом... и скоро, очень скоро.

Что ж... в эти игры можно играть и вдвоем.

Пока наши интересы сходятся.

Дальше — посмотрим.

Спать, конечно, не хотелось. Я включил встроенный в кресло развлекательный центр, полистал кинопрограмму, минут десять посмотрел какой-то фильм про борцов с вампирами, похихикал. С одной стороны — было очень смешно. Так у нас смотрят голливудские фильмы про Россию, так реальный врач смеется, глядя «Доктора Хауса», «Доктора Тырсу» или «Доктора Мартина». С другой стороны — ну ведь все не так! В последнее время классические байки про вампиров, боящихся святой воды, чеснока и креста, канули в Лету. Но вовсе не потому, что сценаристы поумнели. Просто на смену старым, немодным байкам пришли новые — с вампирами гламурными, загадочными, элегантными... Появились какие-то псевдонаучные объяснения — то в вампиризме виноват вирус, то в крови вампиров низкое содержание гемоглобина, то это мутация (на мутацию режиссеры вообще готовы списать все, что угодно)...

На самом же деле все гораздо проще. Первые вампиры, очевидно, были существами, получившими такую форму в Сумраке. Какой-то садомазохистский комплекс, скорее всего банальное расстройство влечения, но проявившееся не у человека, а у Иного. Думаю, ничего, кроме сексуального возбуждения, которое Иной получал, кусая симпатичных девушек и делая это благодаря вампирским способностям безнаказанно, изначально не было. Что поделать, Средневековье, нравы простые, это нынче для людей — любителей покусать друг друга существуют даже специальные клубы, а тогда дорога была одна — на костер. А вот дальше случилось странное. Кто-то из первых вампиров — возможно, они в своих преданиях хранят эту тайну, экспериментировал с составом токсина, который вампиры впрыскивают жертве. Стандартный вампирский укус ведь не убивает, а погружает жертву в блаженное и беспомощное

состояние. Впрыснув чуть больше яда, вампир вызывает у жертвы ретроградную амнезию. А вот еще чуть-чуть — и человек умрет. Даже не от потери крови, большинству вампиров необходимо всего двести — триста миллилитров раз в месяц, а просто от интоксикации...

Но однажды вампир втащил жертву в Сумрак. Какой-то вариант токсина, выработанный одним из первых вампиров, действительно убил жертву — но убил уже в Сумраке, где свои законы. И переставший жить человек не умер до конца. Трансформировался в нечто, способное существовать бесконечно долго, сохранив при этом разум, приобретя немыслимые способности к регенерации и частично обрета способности Иного — пусть даже изначально был их лишен.

Все дело в том, что эта версия токсина не убивала человеческие клетки — а лишала их способности к естественному обновлению, делению клеток, зато придавала совершенно немыслимые способности к внутриклеточной регенерации. Большая доза токсина «консервировала» человека практически мгновенно — юные вампиры оставались юными навсегда, любые повреждения в считанные минуты регенерировали. Доза поменьше превращала человека в вампира постепенно — дети выросли, молодежь старилась... пока токсин не побеждал окончательно и вампир застывал в одной форме, будто муха в янтаре. Без способностей Иного, без Сумрака вампиры не сильно бы выиграли от этого — теоретически вампир был бы не способен восстановить отрубленную конечность, любая полностью уничтоженная клетка умирала бы навсегда, заменить ее было бы нечем... Но вот тут-то вампирам и помогли их магические способности. При вхождении в Сумрак они создавали что-то вроде карты своего организма, сумеречной матрицы — и вот в Сумраке, сверившись с этой матрицей, они уже могли управлять своим телом в совершенстве: молодеть или стариться по желанию, менять внешность, отрачивать утраченные конечности... ну а самые опытные и сильные — даже менять форму на нечеловеческую.

Даже в этом пока не было ничего ужасного, скорее это отвечало вечной человеческой мечте о бессмертии. Разве что репродуктивная функция у законченных вампиров исчезала, но те, кто обратился не до конца, даже были способны размножаться...

Была лишь одна проблема. Вампиры уже не были живыми. Рост, размножение клеток — это суть жизни. «Законсервированные» клетки стали не живыми и не мертвыми. Они не излучали в Сумрак энергию, не вносили свой вклад в ту Силу, из которой черпают все Иные. И как следствие, не могли энергию воспринимать. Для того чтобы быть полноценным вампиром, потреблять Силу и не разваливаться на куски от

мелкой, неизбежной гибели отдельных клеток, вампирам нужны живые клетки. Пусть даже чужие.

Ими и стала кровь. Ее легче всего сохранять живой в вампирском организме... кстати, начинающие вампиры предпочитают пить кровь своей группы, с ней им легче работать. А жажда этой крови, стремление организма не умереть окончательно и трансформировалось в тот самый вампирский Голод, с которым так много проблем. Опытные вампиры могут с ним совладать. Новообращенные — не всегда... оттого и жертвы вампиров часто гибнут, выпитые насухо, хотя реально это вампиру не требуется и лишнюю кровь он все равно отрыгнет через несколько минут... Донорская кровь спасает, но не до конца — подсознание вампира все равно требует свежей, горячей, льющейся в рот прямо из артерий...

Было еще много всяких занятных вещей, связанных с вампирами. Некоторые из них, как ни странно, просочились в человеческую среду и нашли отражение в фольклоре. Например — Мастер вампиров. Если человек обращается в вампира постепенно, а большинство все-таки идут этим путем, то запас токсина в его организме тает, и ему нужна постоянная подпитка — новые укусы. Причем укусы именно того вампира, кто его инициировал. Иначе — смерть. Сформировавшийся до конца вампир в этом уже не нуждается, но по понятной любому политику причине опытные старые вампиры стараются не плодить количество законченных вампиров. Куда лучше держать свою стаю на коротком поводке, иметь реальную, абсолютную власть пусть даже над небольшой горсткой нежити...

У оборотней, кстати, биология очень схожа. Только они не пьют кровь, а жрут сырое мясо. Светлые, которые предпочитают называть себя перевертышами, едят звериное мясо. Темные — человеческое. На мой взгляд, тут тоже проблема в голове, а не в физиологии — Медведь рассказывал, что никакой разницы в притоке Силы он не ощутил...

Я, кстати, не стал тогда спрашивать, при каких обстоятельствах он пробовал человечину. Ходили слухи, что он когда-то был Темным. Ходили слухи, что он воевал в человеческой армии, что партизанил в Отечественную... и даже не факт, что в Великую. Ходили слухи, что наш научный отдел долго его изучал, а с них станется провести любой эксперимент...

Не уверен, что знание делает счастливым. Как правило, гораздо блаженнее те, кто не ведает правды.

Выходит, прав был Завулон, повторяя мне библейскую истину — «многие знания, многие печали»?

Нет, так думать тоже нельзя. Абсолютно все истины не являются

абсолютными.

Я улыбнулся своему мысленному софизму, потом решил, что это все-таки не софизм, а апория, точнее — почти классический «парадокс лжеца» Евбулида.

Некоторое время я размышлял о двоичной, троичной и многозначной логике, чему изрядно способствовал коньяк. Потом снова включил фильм. На экране герой убивал вампира. Вампир орал дурным голосом, изрекал туманные проклятия и упорно отказывался смириться с неизбежным.

Да о чем я вообще думаю? Кому это нужно? Парадокс лжеца и древний философ Евбулид, чья игра ума в свое время доводила несчастных греческих мудрецов до самоубийства? Кому вообще нужна логика — кроме горстки кабинетных ученых, которые превратят ее в разжеванную кашу из логических схем, из которых более практичные ученые соорудят языки программирования и математические модели, которые в итоге позволят еще более практичным программистам написать программы, которые дадут возможность совсем уж деловым режиссерам правдоподобно снять вот это вот тупое дерьмо, которое крутят в кинотеатрах и транслирует по телевидению по всему миру?

— Веселишься?

Я повернул голову, посмотрел на Арину. Кивнул:

— Да, немного. Какая все-таки потрясающая глупость — вся эта фэнтези.

Ведьма снова выглядела обворожительно.

— Я долго смеялась над «Ведьмой из Блэр», — согласилась Арина. — Но ты знаешь... после этого два дня спала с включенным светом.

— Ты? — поразился я.

— А чему ты удивляешься? Когда живешь одна, в лесу, в маленькой избушке, и посмотришь на ночь такие страсти...

Я только покачал головой. Хотя этот фильм я не видел, может, там и впрямь есть что-то страшное.

— Еще мне «Властелин колец» понравился, — продолжала делиться впечатлениями Арина. — Глупость, конечно, но какая чудесная сказка!

Тут я спорить не стал, у нас в дежурке «Властелин колец» крутили постоянно, это стало каким-то ритуалом, вроде как у космонавтов — посмотреть «Белое солнце пустыни», а у всего населения страны — под Новый год включить «Иронию судьбы». Фильм не то чтобы смотрели, скорее он шел каким-то фоном... но периодически начинались горячие споры — а каким заклинанием можно было бы вот так вот раскрутить противника и закинуть на вершину башни... реально ли создать амулет,

хотя бы имитирующий Кольцо Всевластия — чтобы и на носителя влиял, и уничтожить его было почти невозможно, и в Сумрак позволял входить без усилий... Как ни странно, но выход этого фильма внес кое-что новое в практическую магию — ведь всегда найдется упрямец, который не поверит, что «так сделать нельзя», и придумает, как это сделать можно.

— Тебе, наверное, все было в диковинку, когда проснулась? — спросил я.

— Конечно, — фыркнула Арина. — Ну... телевидение да компьютеры — это человеческие игрушки. Вот медицина меня удивила, да... Совсем было ведьм работы лишили.

— Совсем было? — уточнил я.

— Ну да. Хотя в тридцатые годы похуже было — пусть и врачи меньше умели, зато в знахарок почти не верили. Молодежь — так та в лицо смеялась. Сейчас ничего, сейчас нормально. Человек первым делом к экстрасенсу или целителю побежит, — насмешливо произнесла Арина. — А уж потом рентген или анализ крови сделает. Все молодым ведьмам на пользу, и потренироваться есть на ком, и заработок хороший. Шарлатанок только развелось... хрустальный шар на стол поставят, портьеры задернут, да и давай вещать замогильным голосом: «Я Элеонора, потомственная белая ведьма, целительница и предсказательница, владею картами Таро, древней тибетской магией и святыми заговорами, снимаю венец безбрачия, колдую на удачу...» И музыка зазывная играет, и лампочки разным цветом горят... А приглядишься — это всего лишь старая шалава Таня Петрова, сорок два года, выглядит на пятьдесят пять, у самой грудная жаба, молочница и вросший ноготь, раньше была комсомольской активисткой на вагоноремонтном заводе, теперь в ведьмы подалась...

Арина изобразила шарлатанку очень похоже, я улыбнулся. Сказал:

— Мы таких не трогаем. Они от Иных внимание отвлекают.

— Да знаю я, знаю, — вздохнула Арина. — Я тоже не трогаю... почти. Так... экзему какую-нибудь на нежные места напущу... иногда, в сердцах... в воспитательных целях. Порой уж невтерпеж хочется всерьез проучить... а потом подумаешь — что ж я делаю? В аду, может, в соседних котлах вариться будем, так я-то хоть за дело, а она за глупость и жадность!

Я почесал кончик носа. Разговор становился интересным.

— Ты серьезно веришь в ад?

— А как можно верить в Бога и не верить в дьявола? — спросила Арина. Причем произнесла это так, что сразу стало понятно — Бог для нее с большой буквы, а его оппонент с маленькой.

— В котлы и сковородки? — продолжал я интересоваться. — Извини,

если личный вопрос...

— Да нет, чего тут личного? — удивилась Арина. — В котлы, конечно, не верю, это фигура речи...

— А в сковородки? — не удержался я.

Арина улыбнулась.

— Тоже. Но система должна иметь обратную связь, должно быть вознаграждение за праведную жизнь и наказание за неправедную.

— Какая система?

— Взаимоотношений Творца с тварями. В смысле — с людьми и Иными. И если у людей выбор есть, так у нас, увы, нет — мы все виновны и обречены на адские муки.

Становилось все интереснее и интереснее.

— Ладно, ты веришь в Бога, это твое личное дело, — сказал я. — На самом деле это для Иных не то чтобы редкость... Но обычно придерживаются более... э... гуманной точки зрения на Бога.

— Как соотносятся Бог и гуманизм? — удивилась Арина. — Гуманизм — это человеческое. Ясно даже из названия.

— Допустим, но... Понимаешь, обычно считают, что Богу важны добрые дела людей, их поведение! Можно быть магом, Иным, но делать добрые дела...

— Противоречит правилам, — строго сказала Арина. — В Библии сказано ясно, никаких двусмысленных толкований быть не может: колдовство — это зло. «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам, не ходите и не доводите себя до осквернения от них...» Или вот, поконкретнее: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник, вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это, и за эти-то мерзости Господь изгоняет их от лица твоего...»

— Ты всегда была такая умная? — спросил я. — А чего тогда подалась в ведьмы?

— Какой выбор у крестьянской девчонки? — пожала плечами Арина. — Господин Якоб меня не спрашивал — ни когда юбку задирает, ни когда в Сумрак запихнул. А раз уж стала ведьмой, то пришлось ведьмой жить... этого не отмолишь.

— Никак? — не удержался я. — Что-то ты недооцениваешь милосердие Божье.

Арина пожала плечами.

— Может, ты и прав, — неожиданно легко согласилась она. — Только

я ж не только колдовала. Бывало, что и людей изводила... начиная с Якоба, учителя моего, а это уж совсем нехорошо — учителей убивать...

— Он же тебя изнасиловал! — возмутился я. — Несовершеннолетнюю!

— Тю... — махнула рукой Арина. — Вот невидаль. Вовсе не насиловал, а совратил. Леденец сахарный дал, между прочим. Не бил почти. А что совсем девчонкой была — так время ж другое было, тогда не на паспорт смотрели, а на сиськи — есть или нет. Не колдун Якоб, так пастух Ванька или барин Евграф Матвеич попортили бы...

Она секунду подумала и добавила:

— Скорее, Ванька, не так уж я и пригожа была, чтобы барин к себе вызвал.

— А я был уверен, что ты убила своего наставника именно за насилие, — сказал я. — Помнишь... ты же писала в объяснительной? «Стервец похотливый»... как-то так...

— Стервец похотливый! — поддержала меня Арина. — А кто ж еще? Я ему и стирала, и готовила, и в постели старалась изо всех своих девчоночьих сил! А он каждый месяц — то в бордель, то какую-нибудь светскую даму соблазнит... Я реву, кулачками его колочу, а он только руками разводит и говорит: «Майн либер Арина... пойми, что мужчина по природе своей животное развратное, склонное к победам на любовном поприще... Сплю я с тобой, ибо это полезно для обучения и воспитания, но нет в тебе ни тела, ни опыта, чтобы претендовать на все мое внимание...» Я, конечно, понимала, прав он. Но тут уж вроде отъелась на ученических харчах, грудь — во! Задница — во! И мужчину уже умела ублажить любым способом. А он все ходит и ходит налево! У меня день рождения был, тринадцать исполнилось, а он этот самый день в борделе провел! Ну... я и не выдержала. Вызвала его на дуэль, все по чести. Надеюсь, что он сдастся... пощады запросит... я бы простила. А он, видать, поверить не мог, что я сильнее его стала, дрался насмерть... ну и вот...

Арина вздохнула.

— Ты надо мной не издеваешься? — спросил я.

— Нет, с чего бы? — удивилась Арина. — Светлый, ты пойми, жизнь она сложная, не черно-белая, а цветная и в крапинку. Есть, конечно, и такие, что злодеи до глубины души, а есть и праведники во всем. Но такие долго не живут. А большинство — оно разное. В людях все намешано, а мы из людей вышли, и никуда нам от этого не деться... — Арина повернулась к проходящей мимо стюардессе и с улыбкой попросила: — Милочка, а подай-ка нам какой-нибудь еды, мне — шампанского, а кавалеру моему —

коньяка.

— Я не буду, — буркнул я.

— Тогда и ему шампанского, — не смутилась Арина.

Глава седьмая

Я был уверен, что нас начнут шерстить еще в аэропорту. Разумеется, паспортный контроль мы прошли без проблем — бдительные тайваньские пограничники увидели в наших паспортах несуществующие тайваньские визы, а умные компьютеры послушно проглотили их несуществующие номера. Этим занималась Арина — я, если честно, предпочел бы просто пройти сквозь контроль невидимым или через Сумрак. Но ведьма предпочла создать фальшивые въездные документы, проворчав: «Дабы форму не терять...» В самолете нам так и не удалось поспать, зато шампанского и коньяка мы выпили с избытком, глаза устали от просмотра кинофильмов... в общем — вид был еще тот. Мне лично ничего не хотелось, кроме как ввалиться в отель и уснуть.

Вслед за паспортным мы миновали и контроль для Иных. Опять же выглядел он на удивление дружеским — дорогу нам никто не перегораживал, просто еще в коридоре на подходе к паспортному контролю мы увидели различимый лишь Иными плакат, вежливо приглашающий Иных «посетить комнату контроля». Для людей плакат выглядел куда более устрашающе — он сообщал, что на Тайване за ввоз наркотиков положена смертная казнь, и если у вас в карманах завалялось что-либо сомнительное, лучше все выбросить в заботливо поставленную под плакатом мусорку...

— Какое удивительное доверие, — сказал я, пока мы двигались к «комнате контроля». — А если бы взяли и не пошли? Выход свободен.

Арина фыркнула. Недосып и похмелье сказались на ее характере не лучшим образом.

— Не будь остолопом, чароплет. Я уверена, за нами следили с момента выхода из самолета... точнее — с самолета.

— Да с чего бы? — поразился я.

— Наша стюардесса — светлая Иная. Слабая, седьмого уровня. Но мы же и не скрывались... И правильно делали, полагаю.

Комната контроля притаилась ближе к выходу, между туалетными комнатами и ларьком с сувенирами (не представляю, кто покупает сувениры, только что сойдя с самолета, но парочка таких странных людей у ларька стояла). Мы вошли в дверь и обнаружили небольшой и вполне уютный зал, с мягкой мебелью, крошечной барной стойкой, собственным сортиром и столом администратора (который по-русски обычно именуют ресепшеном, приделывая к английскому слову русское окончание). Честно

говоря, в данном случае получившийся двуязычный уродец был бы предпочтительнее — двух милых девочек за столом никак не хотелось называть «администраторами». Слишком уж казенное это слово в русском языке. Девочкам было от силы по двадцать лет, выглядели они еще моложе, обе были миленькие и улыбочивые — только одна Светлая, а другая — Темная.

Причем и в буквальном смысле — у одной были изрядно обесцвечены волосы.

В общем-то никто и не скрывал, что за нами наблюдали. Когда мы вошли, светленькая девочка как раз заканчивала наливать второй бокал шампанского. Арина усмехнулась, взглядом указывая на бутылку — я всмотрелся и понял, что это тот же самый сорт, что нам наливали в самолете.

— Приветствуем вас на земле Тайваня, — тем временем сказала темненькая, склоняясь в полупоклоне. — Выбрали ли вы гостиницу, в которой остановитесь, уважаемые Великие?

— «Шангри-Ла», — ответила Арина, принимая бокал.

— Вот карточка с адресом, которую нужно показать водителю. — Темненькая протянула ведунье бумажный прямоугольник. — К сожалению, не все водители знают английский язык...

— Мы Иные и можем... — начал было я, поражаясь нелепости ситуации — ведь мы разговаривали на китайском.

— Если вы заговорите на гоюю или тайваньском, водитель очень смутится. На карточке указана приблизительная стоимость поездки до гостиницы в новых тайваньских долларах. Если водитель потребует с вас большую сумму, заплатите, а потом сообщите об этом по указанному телефону.

— И что будет? — любопытствовал я.

— Его уволят, — прощebetала девушка. — А деньги вам вернут. Чувствуйте себя спокойно и радостно на гостеприимной земле Тайваня!

— Нам надо заполнить какие-нибудь бумаги? — спросил я.

— В этом нет необходимости, господин Городецкий, — ответила девушка на русском языке. Причем не просто на русском, освоенном магическим образом. В ее голосе было чуть-чуть, в самую меру для пикантности, акцента — и совершенно явный московский выговор.

Интересно, если бы я был из Питера, меня встретила бы девушка, стажировавшаяся там?

С некоторым смущением я отпил шампанского, принял карточку, слегка поклонился девушке (и откуда взялись такие манеры?), после чего

мы с Ариной вышли.

— Хорошо работают, — одобрительно сказала Арина.

— Мне нравится их подход к таксистам-хапугам, — кивнул я.

— Разумеется. Хотя надо заметить, что зачастую один такой таксист, работающий в Тайбэе, кормит половину своей горной деревушки. Искушение ободрать туриста велико... но я согласна. Обижать туристов нехорошо. Особенно если туристы — это мы.

— А ты заметила, что у них не просматривается уровень Силы? — спросил я. — Конечно, я активно не сканировал...

— У Светлой — третий, — высматривая машину, ответила Арина. — А Темная молодец, хорошо закрывалась, у нее какой-то интересный амулет из водорослей и рыбьей кожи... я ее тоже не пробила... Пошли, вон стоянка такси.

Насчет аэропорта я ошибся. Серьезный разговор нас ждал в гостинице.

Мы заселились в соседние номера (Арине хватило деликатности не предлагать поселиться вместе), я с любопытством оглядел номер, постоял минуту у огромного, во всю стену, французского окна, за которым наливался огнями вечерний Тайбэй. Зрелище было потрясающее. И вовсе не из-за небоскребов, хотя прямо перед гостиницей вонзался в небо почти пятисотметровый небоскреб, некогда самый высокий в мире, похожий одновременно и на китайские пагоды, и на какой-то экзотический фрукт. В Нью-Йорке, Шанхае или Гонконге небоскребов побольше.

Здесь потрясал контраст. Тайбэй был городом не слишком высотным, повсюду тянулись целые кварталы зданий не выше трех-четырёх этажей. Казалось бы, отдельные высотные здания должны выглядеть здесь чужеродно.

Но контраст был на удивление гармоничным. Старый, жмующийся к земле город казался подлеском, из которого вырастали небоскребы. Невысокие и не слишком-то современные здания совершенно не стеснялись своего вида — напротив, будто гордились тем, что из них поднимаются сверкающие современные строения...

Мне невольно вспомнились шумные кампании протеста, которые бурлили в Санкт-Петербурге, когда там задумали построить небоскреб. Все эти истеричные вопли о порушенной культурной среде, об искажении чудесной линии горизонта, о том, что под небоскребом могут быть похоронены уникальные руины семнадцатого века, а может быть, даже стоянки первобытных людей...

Нет, конечно, питерский менталитет — он особенный, взращенный

болотами и сырым, пронизывающим ветром. Но я бы с удовольствием отправлял всех митингующих пожить месяц-другой в старой питерской коммуналке с заплесневелыми стенами и узенькими оконцами. А уже потом предлагал им проголосовать — надо ли и можно ли строить в старинном городе современные здания.

Ведь любовь к своей стране — она не только в том, чтобы сохранить побольше старинных развалюх. Иначе Северная Америка жила бы в индейских вигвамах и бревенчатых домах первых поселенцев; Лондон сплошь состоял бы из викторианских и эдвардианских зданий, таких милых взгляду туриста, но не очень-то удобных внутри; ну а про Африку и Азию можно вообще не говорить...

Я смотрел на растущие небоскребы и думал, что начинаю чуть больше понимать китайцев. Что живущих на материке, что на острове.

И даже немного завидую.

Открыв чемодан, я достал чистое белье, прошел в ванную комнату. Все было очень стильно. Даже маленький телевизор стоял на полочке рядом с раковиной. Дорогая штука, все эти телевизоры для ванных комнат нуждаются в изоляции от влаги и стоят бешеных денег. Я когда-то хотел такой в ванной повесить, чтобы смотреть новости, пока умываюсь, бреюсь и чищу зубы, но цена меня изрядно смутила...

Я приподнял телевизор — он был совсем миниатюрный, дюймов двенадцать, легко можно взять одной рукой. Повернул.

Сзади, за обычным дырчатым пластиковым кожухом, поблескивали микросхемы. Это как же так? Постояльцы моются, расплескивают воду, принимают горячий душ, заполняя ванную клубами пара, — а тут стоит неизолированный телевизор? Да он же сгорит! Может, год выдержит — и сгорит! Почему же не поставили дорогой, но специальный?

Да по той же причине, почему не сносят старые дома, пока они не разваливаются сами, шепнул мне внутренний голос. Специальный телевизор будет стоить две тысячи долларов. Такой вот — от силы сто. Не проще ли менять его раз в двадцать лет, чем вкладываться в стремительно устаревающую технику?

Я поставил телевизор на место, включил Би-би-си и полез под душ, понимая, что опять понял что-то интересное и при всей своей простоте безумно далекое от нашего российского менталитета. У нас бы телевизора не было, или был бы, но безумно дорогой, и цена номера взлетела бы раза в полтора. У нас не любят одноразовых вещей. У нас еще помнят, как чинить нейлоновые колготки, стирать пластиковые пакеты и ходить за молоком с бидоном. У нас пустой коробочке из-под йогурта найдут массу применений

— начиная от выращивания рассады и кончая емкостью для хранения мелочи.

В чем-то тут Россия невольно оказалась идущей в ногу с западными странами, внезапно помешавшимися на экологии, экономии и вторичном использовании ресурсов. Но только не из-за популярности «зеленых» движений, а из-за многовековой привычки экономить. Но вот только у нас, как это часто бывает, все доводят до крайностей, притом в обе стороны — одни и те же люди штопают чулки и покупают дорогие машины и бытовую технику...

Интересно, это все-таки наш плюс или минус, поливая себя из душевой лейки, думал я. Вот возьмем этот душ. Лейка не дешевая, скорее — дорогая, с тонюсенькими дырочками для воды и клапаном подсоса воздуха. Баловство? Не совсем. В этом душе воды утекает раза в два меньше, чем в моем, в Москве. А то, что вода стоит денег, и немалых, мы поняли только сейчас — никто не ценит то, что имеет в избытке, так и мы, русские, никогда особо не ценили и не берегли свои леса, реки, природу... да и самих себя в общем-то. Анекдот «Этих детей отмоем или новых нарожаем?» — это ведь тоже про нас, только детей-то мы все-таки бережем... а вот себя — нет. Что же должно с нами случиться, чтобы мы поняли — надо беречь то, что мы имеем, каждое дерево в бескрайнем лесу, каждую речушку, что и на карту-то не наносят, каждое село в пять дворов, каждого солдата, призванного в армию, каждого обывателя, уныло тянущего свою лямку... Что нас должно и может изменить? Нас не изменил коммунизм — он ценил людей больше на словах, да и то не всех, да и то лишь как винтики единого механизма. Нас не изменила демократия, она, напротив, дала всем свободу ненавидеть друг друга. Что же нам нужно? Может быть, как евреям тысячи лет назад — только боль и смерть, потеря государства и расселение по миру, презрение других народов и гонения — может быть, только это позволит русскому этносу опомниться и вновь собраться воедино? И собраться уже не так, как собирался раньше — не считая потерь и не признавая цены за победу? А на каком-то другом уровне? Всем великим народам рано или поздно приходится проходить через катастрофы, через свои национальные холокосты... это помнит Китай, умирающий от опиума и раздираемый на части, это помнит Германия, прошедшая через поражение в двух войнах и позор нацизма, это должна бы помнить и Россия, прошедшая сквозь братоубийственные революции и жестокие войны...

Но почему-то не помнит.

Я выключил воду, посмотрел на бормочущий телевизор.

Вот зато чего мы, русские, никогда не упустим — так это из-за любой ерунды вроде дешевого телевизора или душевой лейки предаться размышлениям о судьбах Отчизны и мироздания. Это у нас всегда хорошо получается.

Обтеревшись и набросив халат, я вышел из ванной комнаты. И тут же тихонько звякнул звоночек у двери.

Почему-то я был уверен, что это не Арина.

И, в общем, даже не собирался ломать комедию и интересоваться, кто ко мне пожаловал.

— Прошу вас, господа, — сказал я, открывая дверь.

Господ оказалось двое — молодой мужчина, пожилой мужчина. А еще была дама средних лет.

Все трое были Иными, причем все Светлыми. Ауру они вежливо не маскировали. Пожилой мужчина — волшебник, четвертый уровень. Молодой мужчина — волшебник, второй уровень. Женщина — предсказательница, первый уровень. Ого. Не думаю, что в тайваньском Дозоре полным-полно первых и вторых уровней Силы. Значит, к моему неофициальному визиту отнеслись со всей серьезностью и подобающим уважением.

— Вы позволите войти, Антон Сергеевич? — вежливо поинтересовался молодой мужчина. И, не дожидаясь разрешения, продолжил: — Вы можете звать моего спутника Уважаемый господин Паша, мою спутницу — Уважаемая госпожа Лена, а меня — Петя.

— Проходите, Паша, проходите Лена, ну и вы, Петя, тоже проходите, — ответил я и посторонился. Разумеется, русские имена были традиционной китайской данью вежливости — американцу они бы представились как Джон, Джим и Джил, к примеру. — Ничего, что я в халате? Помылся с дороги.

— Это очень хорошо, — одобрил Петя, пока его спутники входили и рассаживались в кресла. Я вдруг только теперь понял, что в номере явно многовато кресел — целых четыре. Даже было заметно, что два из них чуть-чуть отличаются цветом обивки и стоят на не слишком удобных местах, в проходе. — В здоровом теле — здоровый дух.

— Как говорят у нас, в России, «на самом деле — одно из двух», — кисло пошутил я.

— Ошибаются, — сказал Петя, дожидаясь, пока я сяду. Я сел и мысленно выругался — хотелось принять нарочито небрежную позу, заложить ногу за ногу, но в халате это было невозможно.

На что, конечно, и был расчет.

Ладно, потерпим. Не будем мудрить, превращая халат в костюм или телепортируя на себя собственную одежду. Это будет слишком нарочито.

Убедившись, что все расселись, Петя и сам присел на край кресла. Посмотрел на Пашу. Поинтересовался:

— Удачным ли был ваш перелет? Не возникло ли проблем в дороге? Понравился ли вам аэропорт? Успели ли вы насладиться архитектурой и колоритом Тайбэя?

— Да, нет, да, нет, — ответил я. — Как здоровье моих уважаемых гостей? Ликвидированы ли последствия недавнего тайфуна? — Честно говоря, я не знал, когда тут был тайфун и насколько сильный, но они на Тайване непрерывно случаются. — Не шалят ли Темные?

Пожилой мужчина неожиданно улыбнулся.

— И виды на урожай риса и чая у нас тоже хорошие, — кивнув, произнес он. — Хорошо, Антон, оставим пикировку. Визит сотрудника русского Дозора такой силы — заметное событие на нашем маленьком тихом острове. Мы хотели бы поинтересоваться, что привело к нам вас... и вашу столь неожиданную спутницу.

Я помолчал.

Почему-то мы с Ариной совершенно не обсуждали такую ситуацию — хоть и понимали, что без внимания наш приезд не останется.

— Это не командировка, — сказал я. — Это частный визит.

Пожилой кивнул и выжидающе посмотрел на меня.

— В Москве произошли некоторые события... некоторое время назад... — осторожно продолжил я.

— Мы знаем, — сказала женщина. Но уточнять ничего не стала.

— Поскольку я оказался лично к ним причастен, я глубоко переживал случившееся, — ловя себя на каком-то азиатском построении фразы, продолжил я. — Встретившись в Лондоне с уважаемой ведуньей Ариной, я услышал от нее, что эта история, как часто бывает, уже когда-то случалась... и многоуважаемый господин Фан Веньян, служащий в Императорском музее «Гугун»... Национальном Императорском музее «Гугун»... — поправился я, — может пролить свет на ту давнюю историю...

Тайваньцы переглянулись.

— Ваша спутница разыскивается Инквизицией и вашим собственным Дозором, — сказал Паша. — Вас это не смущает?

— Как Высший Ночного Дозора я имею право на выбор тактики своих действий, — осторожно сказал я. — К тому же в данный момент наши с ней интересы совпадают. Ну а что касается Инквизиции... я, увы, не могу

гарантировать задержание ведуньи Арины. Она владеет Минойской Сферой и в любое мгновение может исчезнуть в неизвестном направлении. Телепортацию с помощью этого артефакта нельзя прервать или отследить, — на всякий случай добавил я.

— Мы в курсе, — кивнул Паша. — Мы признаем... ваше право на визит.

— И ваше право на выбор тактики, — добавила Лена.

— И на разговор с господином Фан Веньяном, — вставил и свои три копейки Петя.

— Но любое несанкционированное использование магии против Иных или людей Тайваня будет караться со всей строгостью закона, — продолжил Паша.

— Даже если вы будете спровоцированы, в опасности или лишь косвенно виновны, — уточнила Лена.

— Господин Фан Веньян сам примет решение, общаться с вами или нет, — вы не должны ему докучать, — присовокупил Петя.

Что ж, все справедливо. Честность оказалась лучшей политикой.

Помедлив, я кивнул:

— Благодарю вас, коллеги. Я не надеялся и не рассчитывал на столь радушный прием и великодушные условия. Разумеется, мы не собираемся нарушать ваши порядки и обычаи, равно как докучать или иным образом беспокоить Иных и обычных граждан Тайваня.

Паша улыбнулся.

— Мы все граждане Тайваня, господин Городецкий. В том числе и Иные, Светлые и Темные. Позвольте еще раз приветствовать вас на нашем острове и... в вашей сумке я чувствую несколько артефактов, один из которых вызывает у меня особый интерес. Могу ли я его осмотреть?

Особый интерес?

В чемодане у меня ничего магического нет, разве что сам чемодан заколдован. В сумке... так, там расческа, подаренная Светланой на день рождения, ничего особенного, просто чтобы волосы хорошо росли и прическа держалась... несколько пузырьков лечебных зелий, от нее же... магический эквивалент обезболивающих и антацидов... самый обычный серебряный перстень с кусочком янтаря, где накоплено немного Силы, — тоже подарок, только это дарила Ольга после одной операции... ничего необычного, такие кольца носит каждый второй Иной...

— О каком артефакте речь? — уточнил я.

— Он имеет вид кубка, — любезно пояснил Петя.

Вот оно что...

Я прошел к сумке, достал кубок Эразма и протянул Пете. Тот убрал руки за спину.

Кубок взял Паша, деликатно сделав вид, что не заметил мою оплошность. Или это не было оплошностью? Кому я должен был подать артефакт — самому сильному из них, в знак уважения, или самому слабому, чтобы тот проверил его на опасность и передал начальнику?

Как же трудно с этими китайскими правилами вежливости!

Паша взял кубок, покрутил в руках. Потом посмотрел на меня.

— Вы знаете, как им пользоваться, Городецкий?

— Нет.

— А вы уверены, что хотите это узнать?

— Да, — ответил я не колеблясь.

Но Паша ничего не стал мне объяснять. Смотрел на кубок, поглаживал его сухим цепким пальцем, будто вел беседу... Может быть, он досказатель? Редкая специализация — извлекать информацию из прошлого, используя предметы...

Потом Паша посмотрел на Лену. Та пожала плечами. Потом на Петю. Тот кивнул.

— В этом сосуде горечь и печаль, Городецкий, — сказал Паша. — Ты должен это знать, если захочешь из него испить.

— Мы знаем, как пробудить пророчество, — подтвердила Лена. — Это просто.

— Но мы не скажем этого тебе, — заключил Петя. — Мы не хотим быть ответственны за возможные последствия.

Они поднялись одновременно и направились к дверям. Первым вышел Петя и встал в коридоре, придерживая дверь, потом Лена. Паша задержался на миг и посмотрел на меня. То ли с симпатией, то ли с сочувствием.

— В Европе принято думать, что всегда и везде есть как минимум два пути, причем один из них — хороший. Мы, в Азии, знаем, что путей может не быть вообще, а может быть бесчисленное множество. Но это не значит, что хотя бы один путь окажется хорошим.

— Я в России живу, — ответил я. — Это и не Европа, и не Азия. Путей у нас вообще нет, только направления, но нас это никогда не смущало.

Паша приподнял бровь, обдумывая мои слова. Потом улыбнулся, кивнул и вышел.

Дверь за ним закрыл Петя.

Сбросив халат и торопливо одевшись, я уже через минуту стучался в соседний номер. Дверь со щелчком открылась, хотя Арина стояла у окна,

глядя на Тайбэй.

— К тебе заходили? — спросил я.

— Только что вышли, — ответила Арина не оборачиваясь. — Паша, Лена и Петя. Четвертый, первый, второй уровень, Светлые.

— Забавно, у меня тоже были они, — сказал я. — И тоже только что вышли.

— Детские фокусы, — обронила Арина пренебрежительно. — Полагаю, разговор у нас состоялся также идентичный.

— Наверное, — согласился я. — Тебя не пытались арестовать?

— Я объяснила, что это бесполезно, — ответила Арина. — Впрочем, они и сами это видели... Ну что... пойдём к Фану?

— Я отведу тебя в музей, сказала мне сестра, — пробормотал я. — Стоит так спешить? Я бы предпочёл нормально поесть, отоспаться, а встречаться уже завтра.

— Давай, — легко согласилась Арина. — Тут несколько хороших ресторанов, прямо в гостинице. Или можно поехать в город... Я тебе уже говорила, что тут не отравишься?

— Говорила, — ответил я. — Тебя что-то печалит?

Арина посмотрела на меня и снова повернулась к окну.

— Время, Антон, время... Я смотрю, как изменился город. И понимаю, как изменилась сама. Старая карга, которая выглядит молодой... крепкая, здоровая, вечная, но — старая карга.

— Мне жаль, — сказал я. — Почему у вас, ведьм, все именно так? Иной, если у него хотя бы пятый уровень, может поддерживать свое тело молодым...

— Мы ведьмы, — ответила Арина, будто это было объяснением. Помолчала и все-таки добавила: — Мы берем Силу чуть иначе. Берем ее от земли, ветра, рек... Природа не умеет быть вечно юной, Антон. Природа была древней, когда люди еще не отличались от животных. Горы стареют и осыпаются, реки меняют берега, землю уносит ветер... Так и мы. Наверное, теоретически бессмертны — как все Иные. Но стареем, хоть и медленно. Очень обидно, чароплет... я вспоминаю, как в этом самом городе пила сладкое сливовое вино и целовалась с любовником... одним из тысяч, которые у меня были. Но я тогда была еще молодой. И город был другим. И жизнь казалась ярче.

— Но разве он стал хуже?

— Даже Москва хуже не стала, а уж как старались последние годы, — фыркнула Арина. — Нет, не хуже, просто чужим. И от этого щемит мое старое сердце.

Мне стало неловко, будто я невольно заглянул в щелочку и увидел что-то, вовсе мне не предназначенное.

— Пойдем отведаем китайских деликатесов, — встряхнувшись, сказала Арина и отвернулась от окна. — Потом я намерена посетить спа-салон, но ты вряд ли составишь мне компанию?

— Да уж вряд ли, — кивнул я.

— А то смотри, тут предлагают скидку на двоих, — усмехнулась Арина. — Джакузи с видом на ночной город, массаж, ароматные масла...

— Уйди, развратница, твои противны ласки... — продекламировал я, переиначивая Козьму Пруткова. И тут же сообразил, что в данном случае это было более чем неуместно.

— Не так, Антон. «Отстань, беззубая! Твои противны ласки! С морщин бесчисленных искусственные краски, как известь, сыплются и падают на грудь. Припомни близкий Стикс и страсти позабуди!»

— Извини, — пробормотал я.

— Ничего, — усмехнулась Арина. — Я не греческая старуха, а самая что ни на есть русская. Да, старуха. Но со своими зубами, хочу заметить! А с выводом не спору: «Сожженной в порошок, тебе бы уж давно во урне глиняной покоиться должно».

— Арина, я приношу свои извинения.

Арина снова ухмыльнулась.

— Да ладно. Спасибо, напомнил мне Володю...

— Какого Володю?

— Ну не Путина, конечно. Жемчужникова Володю, поэта...

— Одного из авторов Пруткова? — Я всмотрелся в мечтательную улыбку Арины. — У тебя что, и с ним роман был?

— Про персоны известные и исторические я анекдотов не рассказываю, — отрезала Арина. — Не так воспитана. Могу рассказать про одного графа, не называя его имени, вот был затейник! Приехал раз ко мне в экипаже, абсолютно голым и с букетом белых роз преогромнейшего размера. Ну, кучера-то он, понятно, не стеснялся, а я жила уединенно. И входит без доклада — а у меня как раз его жена сидит, мне же и жаловаться пришла на распутство мужа...

— Убежден, что это не могло быть случайным совпадением, — негромко заметил я.

— Ну так что придумал, затейник, когда оценил конфуз, — продолжала Арина. — Букет к ногам жены бросает и, не глядя на меня, кидается на супругу, аки дикий зверь. И кричит: «Что ты со мной сделала? Приворожила! Только о тебе думаю, в карете одежды сорвал!» Та, дуреха,

поверила. С пальца сняла перстень с чудесным рубином, мне в ладонь вкладывает, шепчет: «Спасибо, волшебница!» Мужа в скатерть завернула и потащила домой. Ну а он мне, понятное дело, на следующий день браслет в пару к перстню прислал... сам уж не являлся, кобелина.

Довольная своим рассказом, Арина умолкла.

— Еще раз убеждаюсь, что ведьмы смотрят на мир под своеобразным углом, — сказал я.

— Не ведьмы, а женщины, не на мир, а на мужчин, — усмехнулась Арина. — Ладно, идем. Не буду тебя соблазнять, тем более на тебе заклятие, женой наложенное...

— Ты уже признавалась, что это вранье, — заметил я.

— Да? Совсем стара стала, — вздохнула Арина.

Глава восьмая

В чемодане среди чистого белья я нашел плавки и некоторое время их задумчиво разглядывал.

В общем-то Тайвань никогда не был в моих представлениях морским курортом. Но ведь это же остров. И на юге.

Неужели Света предчувствовала, что я доберусь до моря? Интересно, как оно здесь называется — Желтое, Китайское, Японское... До сих пор мне удавалось поплавать только в Черном и Средиземном.

Но как-то сомневаюсь, что судьба подкинет мне такой приятный сюрприз... Гостиница, музей, вот все мои развлечения...

Гостиница! Ну конечно же. Это ведь пятизвездочный отель, а значит...

Через пару минут я стоял в лифте, одетый в халат поверх плавков и отельные тапочки. А еще через две минуты лежал в прохладной воде и смотрел в небо.

Бассейн в отеле был на крыше. Огромный, глубокий и совершенно пустынный — то ли ранний час, то ли занятость всех без исключения постояльцев были тому виной. Только в круглой чаше джакузи, врезанной в угол бассейна, возлежал толстяк европейской внешности и благодушно взирал на меня. Наверное, правильно было бы начать носиться по водной глади, вспарывая ее бодрым кролем, упорным брассом или энергичным баттерфляем. Может быть, мой пример заставил бы упитанного постояльца заняться спортом, обрести прекрасную фигуру и в итоге полностью изменил бы его жизнь.

Но я и сам умел плавать только одним стилем, который в мое детство называли «лягушачьим», а по сути был самым примитивным брассом, известным человечеству со времен неолита.

К тому же мне было лениво.

Я поплескался в бассейне, глядя в чистое голубое небо. Начало сентября на Тайване достаточно жаркое время, да и дожди случаются часто. Но сегодня утром было на удивление прохладно и одновременно солнечно.

Хорошо бы задержаться здесь на несколько дней... Или нет, лучше приехать сюда с женой и дочкой. Посмотреть на чужую природу, культуру, попробовать местные блюда, действительно искупаться в море... Как жалко, что Светлана не хочет возвращаться в Дозор. С ее способностями...

Я вздохнул и выбрался из воды. Пора завтракать и искать Арину; вряд

ли ведьма настроена спать до полудня.

В музей мы поехали на такси, хотя я и предлагал ознакомиться с тайваньским метрополитеном. Он располагался за городом, и мы ехали по какой-то скоростной трассе, минуя и новые, и старые кварталы. Я с любопытством смотрел в окно.

— Тебе надо больше путешествовать, Городецкий, — сказала Арина, поглядывая на меня. — Иначе в командировках внешнее будет отвлекать тебя от сути.

— Все как-то не складывается, — признался я.

— Бери пример с начальства, — продолжала Арина. — Вот Гесер, к примеру. Родом с Тибета. Работал на территории современного Китая и Индии. Потом — в Европе, в Голландии.

— Да? — удивился я.

— Конечно. Давно, правда. Потом перебрался в Россию. Питер, Москва... Осел в Средней Азии. Теперь снова в Москве. Интересно, куда его занесет дальше.

— Мне кажется, Гесер уже охладел к перемене мест.

Арина рассмеялась.

— Ну что ты, Антон. Пока работать интересно, Гесер сидит на месте. А потом — уходит.

— У нас ему скучать некогда, — буркнул я. Сама мысль о том, что Гесер может уехать из Москвы куда-нибудь во Францию или Китай, назваться Антуаном Гесером или Ге Се Ро, казалась полной дичью.

— Пусть так, — легко согласилась Арина. — Пусть так...

Наша машина с водителем-тайваньцем, молчаливым, но постоянно оборачивающимся и дружески улыбающимся нам, миновала какой-то туннель, свернула направо. Мы подъехали к музею, точнее, к парковочной площадке, за которой начинался парк, а уже дальше на фоне холмов виднелись здания — современные, но в традиционном китайском стиле, с крышами-пагодами, желто-бирюзовых цветов.

Арина расплатилась с водителем, что-то коротко сказала ему, вызвав одобрительный смех, мы купили входные билеты и двинулись через парк по широкой аллее. Посетителей было изрядно — и туристы-европейцы, и туристы-азиаты, и сами тайваньцы — в первую очередь представленные школьными экскурсиями.

— Надеюсь, господин Фан сегодня на службе, — сказал я. — И что нам не придется обойти весь музей в его поисках... хотя... в общем-то я не против посмотреть на сокровища. Не знаешь, магических артефактов среди

них много?

— Не очень, — покачала головой Арина. — Китайцы традиционно разделяли прикладное искусство и магию. Самые интересные их магические артефакты выглядят абсолютно банально... палочки для еды, к примеру, невзрачный веер, или свиток из бамбуковых планочек...

Я вдруг заметил, что навстречу нам целеустремленно движется молодой китаец. Не то чтобы поток шел исключительно внутрь музея, но этот парень явно нацеливался на нас.

— А это не Фан? — спросил я.

Ответить Арина не успела. Парень остановился перед нами, едва заметно склонил голову:

— Господин Антон, госпожа Арина. Господин Фан Веньян просит вас ожидать его в парке «Чжишаньюань», в Беседке Орхидей. Господин Фан Веньян считает, что красота этого места благотворна и воодушевляюща для столь лестной для него встречи. Господин Фан Веньян просит вас следовать за мной.

Говорил юноша по-китайски, а ко всему еще и не был Иным. Еще раз поклонившись, он двинулся по аллее, даже не глядя, следуем ли мы за ним.

Мы с Ариной переглянулись.

— А еще господин Фан Веньян считает, что в случае каких-либо непредвиденных ситуаций им лучше случиться в парке, а не в здании, среди драгоценных экспонатов, — усмехнулась Арина. — Что ж, невежливо отвергать приглашение...

Свернув с аллеи, мы двинулись направо, в парк. Честно говоря, это было не менее занимательно — парк был разбит вокруг прудов, по всем правилам искусства (не знаю, приложимо ли здесь затасканное слово «фэншуй», но какая-то четкая структура в планировке явно была). Пруды покрывали цветы, в которых я с некоторым сомнением признал лотосы. Пастораль была настолько идиллическая, что казалась ненатуральной: то ли ожившей картиной, то ли какой-то виртуальной реальностью из фантастических книжек.

Метров за двадцать от красивой беседки — действительно утопающей в орхидеях и выполненной, разумеется, все в том же китайском стиле — юноша остановился. Посмотрел на нас и серьезно сказал:

— Дальше я идти не могу, простите.

Я понимал, почему он не может провожать нас дальше. Над беседкой висела Сфера Невнимания — одно из простейших, но абсолютно эффективных в отношении людей заклинаний. Беседку в принципе гуляющие продолжали видеть, но взглядов на ней никто не задерживал и

подойти ближе не пытался. Незатейливый, но действенный способ избавиться от лишних глаз и ушей.

— Спасибо, — сказал я, и мы с Ариной прошли в беседку.

К беседе все было подготовлено. Стоял изящный столик, на котором дожидался нас чайник, чашки, засахаренные фрукты и еще какие-то местные сладости. На скамейки были заботливо подложены мягкие красные подушечки. Помимо Сферы Невнимания я обнаружил еще пять заклинаний, все — для предотвращения подслушивания и подглядывания со стороны Иных, еще одно от людей — только не отвлекающее внимание, а мешающее произвести фото или видеосъемку, и одно непонятной структуры. Вначале я заподозрил, что оно влияет на психику сидящих и их зрение, но немного разобравшись, понял, что оно достаточно безобидно. Весь его эффект заключался в том, чтобы и без того замечательный вид вокруг был еще замечательнее, а также пробуждал в душе легкую грусть и умиротворение при виде природы. Я подумал и позволил заклинанию подействовать на меня. Очень изящная и приятная магия.

— Вот затейники, — беззлобно сказала Арина, оглядывая беседку. Она явно занималась тем же, чем и я, — распутывала сеть заклинаний. — Сколько углядел?

— Два от людей, пять от Иных, одно для нашего удовольствия. Очень забавное заклинание, все такое китайское... на воздух, воду и землю...

— Верно, — с заметным огорчением признала Арина, искоса поглядывая на меня. — Так и есть. Хороший ты чароплет, Антон...

— Спасибо.

— Не говори спасибо, когда ведьма хвалит... — неожиданно сказала Арина. — Примета плохая.

Я посмотрел на нее.

— Нервничаешь?

Арина кивнула.

И в этот момент откуда-то из-за деревьев появился и направился к нам пожилой тайванец. Невысокий, плотный, улыбчивый — он походил на какую-то из инкарнаций Будды. Светлый, четвертый уровень Силы, похоже, ни на какой стороне магии не специализируется, практикует все понемножку...

— Господин Фан... — Я встал, поклонился. Арина, к моему удивлению, тоже поднялась и вполне искренне склонила голову.

— Оставьте-оставьте! — замахал руками Фан. — Не надо этих восточных церемоний! Поверьте, это все излишне, мы цивилизованные Иные, живем в двадцать первом веке...

Он поднялся в беседку, крепко пожал мне руку, приложился губами к ладони Арины, потом с искренним удовольствием огляделся.

— Ах, как я люблю это место! И так редко выпадает возможность просто посидеть в тишине и покое в приятной компании... Вы будете пить чай? Мы, тайваньцы, помешаны на зеленом чае. А у вас больше пьют черный, верно? С молоком? Или это англичане с молоком?

— У нас пьют и зеленый, и черный, и с молоком, и с лимоном... — сказал я.

— С молоком и лимоном? — Лицо Фана передернулось. — Одновременно?

— Нет, ну что вы. — Я невольно начал расслабляться. — Либо так, либо эдак. У нас все очень по-разному.

— Прекрасно! — расцвел Фан. — Это взаимообогащение культур, влияние и слияние обычаев, это чудесно. Мне вообще очень нравится Россия, я люблю читать Достоевского и смотреть русские фильмы.

Последнюю реплику я все-таки счел восточной вежливостью и не стал интересоваться, какие русские фильмы он видел. Мы сели, и господин Фан самолично налил нам чай.

— Что привело вас на Формозу в эти прекрасные дни начала осени? — продолжал Фан. — Помимо простого интереса к нашим краям? Нет-нет, не отвечайте, позвольте мне догадаться самому!

Мы позволили. Фан несколько мгновений размышлял, крошечными глотками отпивая чай, потом воскликнул:

— Я понял! Тигр! Я слышал о той схватке, которую выдержал московский Дозор!

— Тигр, — признал я. Честно говоря, та жизнерадостная комедия, которую разыгрывал Фан, была немногим лучше, чем столь же комедийно обставленный визит в гостиницу. Но она все-таки смотрелась как-то веселее и жизнерадостнее.

— Ужасное... э... существо, — сказал Фан. — Не уверен, что слово «существо» подходит, вряд ли Тигр имеет сущность в нашем понимании. Но ведь надо как-то его называть?

— Вы уже сталкивались с ним, — сказала Арина. Это не было вопросом, но Фан закивал головой.

— Да, да, да... Старая и тяжелая история. Восемьдесят с лишним лет назад... — Он на миг замолчал, и сквозь напускную веселость проступило что-то искреннее. — У меня был друг. Очень хороший друг, мы были неразлучны. В наше время сочли бы, что мы любовники, а тогда это никому и в голову не приходило... включая нас самих. Но в духовном плане мы

были очень близки, ближе чем супруги или братья.

Фан отставил чашечку и посмотрел на Арину.

— Он был пророк, и его первое предсказание слышал только я. Часто пророки забывают то, что пророчат, и вспоминают только через какое-то время. Но Ли помнил свое пророчество. Так что мы могли его обсудить вдвоем... и решить, что делать. Ли очень переживал, что я тоже услышал пророчество и потому был обречен стать жертвой Тигра.

— Вы не думали рассказать пророчество людям?

— Нет, — сказал Фан. — Не думали. Его не слышал ни один человек... да и ни один Иной. Когда придет мой срок, я унесу его с собой в Сумрак и похороню там.

— Понятно, — кивнула Арина. И, помедлив, добавила: — Время было тяжелое.

— Не бывает легких времен, — уточнил Фан.

— Само существование Поднебесной как единого государства вызывало сомнения.

— Поднебесная ныне разделена, — сказал Фан.

— Но, наверное, мог быть и худший вариант? — вкрадчиво спросила Арина.

Фан налил себе еще чая. Потом сказал:

— Мы знали, что если пророчество останется с нами, то придет Тигр. Летописи хранят предания... и мы догадывались, почему некоторые пророки предпочитали умереть, никому не сказав, что они увидели в грядущем. Мы не хотели умирать. И мы стали искать выход...

— Самый простой выход — изменить пророчество, — сказала Арина. — У меня тоже был такой случай. Он грозил... очень нехорошим будущим для России. Мы поведали пророчество людям, а потом я сделала так, что оно не сбылось.

— Значит, это было не пророчество, а предсказание. — Фан пожал плечами. — Озвученное людям пророчество нельзя отменить. Оно сбывается.

— Это было пророчество, и я его изменила! — твердо сказала Арина.

Фан на мгновение задумался. Потом посмотрел на Арину каким-то другим взглядом.

— Мне очень жаль, уважаемая госпожа Арина. Но пророчество, пришедшее к людям, сбывается всегда. Единственное, что можно сделать, — это отсрочить его, уничтожив самый ближний и явный путь его реализации. Но пророчество, не случившееся вовремя, только накопит свою силу — и ударит снова, даже с большими последствиями. Мне очень

жаль.

У Арины дернулось веко. Потом на щеках проступили красные пятна.

— Это чушь!

— Увы, госпожа Арина. Как вы понимаете, в свое время я очень хорошо изучил этот вопрос. Более того, я продолжил его изучение позже. Вот уже восемьдесят лет я собираю всю доступную мне информацию о пророчествах, Тигре, возможностях изменить пророчество...

— Вы не можете знать все! — Чуть ли не в первый раз я увидел, что Арине изменяет выдержка. — Вы не знаете моего случая! Пророчество не случилось и не случится!

— Я не знаю, что вы в свое время слышали и что сделали. — Фан склонил голову. — И не смею спрашивать, хотя... если вы поделитесь со мной, я буду признателен. Но спросите саму себя — возможно ли ныне то, что вы пытались предотвратить?

Повисла тишина, только пели в парке птицы и стрекотали какие-то насекомые. Я вспоминал рассказ Арины.

Сомнения, если честно, вызывал только «царь».

Впрочем, пророчества всегда иносказательны, они пропущены через сознание пророка. Не могла же подруга Арины, тем более привыкшая рифмовать свои предсказания, изречь «президент»? Или... или «генеральный секретарь»...

— А могло пророчество уже случиться? — спросил я. — Арина, ведь кое-что вполне можно считать...

— Молчи! — рявкнула Арина. — Фан, как убить Тигра?

— Его нельзя убить. — Фан развел руками. — Тигр — это воплощение Сумрака в реальном мире. Можешь ли ты убить Сумрак, ведьма?

— Я ведуня!

— Ты сменила цвет, но ты была, есть и будешь ведьмой, — спокойно ответил Фан. — В моих словах нет оскорбления. Еще раз спрошу — можешь ли ты убить Сумрак?

— Зачем он приходит, Фан? — быстро спросил я, опережая Арину.

Я не думал, что он ответит. Но Фан начал отвечать, причем с явным удовольствием — наверное, ему нечасто попадались столь заинтересованные слушатели.

— Сумраку нужна Сила. Силу дают люди, обычные люди, и чем сильнее их радость или горе — тем больше Силы. Сумрак не жесток, но он требует свое. Человеческая радость его тоже вполне устраивает, но редко бывает так, чтобы радости было больше, чем горя. Гораздо чаще люди становятся равнодушны и пресыщенны... а значит — Сумрак начинает

голодать. Синий мох — это самый простой и слабый инструмент Сумрака, он впитывает Силу и может раскачивать человеческие эмоции. Но если в мире все больше и больше равнодушных, если добро и зло уступает место спокойствию и апатии... тогда Сумрак порождает Тигра. Пророки рождаются постоянно, но если Сумраку достаточно пищи, они могут поступать как им угодно — изрекать пророчества хорошие или плохие, таить их, забывать... А вот если род людской успокаивается, говорит себе, что достиг равновесия и покоя, — Тигр приходит к пророкам. Он не разбирает между хорошими и плохими пророчествами. Ему лишь надо, чтобы они прозвучали. Рано или поздно пророк открывает дорогу великим потрясениям, горю и радости. И Сумрак снова насыщается. Он не злой. Он просто живет... и как все живое — хочет кушать.

Фан взял кусочек какого-то засахаренного плода и бросил себе в рот.

— Но ведь Сумрак это просто... просто... — Я запнулся.

— Что — просто? — усмехнулся Фан. — Просто иной мир? Просто другое измерение реальности? И мы, Иные, способные войти в него, просто так произносим «гори» — и извергаем пламя, или превращаем свои тела в демонические, или видим будущее? Уважаемый Антон, ты пользуешься магией и считаешь это само собой разумеющимся. Но как именно ты пользуешься магией?

— Вхожу в Сумрак... или просто... — я осекся и дал себе зарок не употреблять больше это слово, — или тянусь к нему...

— И что дальше? У тебя вместо руки вырастают пушки, а вместо пальцев клизмы? Как ты сражаешься и исцеляешь? Как ты можешь говорить на китайском языке, который никогда не учил? Откуда все это берется, по-твоему? Из Сумрака? В ответ на твои желания? Что же тогда для тебя Сумрак — компьютер, где ты тычешь пальцем в экран и получаешь желаемое? Но компьютер кто-то придумал, кто-то сделал, а кто-то написал для него программы. Компьютер не имеет разума, и ты не заставишь его сварить тебе кофе или выполоть грядку. А Сумрак послушно делится с тобой Силой, которая нужна ему самому, и позволяет совершать один фокус за другим...

— Зачем же, если он разумный? — воскликнул я.

— Синий мох тоже не только собирает Силу, но и ест ее, — усмехнулся Фан. — Синий мох нужен Сумраку... для одной цели. Тигр — для другой. Иные — для третьей. Но все вместе мы занимаемся одним и тем же — тормозим человечество, дергаем людей, заставляем их что-то делать, придумывать, к чему-то стремиться... иногда достигая успеха, иногда набивая шишки. Мы все — часть Сумрака, его симбионты, если

удовно. Его руки и ноги, глаза и уши. Грабли и лопаты, которыми он управляет со своим огородом — человечеством. Ты хочешь восстать против Тигра? Ты восстанешь против Сумрака. И значит, против самого себя, против своей природы, своих способностей, своей жизни. Тигра нельзя убить.

— Что же тогда вы сделали? — спросила Арина. Я посмотрел на нее и вздрогнул — она постарела. Нет, ее маскировка не исчезла, но теперь это была лишь маска красивой и уверенной в себе женщины на лице несчастной опустошенной старухи.

— Мы принесли ему жертву. Тигру нет нужды убивать пророка, если тот озвучил предсказание людям и тем самым запустил механизм. И если пророк готов умереть, но все равно не раскрыть пророчество... если Тигр понимает, что это действительно так... он уходит. Он не жесток. Он не наказывает за сопротивление. Он всего лишь пытается добиться результата. Если результат невозможен — Тигр теряет интерес к пророку.

— И ты убил своего лучшего друга, чтобы показать Тигру — пророчество не придет к людям... — прошептала Арина.

— Нет. Умереть должен был я. Мы все продумали... — Фан запнулся. — Но Ли продумал чуть больше. Он обманул меня. И сделал так, что я убил его, убил на глазах Тигра, уверенный, что погибну сам. Это убедило Тигра. Он понял, что Ли приносит себя в жертву, и понял, что я никогда не оскорблю его подвиг и не повторю его слов. Тигр повернулся и ушел. В мире все время рождаются новые пророки, и каждый из них однажды произносит то, что может перевернуть все человечество. Тигр ушел... — Фан замолчал, но потом все-таки добавил: — Сказав напоследок, что сочувствует мне. Это было трогательно. Я тоже хотел умереть, но Ли просил, чтобы я жил. Мне пришлось жить.

— Постой, — прошептал я. Слова старого мага вдруг пробудили мою память. — Постой, Фан. Что-то не так. Что-то не сходится. Я... я верю тебе. Точнее — я верю, что ты говоришь то, что считаешь правдой, и это выглядит как правда, но...

— Но? — Фан явно заинтересовался.

— Но если Тигр охотится на пророков, всего лишь побуждая их говорить, а вовсе не заставляя замолчать... почему же он хотел убить мальчика-пророка в Москве?

— Он не хотел его убить, — твердо сказал Фан. — Он подстегивал его. Торопил.

— Когда мы пытались защитить пацана, Тигр потребовал от нас уйти. И он сказал... что пророчество не должно быть услышано.

Фан не мигая смотрел на меня. Взгляд его вдруг утратил всю благодушность.

— Он соврал? — спросил я.

— Нет, Тигр не может врать. Ты ошибся. Ты не расслышал его слова.

Я потянулся в Сумрак... вздрогнул, вспоминая слова Фана... так как же я это делаю? Как управляю неведомыми мне энергиями, как совершаю то, что называется чудесами? Не важно... сейчас не важно, прав Фан или нет, говоря о Сумраке...

— Лови, — сказал я, бросая в Фана слепок своей памяти.

Фан уставился в пустоту, глядя как мы стоим в подвальном коридоре Дозора на пути Тигра...

— Немыслимо, — медленно сказал он. — Тигр не хочет пророчества...

— Такого не было? — спросил я. — Никогда?

— Бывали случаи... но я считал... что это непонимание и упорство... — Фан снова посмотрел на меня. — Хорошо, что это пророчество никто не услышит.

— Почему?

— Меня пугает то, что могло быть сказано.

— Это может быть услышано, — пробормотала Арина. — Антон — хитрый жук... Антон сохранил пророчество, не знаю как, но сохранил запись... я почувствовала это.

— Уничтожь эту запись, — быстро сказал Фан. — Не играй с изначальной Силой.

— Изначальные Силы — это Свет и Тьма.

— Изначальная Сила — это Сумрак! Все остальное лишь его проявления! Уничтожь запись! — Фан вскочил.

— Не смей! — воскликнула Арина, тоже вставая. — Не смей, Антон! Если... если там что-то способное отменить пророчество? Уничтожить Тигра?

— Да отстаньте вы от меня! — закричал я. И Фан, и Арина подступали ко мне с такими горящими глазами, что я испугался. — Я сам решу, что мне делать! Прекратите!

Фан остановился. Тряхнул головой, приложил руку ко лбу.

— Прошу меня простить... но это была слишком странная новость. Прошу меня простить.

А вот Арина не остановилась. Шла ко мне мелкими семенящими шажками, пока не уперлась в меня и не застыла лицом к лицу. Веки ее подрагивали, глаза были безумные.

— Антон... Антон, мы должны пройти этот путь до конца... Где эта

запись, Антон? Где пророчество? Если оно нам не понравится, мы сделаем... как Фан и Ли... Ты меня убьешь, и Тигр успокоится...

— Он не успокоится, — сказал я, отпихивая Арину. — Потому что ты мне не лучшая подруга, и твоя смерть ничего Тигру не докажет! Успокойся. Не надо спешить, не надо совершать необдум...

— Ты понимаешь, что я наделала? — взвизгнула Арина. — Ты понимаешь? Я убила нашу родину, Антон! Нам надо было умереть и не пустить пророчество в мир, или позволить ему свершиться... а я оттянула! Я, оказывается, оттянула пружину! Ослепла от самоуверенности, от веры в себя... решила бороться. И сейчас все будет еще хуже, понимаешь, еще хуже!

— Арина, мы ничего пока не знаем, — сказал я. — Возможно, твое пророчество сработало в сороковые годы. Помнишь? «Германец Малороссию возьмет...» Ведь так и было?

На секунду безумие в глазах Арины погасло.

— Да... но... Но ведь остального не случилось... Антон... — Ее голос стал вкрадчивым. — Ты же знаешь, я сумела кое-что восстановить из «Фуарана»... я могу повышать силу Иных... это очень важно... и там есть многое другое, что неведомо никому...

У бедного Фана Веньяна глаза натуральным образом полезли на лоб.

Он только что поделился с нами своей выстраданной историей и мнением о Сумраке, которое противоречило всем основным теориям Иных.

А в ответ услышал фрагмент старого «отсроченного» пророчества, узнал, что легендарный «Фуаран» был в руках ведьмы и даже восстановлен ею, может повышать Силу (представляю, каково это было слышать ему, за триста лет достигшему всего четвертого уровня!) и делать «еще многое другое»...

— Антон... миленький... ты даже не представляешь, что я могу... я для тебя такое могу сделать... никто не сможет... — Ее руки легли на мою грудь, Арина склонила голову, заглядывая мне в глаза. — Антон... хороший мой... ты ведь сохранил пророчество?

— Да. — Я кивнул, глядя в глаза Арины.

— Антон, — очень спокойно и вежливо сказал Фан. — Я хотел бы обратить ваше внимание... — Он снова перешел на вы...

— Антон, а как ты его сохранил? — продолжала Арина.

— Там была детская игрушка, — объяснил я. — Игрушечный телефон, на который можно записать фразу. Кеша сжимал его в руке, после того как произнес пророчество. Он ничего не помнит... но на телефоне была запись. Я ее не слушал, но переписал на флэшку.

— А где эта флэшка? — уточнила Арина.

— У меня в бумажнике, — сказал я.

— Мне очень не хочется быть назойливым, Антон, — Фан сделал к нам шаг, — но хочу заметить, что к вам применено заклинание «длинный язык».

Он еще не успел договорить, когда я толкнул Арину, уже запустившую руку в карман моего пиджака. Ведьма была совсем легкая, она отлетела на несколько шагов и плюхнулась на подушки.

А я отчаянно проверял всю ту защиту, что была на меня наложена.

Барьер Воли... Радужная Сфера...

Все в порядке. Защита стоит.

Ирония ситуации была в том, что это была сложная и хорошо структурированная защита, которая легко отразила бы мощную «доминанту» или любое другое атакующее заклинание. «Длинный язык», которым баловались ученики на первом году обучения, защита бы тоже отразила... вот только я сам снял эту защиту! «Длинный язык» был вплетен в то самое заклинание любования пейзажем, которое я счел местным, тайваньским, наложенным на беседку любезными хозяевами. Оно действительно выглядело как обычное развлекательное заклинание... ровно до той поры, пока ему не открывали дорогу. А вот дальше начинало работать, потихоньку наращивая мощность.

Нет, это была не работа Фана! Чем пристальнее я вглядывался в заклинание, тем яснее видел, что чары, завязанные на воздух, воду и землю, сделанные вроде как в китайской манере, были чуточку иными.

Более изящными, более женственными.

Более ведьминскими.

Это заклинание наложил Арина. Наложила практически мгновенно, в ту секунду, когда мы подошли к беседке, аккуратно вплела в сторожевые и защитные заклинания хозяев, ничуть их не потревожив, да еще и замаскировала под старую местную работу!

Вряд ли это была заранее рассчитанная ловушка на меня. Скорее, на нас обоих. Но и на меня тоже. Не специально ли Арина намекала на гомосексуальность Фана, чтобы в случае чего я списал ее магию, несущую на себе явную женскую природу, на магию женственного мужчины... каким Фан, конечно, не был — поставленный им только что щит был грубым, резким и действенным.

Арина думала не на шаг вперед, и не на два или три, а на все десять!

Вместо того чтобы выправлять старые заклинания, я предпочел наложить новое, «ледяную кору», отрубая окутывающие мой разум нити.

— Антон... — жалобно сказала Арина, не делая попыток встать. — За что?

— Не лезь в мой разум, ведьма, — сказал я. — Я сам решу, как мне поступать.

— Антон, но ведь я только хотела... — начала она. К счастью, на этот раз я ожидал, что она попробует заболтать меня, и удар «доминанты» бесследно растворился в Радужной Сфере.

— Прекрати! — воскликнул я. — Хватит! Ты проиграла!

Фан стоял рядом, все наращивая и наращивая «щит мага». И похоже, кого-то призывая.

— Отдай мне ее! — закричала Арина. Она не вставала, но каким-то образом оказалась на ногах, будто сама земля подкинула ее в воздух. Глаза Арины горели, руки были вытянуты ко мне — и я почувствовал, как бумажник дергается в кармане, пытаюсь вырваться и улететь к ведьме.

Я ударил «прессом». В любой другой ситуации мне бы хватило чистой Силы, чтобы сбить, удержать и остановить Арину.

Но она тоже была Высшей. И если меня «Фуаран» сделал магом вне категорий случайно, то над собой Арина явно работала долго и упорно. Она отвела мой «пресс» взмахом ладони, за ее спиной будто взорвались цветущие орхидеи, а из беседки вылетела балясина. Ох, не зря Фан решил не встречаться в музее!

Я стоял, чуть пригнувшись, и ждал, что последует дальше.

Как ни странно, это была не совсем атака. Арина воспользовалась «тройным ключом» — но такой силы, что вся моя ментальная защита треснула и подалась.

— Пойми меня! — крикнула Арина.

Я ее действительно понимал. Я чувствовал ее боль от содеянного когда-то. Ненависть к собственной самоуверенности и собственной трусости. Нежелание сражаться со мной — и готовность биться до конца.

Но все дело было в том, что я не собирался отдавать ей пророчество, не обдумав этот вопрос как следует.

— Пойми и ты! — отпарировал я, бросая «тройной ключ» в ответ.

Это было самое нелепое сражение в моей жизни. Мы стояли друг напротив друга, переполненные Силой, с дрожащими на кончиках пальцев смертоносными заклинаниями — и не испытывали друг к другу никакой ненависти, понимая друг друга до самых глубин души...

А потом воздух вокруг наполнился хлопками, и из открывшихся порталов стали вываливаться Иные.

Фан призвал Инквизицию.

Арина оценила ситуацию моментально. Порыв огненного ветра ударил во все стороны, скорее отвлекая внимание, чем в реальной попытке задержать Инквизиторов. Потом я увидел улыбающуюся Арину, стоящую посреди огненного кольца в не по размеру больших мужских брюках и пиджаке. Томительно медленно, как мне показалось, хотя вряд ли это заняло больше секунды, Арина правой рукой выхватила из кармана пиджака бумажник — мой бумажник! — раскрыла, ей на ладонь выпрыгнула флэшка... и Арина исчезла. Бумажник мгновение висел в воздухе, будто в мультике, а потом упал.

Минойскую Сферу, вероятно, Арина все это время сжимала в левой руке.

Я опустил глаза, осматривая себя.

Да... на Арине эта длинная юбка и лазурная блузка смотрелись лучше, чем на мне. К тому же мне ее одежда была явно мала и трещала по швам.

— Стоять! — рявкнул один из Инквизиторов, когда я наклонился за своим бумажником.

— Господин Антон Городецкий противоборствовал преступнице и ни в чем не виновен, — быстро сказал Фан. — К нему не должно быть претензий!

То ли Фан пользовался непререкаемым авторитетом, то ли Инквизиторы слишком мечтали поймать Арину — они исчезли в открывшихся порталах один за другим, все пятеро или шестеро.

— Бесполезно, — сжимая бумажник в руке, сказал я. — Минойскую Сферу не проследить. Там будет целое дерево фальшивых следов, ветвящееся до бесконечности.

— Они обязаны попытаться, — вежливо сказал Фан. — Это их работа. Вам помочь с одеждой?

— Справлюсь, — поморщился я. — Наложу видимость, а в гостинице у меня есть запасная.

— Очень элегантное заклинание, — продолжил Фан. — Не представляю только, с какой целью оно было создано.

— Арина — такая затейница... — Я сел и плеснул себе чая. — Вот старая карга... все-таки обманула...

— Но оставила вам документы и деньги.

— Что есть, то есть, — признал я. — У нее всегда был стиль. Но флэшка...

— Полагаю, у вас есть копия.

Я покосился на Фана. Спросил:

— А это что-то изменит? Вы же настаивали, что пророчество надо

уничтожить...

Фан развел руками. Накачанный им щит, из-за которого тайванец казался слегка тусклым, выцветшим, медленно растворялся в Сумраке.

— И что вы теперь будете делать? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, допью чай, вернусь в гостиницу и переоденусь. А потом отправляюсь домой.

Часть третья

Смутные деяния

Пролог

Антон Городецкий смотрел телевизор.

Он не относился к числу тех, кто принципиально не имеет телевизора или с гордостью заявляет при случае, что не включал его уже несколько лет. Честно говоря, он даже его иногда смотрел — почти каждый день новости, а пару раз в год даже какой-нибудь фильм, если, конечно, случайно натыкался на него в эфире.

Но сейчас он смотрел телевизор вдумчиво и целенаправленно. И то, что он переходил с канала на канал каждые пять секунд, вовсе не свидетельствовало о его невнимательности.

Щелк...

— Подсудимый, зачем вы пришли к потерпевшему?

— Ну... я... выпить с ним хотел... А он...

Щелк...

— ...приговор суда — тринадцать лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Защита уже заявила, что подает на апелляцию, и вина подсудимого ничем не...

Щелк...

— ...обнаружил дворник, который и сообщил в полицию. Несмотря на все усилия врачей...

Щелк...

— ...потерял ориентацию и не вышел на орбиту. Но специалисты особо подчеркивают, что спутник был застрахован...

Щелк...

— ...средний размер пенсий возрастет на одиннадцать процентов и составит пять тысяч девятьсот семьдесят четыре рубля...

Щелк...

— ...и эти ужасные годы, десятилетия несвободы и тирании не сломили художника, он продолжал творить и дерзко выставлял свои работы наперекор коммунистическому режиму...

Щелк...

— ...передовые технологии. По словам ученых, использование их при производстве нанотехнологического цемента позволяет значительно улучшить качество...

Щелк...

— ...было выкуплено пять лет назад и с тех пор никакой ремонт не

производился. Запасные выходы были заделаны, и когда начался пожар...

Щелк...

— ...предложено рассмотреть вопрос об изъятии детей из семьи, поскольку уровень доходов родителей не позволяет им обеспечить должный уход...

Щелк...

— Вот что я тебе скажу, командир, начнем отступать — заградотряды расстреляют, а сдадимся — хоть какой-то шанс...

Щелк...

— ...самая большая в Европе! И это бесспорное доказательство верности проводимой политики...

Щелк...

— Устрицы в этом ресторане лучшие в Москве, но вино действительно дороговато — дешевле пяти-шести тысяч ничего приличного найти не удалось...

Городецкий выключил телевизор, хотя в запасе еще оставался десяток каналов. Потер переносицу.

Те, кто говорит, что телевизор смотреть не стоит, — дураки. Просто это надо делать раз в три-четыре месяца. Тогда глаз не замыливается.

Но конечно, если смотреть с интервалом в три-четыре года — то это еще показательнее.

Он подошел к окну, посмотрел на низкое серое небо, нависающее над городом. Потом медленно повел ладонью вдоль холодного стекла.

Облака разметало, и в небе открылся просвет — крошечный глаз ясного темно-синего неба. Где-то за пеленой облаков садилось солнце.

Антон опустил руки в карманы. Достал горошины наушников, вставил в уши. Щелкнул кнопкой плеера. Выпал «Пикник».

Огнями реклам,
Неоновых ламп

Бьет город мне в спину, торопит меня.
А я не спешу,
Я этим дышу,
И то, что мое, ему не отнять.

Минуту еще, мой ветер не стих,

Мне нравится здесь, в Королевстве Кривых.

Здесь деньги не ждут,
Когда их сожгут.
В их власти дать счастье и счастье отнять.
Но только не мне,
Я сам по себе,
И темные улицы манят меня.
Он занят игрой
И каждый второй,
Да, каждый второй, замедляет свой шаг.
Но только не я,
Я весел и пьян.
Я только сейчас начинаю дышать...

Просвет в облаках затянулся. Антон поднял было руку — и опустил ее.
Все равно затянет...

Он прошел на кухню, открыл шкафчик и извлек из него початую бутылку коньяка. Воровато оглянулся, налил немного в пузатый винный бокал и варварски, залпом выпил.

Бутылка издала сокрушенный вздох. Антон прищурившись посмотрел на нее, определяя авторство заклинания.

Светлана.

Антон налил вторую порцию, спрятал вздыхающую бутылку в шкаф и прошел в гостиную. Встал у застекленного шкафа, изучая стоящий на полке деревянный кубок.

Конечно, подобного рода артефакты стоило бы хранить в офисе Дозора. Но за неделю изучения никто из аналитиков так и не выяснил, как можно считать таящееся в кубке пророчество (и есть ли оно там вообще), а квартира двух Высших Иных (и даже трех, если считать Надю) по факту защищена почти от любого вторжения.

Так что кубок Эразма по предложению Гесера вернули Городецкому. Вернули без энтузиазма — Инквизиции очень не понравилось, что Антон не попытался вызвать их для захвата Арины. Но у Гесера нашелся убедительный довод — Эразм мог каким-то образом настроить кубок так, чтобы пророчество открылось только Городецкому.

У Гесера, если он этого хотел, всегда находился убедительный довод.

Антон некоторое время смотрел на кубок, потом открыл шкаф и взял его в руки. Приложил к одному уху, к другому. Потом прошел на кухню,

плеснул на дно кубка коньяка и выпил.

Пророчество, разумеется, не открылось.

— Папа?

Погруженный в раздумья, Антон стоял с кубком у окна и не сразу заметил, что из школы вернулась Надя.

— Что, доча?

— Ты... — Надя демонстративно принялась, но спросила дипломатично: — Облака разгонял?

— Было дело. Немножко.

— Я заметила.

Надя переминалась с ноги на ногу у дверей. То ли хотела что-то спросить, то ли, наоборот, сказать. Антон посмотрел на дочь и вдруг — совершенно неожиданно — понял, что его дочь уже не совсем ребенок, что она ступила на ту таинственную тропинку, что уводит из детства в юность и на которой остаются брошенными и забытыми говорящие куклы, плюшевые мишки и любимые родители...

Надя на эту тропинку только вступила, но с нее уже нет и не будет возврата...

— Ты хотела что-то спросить? — сказал Антон.

— Папа, вот этот кубок... Я его тоже трогала.

Антон кивнул, понимая, что речь не о физическом прикосновении.

— Мне кажется, там что-то есть. Но очень хорошо спрятано, ни хитростью, ни силой не достать.

— Если бы хватало хитрости или силы, в Инквизиции бы все поняли, — кивнул Антон.

— Мне кажется, там какой-то хитрый спусковой механизм, — продолжала Надя, ободрившись. — Надо сделать что-то такое, о чем никак не подумаешь. Чего не станешь делать. И тогда пророчество откроется.

Антон посмотрел на кубок в своей руке.

Потом кивнул.

— Тогда, наверное, нам его никогда не узнать.

— Ты расстроен?

— Нет, — сказал Антон. — Не очень. Точнее — совсем нет.

Глава первая

Парень был славный, из молодых, пришедших в Дозор в прошлом году и мечтающий стать оперативником. Честный четвертый уровень и все шансы еще подрасти. Звали его Александром, еще недавно он учился в МАИ и мечтал стать космическим инженером. Из таких только Светлые и получают, потому что в 2012 году в России мечтать стать космонавтом могут либо совсем дети, либо блаженные.

— Антон Сергеевич, — он очень старался говорить спокойно и собранно, но в голосе все равно что-то подрагивало. — А вы уверены, что они придут сюда?

Я пожал плечами, достал пачку сигарет, закурил, протянул Саше, не обращая внимания на его неодобрительную гримасу. Саша занервничал, потом неуверенно потянулся за сигаретой.

Я убрал пачку.

— Не надо. Во-первых, никогда не кури. Во-вторых, вообще не делай того, что тебе предлагают авторитеты, если тебе это не нравится. Если я с моста вниз прыгну, тоже прыгнешь?

— Если надо — прыгну! — твердо сказал Саша.

Я посмотрел вниз, на серую воду Москвы-реки, в которой отражались ночные фонари (звезды в Москве и на небе-то видны не часто). Кивнул:

— Вот самое важное, всегда, это понять, надо прыгать или нет... Саша, они придут сюда, потому что так направлен Зов. Когда я был чуть старше тебя, но вряд ли сильнее, я с большим трудом мог вообще почувствовать вампирский зов и пойти на него. Сейчас я умею чуть-чуть больше... и знаю, что вампир идет по Берсеневской набережной, а девушка — по Пречистенской. Это в последнее время стало крайне популярно у вампиров, брать жертву на мосту, потом сбрасывать тело в воду. Пока вытащат... никто уже и не поймет, отчего она погибла.

— Как это «не поймет»? — возмутился Саша. — А потеря крови? А отметины от клыков?

— Вот представь, — выпуская в воздух клуб дыма, сказал я. — Ты патологоанатом. Тебе привозят тело, выловленное из воды, изрядно пострадавшее, побитое о берег или опоры моста...

Саша начал бледнеть. Молодой еще. Хороший, но молодой...

— Даже если ты заметишь, что на шее есть какие-то ранки, а в теле почти нет крови, что ты предпочтешь думать? Что по Москве ходят

вампиры? Или что влюбленная дуручка сиганула в воду и, падая, напоролась на какую-нибудь железяку?

— Я все варианты буду рассматривать, — решил Саша.

— Вот потому ты в Дозоре, — кивнул я.

Саша помолчал, бдительно поглядывая то налево, то направо. Потом робко спросил:

— А Храм им не мешает?

Я глянул на массивное, благообразно подсвеченное здание. Покачал головой.

— Этот — нет, не мешает. Вампиры вообще не боятся религии, если бы они верили в Бога, то вампирами бы не стали. Но ты прав в том, что настоящий храм может защитить. Если он рядом и если жертва верит. Понимаешь? Это не пугает вампира, это защищает жертву.

— Кажется, понимаю, — задумчиво кивнул Саша. — А почему этот не помогает?

— Много факторов, — сказал я уклончиво.

Саша стоял, теребя нацепленный на перила моста замочек. Вот смешная манера современных влюбленных — пришли на мост, поцеловались, замочек навесили — и вроде как уже заперли свою любовь.

А любовь запирать не надо. Она не для этого дается.

— Я его чувствую, — возбужденно сказал Саша. — Идет! Слева!

— Знаю, — кивнул я.

— Он нас не...

— Он не почувствует в нас Иных и даже не увидит истинного облика, — успокоил я. Не уточняя, что вместо меня вампир увидит молодого тощего парня с серьгой в ухе, а вместо Саши — грустную девушку. Стандартная картина для этого места — повздорившие влюбленные.

— Девушку тоже чувствую, — сказал Саша с облегчением. — Вон идет... да она совсем девчонка!

Я чуть повернул голову — девушка шла мимо нас, слепо глядя вперед, и признал:

— Да, лет четырнадцать-пятнадцать. Это плохо. Будь ей лет десять...

— Чем же плохо? — поразился Саша.

Ну вот как он учился? Неужели не помнит, что лицензии выдаются...

— Исчезли! — возбужденно воскликнул Саша.

Я и сам видел, как вампир — такой же молодой на вид, как мой напарник, сделал шаг навстречу девушке, улыбнулся — клыки у него еще не выдвинулись, так, едва заметный намек... и они исчезли.

— Пошли, — сказал я, щелчком пальцев отправляя окурок через парашют в воду. Скорее почувствовал, чем увидел свою тень — и шагнул в нее.

Холод. Привычный пронизывающий холод Сумрака. Мир вокруг подернулся серым, замедлился, звуки стали тягучими и далекими. Под ногами стлался сплошной синий мох, ноги утопали в нем как в дорогом ковре.

Вампир стоял в нескольких шагах от нас, совсем молодой, красивый, аристократически бледный. Э, да он тоже совсем салага, не маскируется под молодого, а молодой и есть... иначе его сумеречный образ Иного был бы совсем иным...

До сих пор люблю этот бородатый каламбур...

Вампир стоял, обнимая девушку и целуя ее в губы. Именно целуя, не кусая. Краем глаза он поглядывал на меня и неуклюже вошедшего в Сумрак за моей спиной Сашку.

— Ночной Дозор, всем выйти из Сумрака, — скучным голосом сказал я.

Я очень надеялся, что вампир оскалит клыки и кинется на меня. Или бросится бежать. Или начнет кричать, что ничего плохого не делал, просто поцеловался с симпатичной девчонкой...

Вампир прекратил целоваться, осторожно отставил девушку — та замерла как кукла, и с некоторой обидой спросил:

— В чем, собственно говоря, дело?

— Антон Городецкий, Ночной Дозор города Москвы, — сказал я, уже все понимая. — Предъявите вашу регистрацию.

— Доброй ночи, — вежливо сказал вампир, расстегивая куртку. Голубые линии регистрационной метки слабо светились сквозь рубашку. — Очень приятно познакомиться, Антон. Я много о вас слышал.

— Денис Любимов, вампир, шестой уровень, — произнес я, считывая метку. — Вы задержаны за нелегальный контакт с человеком.

— Почему же сразу «нелегальный»? — обиделся Денис. — Вот!

Тонкий лист «пергаментной» бумаги развернулся в его руке. Можно было долго и нудно сверять цифры, подписи, печати, магические знаки... Но только я и так прекрасно видел, что лицензия настоящая.

— Ей и пятнадцати лет нет, — зачем-то сказал я.

— А мне двадцати, — кивнул Денис. — Лицензии выдают начиная с двенадцати, если в семье нет Иных первой степени родства. Все законно.

Саша за моей спиной тяжело задыхался.

— Это ваше право, — сказал я без всяких интонаций. Посмотрел себе под ноги — и синий мох полыхнул, будто на него плеснули керосином и подожгли. — Но вы совсем молоды, Денис. Я не оспариваю ваших прав, но хотел бы напомнить, что многие вампиры столетиями живут, не используя свои лицензии на охоту. Взамен вам могут быть предоставлены разного рода преференции согласно соглашению шестьдесят четыре семнадцать от третьего июля...

— Я прочитал и подписал все положенные документы, знаю свои права и обязанности, — вежливо сказал вампир. — Могу еще раз подтвердить, что все будет произведено с максимальной гуманностью, безболезненно и быстро. А теперь я бы хотел попросить вас... господа дозорные... выйти из Сумрака!

— Почему? — внезапно воскликнул Александр. — Ну почему? Скажи, ты, вампирская морда!

Я развернулся и крепко взял Сашку за плечо. Вот еще чего нам не хватало, так это жалобы вампира в Дневной Дозор на неспровоцированные оскорбления и дискриминацию по принципу питания...

Но это был современный вампир, молодой, вежливый и сдержанный.

— Потому что таковы законы природы, — любезно пояснил он. — Потому что люди непрерывно и с огромным удовольствием жрут друг друга. Чаще всего фигурально, но гораздо более жестоко и болезненно, чем вампиры или оборотни. Я не выбирал свою судьбу, я не выбирал своего образа жизни... или смерти, если вам так угодно. Но изображать из себя овцу, будучи волком, я тоже не намерен. А теперь оставьте нас... Зов слабеет, девушка может прийти в сознание, испугаться, и виной тому будете вы!

— Запомни одно, — сказал я не оборачиваясь. — Может быть, ты и волк, но мы — волкодавы.

Я уже выходил из Сумрака, выволакивая за собой Александра, когда услышал брошенное вслед:

— Мой отец держал ирландского волкодава, хорошая псина. Только они долго не живут.

Александра мне пришлось схватить за грудки и прижать к парапету, иначе он ворвался бы в Сумрак обратно.

— Да он же, он!.. — бушевал молодой дозорный.

— Издевался над нами, провоцировал, особенно тебя, — сказал я. — Успокойся. Он в своем праве.

— Но он же сейчас убьет девчонку!

— Да, вероятнее всего, — кивнул я. Достал сигарету, закурил. — Ты

знаешь, сколько людей в Москве погибает за одну ночь? И кстати, большую часть убивают вовсе не Иные, а сами люди.

— Но...

— Мы не рыцари в поисках девы в беде, — сказал я.

— Мы полиция! Мы храним и защищаем!

— Нет, мы даже не полиция. Мы бюрократы, следящие за соблюдением законов, которые не нравятся нам самим. Мы собаки, которые берегут стадо от волков, но не кусают пастухов, которые делают вечером шашлык. Успокойся.

Александр отступил на шаг, в ужасе глядя на меня. Потом помотал головой и с неподдельным отвращением произнес:

— Не верю. Нет, я не верю, честное слово! Вы, Антон Городецкий... вы же герой, вы столько раз такое делали... нам на уроках рассказывали, я учебные фильмы смотрел, как вы...

— В учебных фильмах играют актеры, — сказал я. — А на уроках рассказывают легенды.

За моей спиной раздался шорох. В воздухе возникло обвисшее тело девушки. На секунду повисло — а потом перелетело через парапет и устремилось к воде.

В следующую секунду появился вампир. Он был розовощек, бодр и красив. Слегка склонив голову, будто прощаясь, он развернулся и с немыслимой скоростью устремился по мосту прочь от нас.

Под нами едва слышно плеснула холодная грязная вода Москвы-реки.

Александр стеклянным взглядом смотрел на меня.

— Помнишь, я говорил, что важно понять — надо прыгать или нет? — спросил я.

Александр молчал.

— В этом вся проблема, — пояснил я. Выплюнул сигарету через парапет — и прыгнул следом.

Река ударила по ногам противным тяжелым студнем, мгновенно разжижившимся и превратившимся в ледяную осеннюю воду. Я погрузился с головой, открыл глаза, посмотрел на светящиеся сквозь воду огоньки. Если не всматриваться, то можно подумать, что это звезды...

Тело девушки медленно погружалось совсем рядом со мной. Я сделал всего два гребка, когда по ушам резко ударило — еще одно тело вошло в воду.

— Ты дурак? — спросил я, убедившись, что Александр кончал выхаркивать воду. — Чего ж ты прыгал, если плавать не умеешь?

— Вы... вы же... сказали... — простонал он, садясь.

— Что я сказал?

— Что... надо...

— Что надо всегда понимать, что делаешь, — безжалостно напомнил я. — Ты же маг. Иной. Светлый. Тебе быть дураком — особенно стыдно!

Александра и девушку я выволок из воды против течения, туда, где народа было поменьше — спасибо, возможности Иного позволяли такие фокусы. Мы сидели на грязной набережной, рядом с парковкой, напротив чудовищной статуи Колумба, к которой была приделана голова Петра Первого. Петр-Христофор презрительно взирал над нашими головами в свою, железно-бронзовую даль.

— Девчонка... — простонал Сашка.

— Вон лежит. — Я кивнул. — Я вас обоих вытащил. Спасибо, здорово помог...

— Она жива? — с надеждой спросил Саша.

— Она не мертва, — глянув на ауру, ответил я.

— Что? — Сашка наконец-то сел нормально и огляделся. — Этот гад...

— Мог ее совсем убить. Но мне удалось его разозлить, с твоей помощью. Так что она не мертва... она будет вампиром.

Мимо прошла какая-то мрачная парочка — солидный мужчина в костюме при галстук и еще более крепкий мужик в костюме чуть больше нужного размера и с бычьей шеей. Я автоматически растянул Сферу Невнимания, чтобы прикрыть бедную девчонку, но обладатель крепкой шеи все равно настороженно закрутил головой и повел рукой под борт пиджака. Хорошие телохранители — они такие, чуют нас, Иных...

— Что же нам делать? — спросил Саша.

— Во-первых, просушиться, — сказал я. — Заклинания помнишь? Молодец. Во-вторых, встать, тут грязно и холодно, мы еще молодые мужики, нам простатит не нужен. В-третьих, я поеду домой, мыться и спать.

— А я? — тихо спросил Саша.

— А ты останешься ждать, пока девочка придет в сознание. Вызови пока Дневной Дозор... скажи — «ситуация шесть, без осложнений». Если не помнишь номера или брезгуешь говорить с Темными — попроси нашего диспетчера. Мобильник-то цел?

— Он заговоренный...

— Умница. Пока Темные приедут, а они торопиться не станут, поговори с девочкой. Объясни, что ее укусил вампир, что она теперь тоже станет... по сути, уже стала... вампиром. Ну, права и обязанности... Темным ее сдашь, они найдут ей учителя. Например, того самого Дениса. Все, на этом твоя работа закончена.

Я встал, встряхнулся. От одежды повалил пованивающий гнилью и нефтью пар. Хорошо, что я в куртке, хороший костюм даже магией от московской воды не отчистишь...

«Мерседес» с господином и его охранником уже выруливал со стоянки. Я поднял руку, посылая легкий приказ. Реморализацией или даже «Дыханием Терезы» здесь не обойтись...

«Мерседес» мягко затормозил. Я открыл заднюю дверцу — владелец машины сидел рядом с водителем, по удивительной манере отечественных нуворишей средней руки.

— Пока езжай по набережной, — велел я охраннику. И прежде чем захлопнуть дверцу, крикнул Александру. — Да, кстати, зачет ты сдал. Завтра можешь приходить в себя, я в таких случаях напиваюсь, а ты можешь придумать что-то свое. А послезавтра в оперативный отдел. Ты принят на работу.

Гесер сегодня с утра был в приподнятом настроении. На летучке он улыбался, рассказал немного не к месту смешной, хоть и пошловатый анекдот, научному отделу внезапно увеличил фонды на следующий квартал, Ольгу игриво приобнял, когда она всего лишь проходила мимо, Игнату выписал командировку во Львов «для обмена опытом», хотя все прекрасно знали, что Игнат оттуда родом и просто хочет навестить родных и друзей.

Мой рассказ о зачете курсанта Александра тоже был принят благосклонно. Единственный вопрос тоже был ожидаем.

— А ты уверен, что девочке не лучше было умереть, чем стать нежитью? — спросил шеф, поигрывая авторучкой.

— Не уверен, — честно сказал я. — Но у меня не было возможности спросить, а решать за нее я не хотел. В конце концов, до полного преобразования у нее есть достаточно времени с относительно здоровой психикой. И если она примет иное решение... А вот Александру было крайне полезно понять, что не всегда действия приводят к желаемому результату. Уверен, он все понял.

— Убедительно, — кивнул Гесер и размашисто расписался на приказе о зачислении Александра в штат.

В общем, сегодня у Гесера можно было добиться всего или почти всего. Чем я и попытался воспользоваться, задержавшись, когда народ стал расходиться.

— Вопросы, Антон? — открывая ноутбук спросил Гесер.

— Да, есть один. Про Эразма.

— Ты догадался, как открыть его пророчество? — заинтересовался Гесер.

— Пока нет, хотя одна идейка появилась. Но тут все так взаимосвязано... Борис Игнатьевич, скажите, а вот тот бонсай, что вы ему передали... вы можете сказать, что за магия в нем скрыта?

— Нет, — отрезал Гесер.

Что ж, попытка не пытка...

— Я бы вообще не брал в голову то древнее пророчество, — продолжил Гесер, не глядя на меня. — Либо оно скисло и не осуществилось, либо давно случилось. Вот то, что хотел сказать мальчик, нам было бы куда интереснее узнать.

— Арина меня обвела вокруг пальца... — снова покаялся я. — Но я и сам не уверен, что там, на флэшке, что-то было...

— Исходя из неписаного закона, что неприятности всегда случаются, там что-то было... — Гесер вздохнул и закрыл ноутбук. — Сядь, Антон. Поговорим. Я понимаю, что тебя тревожит.

— Пророчество Арины, — признался я. — Точнее, ее подруги... Что, если она права и пророчество работает?

Гесер пожал плечами:

— Быть может, права, и пророчество работает. Быть может, сработало, несмотря на ее уловки, — немцы оккупировали Малороссию, японцы вторгались в Сибирь, большевиков вешали...

— Война продлится долгих девять лет?

— Первая мировая началась в одна тысяча девятьсот четырнадцатом, Гражданская война в России завершилась в одна тысяча девятьсот двадцать третьем. Сам посчитаешь?

— В двадцать втором она закончилась, — упорствовал я.

— Ох уж эти историки! В Якутии, на Камчатке и Чукотке — в двадцать третьем! — рявкнул Гесер. — С кем ты споришь? Ты там был? А я с казаками Бологова и их шаманом в двадцать третьем схлестнулся! А потом еще басмачи сколько лютовали...

— Да я не о том спору, — примиряюще сказал я. — Если считать включая четырнадцатый год и двадцать второй — то как раз и есть девять лет.

Гесер задумчиво поднял руки и начал загибать пальцы. Потом посмотрел на меня и побагровел.

— Тогда о чем ты споришь? Все случилось!

— Не все, — мрачно сказал я. — От голода народ на треть умрет...

— Голод в Поволжье, Казахстане, Малороссии... Не треть, конечно, но оставим пророкам право нагнетать трагичность.

— А остальные растворятся в мире...

— А что, какая-то страна нынче не растворилась в мире? — Гесер удивленно приподнял бровь. — Глобализация, Антон! Все растворились во всех! Я в Париже в туалет вошел — на стене на двенадцати языках надписи выцарапаны были!

— Москва погибнет, пламенем объята...

— Пророчества всегда иносказательны, — отрезал Гесер. — Старая Москва погибла, от нее кроме Кремля ничего и не осталось... но Кремль — не Москва.

— Умрет наследник, омрачится царь...

Гесер на миг задумался. Потом сказал:

— Вот это и есть результат вмешательства Арины. Она наследника подлечила, если не врет, тот и не умер... своей смертью... А все остальное так или иначе случилось. Так что старая дура просто выжила из ума. Пострадать ей, видишь ли, хочется. Россию она погубила. Смешно! Россию тысячу лет губят все, кому не лень, а она стоит и стоять будет!

— Спасибо, — искренне сказал я, вставая. — А то... как-то тяжело на душе.

— Антон, я жил во многих местах, — мягко сказал Гесер. — Тибет... Китай... Индия... Фландрия...

— Не Голландия? — уточнил я.

— Зеландская Фландрия, — уточнил Гесер, — нынче это Нидерланды, да. Так вот, Антон, к любой стране прикипaeшь. Мне и Тибет дорог, и Индия, и Фландрия. И Россия, конечно! Но с годами понимаешь, что самое главное — это твоя семья, твои друзья, твоя работа. А страны... все мы граждане человечества, вышедшие из него, но ради него живущие и работающие. Все мы — Иные! Вот это главное. Не бойся глупостей старой ведьмы, на ней плохо сказался слишком долгий сон. Не ищи смысла в старой деревяшке Эразма — если даже Арина на нее не позарилась, а ведь могла ее у тебя сто раз спереть, значит, и смысла в ней нет. Вот то, что Иннокентий пророчил... вот тут ты, конечно, сплеховал! Вот это стоило бы узнать!

Я покаянно опустил голову.

— Ты точно стер все с игрушечного телефона? — спросил Гесер небрежно.

— Да. Я же сдал его ученым.

— Ничего вытащить не смогли, — вздохнул Гесер. — Крошечная микросхема, все переписано, старая информация стерта начисто... И другой флэшки ты не оставил?

— Нет у меня другой флэшки. Проверяли же...

— Плохо. — Гесер снова тяжело вздохнул. — Самая ценная информация, которую ты добыл на Формозе, — Тигр не совсем то, что мы думали, он пытается не уничтожить пророков, а подстегнуть их к пророчеству. Но ведь у нас он вел себя иначе! Он же сам заявил, что пророчество не должно прозвучать! Вот это делает пророчество интересным, а оно нам недоступно!

— Я виноват...

— Иди уж. — Гесер махнул рукой. Нет, он явно был в прекрасном настроении. — Что было, то было — и быльем поросло. На сегодня у меня для тебя заданий нет, можешь заниматься своими делами. Ну и... получаешь право на одно доброе вмешательство седьмого уровня!

— Если бы оно у меня было вчера вечером...

— То ты спас бы девчонку, а вампиру дали бы новую лицензию. Сам же понимаешь!

Я развел руками — и вышел из кабинета.

Глава вторая

Главное преимущество начальника, во всяком случае, в такой организации, как Ночной Дозор, заключается в свободном планировании своего дня.

Работы на самом деле у меня всегда хватало. Официально на меня было возложено курирование курсантов, контроль обучения в школе и инспекции патрулей. Скучным бюрократическим языком, который возникает сам собой в любой организации, будь то бухгалтерия трубопрокатного завода или союз романтических художников-анархистов, моя должность называлась «Заместитель директора по вопросам подготовки и переподготовки персонала».

Звучит не очень-то утомительно, верно? Но свободного времени практически не оставалось — если, конечно, не сгрести волевым решением все бумаги в угол стола, не отключить рабочий мобильник и не заняться чем-то совершенно необязательным. Тогда чудесным образом выяснялось, что Дозор способен существовать без одного из заместителей директора сколько угодно.

Но стоило вернуться к работе — и ворох заявлений, прошений, жалоб, инструкций и расписаний обрушивался на мою голову подобно цунами.

В детстве не любил школу, в юности не любил институт — и все ради того, чтобы в магической полиции курировать преподавание! Интересно, если бы я остался программистом или занялся архитектурой (так хотели родители, был у нас в роду какой-то известный архитектор), преподавательская работа тоже меня догнала бы?

Скорее всего да. Человек, даже если он Иной, может изменить только форму своей жизни, а не ее содержание. В одной старой компьютерной игре злая ведьма имела обыкновение спрашивать встречаемых «Что может изменить природу человека?» и после с удовольствием убивать собеседника. Потому что правильного ответа не мог найти никто...

Но хоть природу изменить и невозможно, зато ее всегда можно обмануть. На время.

Поэтому в своем кабинете я посидел несколько минут за столом, проглядывая бумаги и дымя сигаретой. С год назад Игорь, фанатично увлекшийся здоровым образом жизни, развернул целую кампанию по запрету на курение в помещениях Дозора. В целом с его доводами были согласны все, включая самих курящих. А вот в частностях все во мнениях

разошлись. Разумеется, в помещениях, где работали некурящие, никто и так не дымил. В общественных местах это разрешалось, если никто не был против. Травились табаком все либо в курилках, либо в своих кабинетах... конце концов, для очистки комнат от табачного запаха требовалось не слишком много магии. Но Игорь стоял на своем, ругал табачное воние, ставил в пример цивилизованную Европу, напирал на то, что стыдно перед приезжающими оттуда коллегами (хотя что-то не замечал я переживаний у европейских Иных, когда те пили на фуршетах водку, курили в комнатах или, к примеру, закупали сотнями в магазинах подозрительно дешевые «лицензионные» диски с фильмами и музыкой). Кончилась агитация в тот момент, когда Гесер, благосклонно выслушавший выступившего с инициативой Игоря, сказал: «Правильно, курить надо трубку или кальян, а не вонючие сигареты...» Игорю бы вовремя остановиться, но он в запале сообщил, что кальян, трубка и сигары — это еще хуже, чем сигареты: «Воние-то куда хуже!» Гесер помрачнел и поинтересовался, надо ли ему отныне, когда он решит сосредоточиться на обдумывании важных проблем, выбегать на улицу с кальяном? А потом спросил, нет ли разницы в климате между Европой, где в декабре можно выйти из здания в рубашке, и Россией, где даже в Москве минус двадцать — не редкость? После этого тема как-то сама собой закрылась. Игорь некоторое время ходил обиженный, из помещений, где кто-то курил, демонстративно удалялся, но потом борьба за здоровый образ жизни в его увлечениях сменилась борьбой против дискриминации Иных слабой магической силы.

Поскольку я визита Игоря не ожидал, то курил беззастенчиво, проглядывая накопившиеся бумаги.

Расписание занятий в школе для начинающих Иных. Это подождет.

План переподготовки Иных пятого-четвертого уровня с целью выявления более сильных магов. Уже интереснее... я внимательно посмотрел на листок, прочитал замечательную фразу «Целью проведения данной переподготовки является переподготовка с целью выявления...», после чего затосковал, подписал бумаги и бросил в папку «Одобрено». Листы побледнели и исчезли, телепортировавшись к своему автору.

Так, что еще?

Расписание занятий для патрульных по теме «Некоторые аспекты взаимодействия с сотрудниками Дневного Дозора в ситуациях обнаружения и задержания „диких“ Иных». Тезисы занятий я просмотрел с большим интересом. Вести занятия собиралась Ольга, что интересно было само по себе. Да и тема эта оставалась вечно животрепещущей и актуальной — далеко не всех Иных обнаруживали и инициировали сотрудники Дозоров,

частенько люди обнаруживали свои магические способности самостоятельно... и могли наломать немало дров. Вне зависимости от того, кем были — Темными или Светлыми.

Так что я даже отметил в ежедневнике завтрашнее занятие, чтобы зайти на него самому. Не в качестве инспектора, а простым слушателем. Учиться всегда пригодится.

А это что?

Снова Ольга?

Забавно. Ею овладел какой-то преподавательский зуд, не иначе. Лекция для сотрудников на тему «Действия Дозоров в условиях техногенных и социальных катастроф, особенности взаимодействия с человеческими правоохранительными структурами». И две пометки. Первая — «присутствие желательно», так что это только по форме лекция свободная для посещения, на самом деле явиться туда рекомендовано всем. Вторая — «приглашенный гость, не-Иной».

Совсем интересно!

И лекция началась полчасика назад... интересно, а почему ни Ольга, ни Гесер мне про нее не сказали ни слова?

Я решил, что на сегодня бумажная работа у меня закончилась, и встал. Будем считать, что это и посещение рекомендованной лекции, и инспекция одновременно. На самом деле пометка «присутствие желательно» развязывала мне руки. Просто так явиться на лекцию Ольги было бы некрасиво, выглядело бы официальным визитом. А так — все в порядке. Пришел поучиться.

Лекционный зал был битком набит, и я почувствовал себя полным идиотом. Пожалуй, собрались все, кроме Гесера (уж ему-то учиться даже у Ольги нечему) и дежурных.

Вошел я под взрыв хохота собравшихся. И даже замешкался на пороге. Но смеялись, к счастью, не надо мной. У двери вообще было достаточно темно, и меня никто не заметил.

Ольга стояла на маленькой трибуне возле лекционной конторки и с улыбкой смотрела в зал. Когда хохот стих, она произнесла:

— И тут я и говорю: «Франс, а почему у вас обе перчатки на правую руку?» Он смотрит на Виллема, краснеет и кричит: «Дьявол меня раздери, так это была твоя рука!»

Зал стонал от хохота. Зал гоготал, хихикал, хрюкал и повизгивал. Очевидно, история была очень смешная — вот только я застал самый конец.

Нет ничего нелепее человека, который, услышав финал анекдота, начинает жалобно просить: «А про что, про что это было? Что там вначале случилось?»

— И что Виллем? — выкрикнул кто-то из зала.

Ольга, похоже, ждала этого вопроса, и ответ был заготовлен.

— А Виллем смущенно опускает глаза и отвечает: «Да, минхеер Франс. Но это была не рука».

Зал снова полег в пароксизмах хохота. Пожалуй, еще более сильных. Я вздохнул, привалился к стене и стал ждать.

На то, чтобы восстановился порядок, потребовалось минуты две. После этого Ольга, видимо, сочтя внимание зала в достаточной мере прикованным к ее словам, произнесла:

— А теперь встречайте нашего гостя, старшего сержанта полиции Дмитрия Пастухова!

Становилось все интереснее и интереснее! Я мысленно похвалил себя за стратегически верную неприметную позицию у дверей и присел на корточки. А на трибуну, с которой, хлопая в ладоши, сошла Ольга, смущенно улыбаясь, поднялся мой старый, хоть и шапочный знакомый — старший сержант Дмитрий Пастухов.

— Здравствуйте, — неловко, но в принципе искренне и дружелюбно улыбаясь, сказал Дмитрий. — Мне очень приятно, честное слово, что вы меня пригласили.

Зал неожиданно зааплодировал.

— Я, конечно, не Франс и не Виллем, — продолжал ободренный Пастухов. — Но работа — она всегда работа, в любой стране и в любое время. Верно? Так что спрашивайте, отвечу... только учтите, я старший сержант, не какой-нибудь там начальник...

— А что так долго засиделись в сержантах? — подала голос из зала молоденькая девчонка из исследовательского отдела.

— Знал бы, что к себе выступать позовете, — генералом бы стал! — отшутился Пастухов. Похоже, обсуждать свою неторопливую карьеру ему не хотелось.

Собравшиеся, впрочем, были настроены дружелюбно. Первым встал Алишер и спросил:

— Дима... можно просто Дима?

— Конечно!

— Давайте обсудим такую ситуацию. В городе происходят какие-то волнения, полиция пытается восстановить порядок. Сил не хватает. Толпа поджигает машины, грабит магазины, избивает мирных прохожих. И вот к

вам, обычному сержанту патрульно-постовой службы, подходят два человека. Один говорит, что способен утихомирить толпу, людям станет стыдно и они разойдутся по домам. Другой — что способен напугать толпу, причинить людям боль и они разбегутся по домам. Чью помощь вы примете?

— Да кто первый подойдет! — не задумываясь ответил Пастухов.

— А если подходят двое сразу? — не сдавался Алишер. — А помощь принять можно только от одного?

Пастухов задумался буквально на секунду. Потом уверенно сказал:

— Того, кто напугает и сделает больно. Спросите почему?

Ну надо же! В моем знакомом таился неплохой оратор! Или это Ольга перед выступлением как-то стимулировала его способности общаться с залом?

— Почему? — послушно спросил Алишер.

— Да потому что «стыдно» — это для ребенка, который на заборе слово из трех букв написал! — убежденно произнес Пастухов. — Да и то... по нынешним временам это уже даже ребенку не стыдно. Как застеснялись и разошлись — так и снова пойдут безобразничать! А вот если больно и страшно — это до мозгов доходит, до печенки, это в подсознании откладывается. Тем более речь-то у нас о ком?

— О ком? — зачарованно повторил Алишер.

— О лицах, которые уже совершают групповое правонарушение! — энергично взмахнув рукой, сказал Пастухов. — Массовые беспорядки, нарушение правил проведения собраний и демонстраций, несанкционированный митинг, уничтожение чужого имущества, бандитизм, разбой, кража, хулиганство, нанесение телесных повреждений... В общем — весь букет! А удастся ли всех потом найти, задержать и привлечь к суду за содеянное? Не факт! Скорее всего десяток стрелочников выберут для показательной порки, остальные отделаются легким испугом. Так что хорошо бы наказать прямо в процессе пресечения противоправной деятельности. Пусть будет больно — раз, страшно — два!

Он торжествующе оглядел зал.

А зал молчал. Думал. Но это было вовсе не осуждающее молчание Светлых Иных, сокрушенных людской жестокостью. Нет. Нормально так все молчали, обдумывали его слова. И похоже, готовы были с ними согласиться.

Да в общем-то я и сам был с Пастуховым согласен.

Мне это не нравилось! Но я был с ним согласен.

— Дмитрий, позвольте тогда другой вопрос! — вступила в разговор

Ольга. — Немного не по теме, но все-таки... Плышет корабль. Большой. На нем много пассажиров, очень много. В трюме возникла течь. Шлюпок не хватает. Помощи ждать... ну, в общем, не успевает помощь. Капитан понимает, что все спастись не смогут, но пассажиры пока не в курсе ситуации. Что делать?

Пастухов нахмурился. Потом с легкой надеждой спросил:

— Это как тест, да? К нам психолог приходил, тоже наподобие вопросы задавал...

— Нет-нет! — Ольга замотала головой. — Не тест, нет! Просто вопрос. Как вы думаете, как в такой ситуации поступить?

— Ну, наверное, надо детей посадить в шлюпки, — сказал Пастухов, немного подумав. — И женщин, если влезут.

Он говорил искренне, я это видел. И старший сержант сразу стал для меня гораздо симпатичнее, чем когда рассказывал о целительной силе боли и страха.

— Даже все дети не влезут! — сказала Ольга. — Да и не факт, что они в шлюпках без взрослых выживут, совсем не факт.

Пастухов нахмурился.

— Можно тех, кто достоин, спасти... — задумчиво произнес он. — Ну, каких-нибудь заслуженных людей, все такое... — Он потер переносицу и сам себе возразил. — Нет, не дело. Кто будет решать-то, а? Кто достоин, кто нет... тут такое начнется... Я бы... я бы, наверное, ничего не делал.

— Ничего? — переспросила Ольга. С любопытством, но без осуждения.

— Ничего! — уже тверже сказал Пастухов. — Понимаете, я бы, конечно, команде велел воду откачивать, пробками какими-нибудь пробойну закрывать...

— Для этого пластырь используют! — сообщил из зала кто-то образованный в морских делах.

— Пластырем, — легко согласился Пастухов. — А так... пусть музыканты играют, официанты еду-напитки разносят...

Видимо, он недавно посмотрел «Титаник», подумалось мне.

— А кто будет спасаться? — продолжала допытываться Ольга.

— Кто сможет, тот и спасется, — пожал плечами Пастухов. — Кто поймет, что корабль тонет, что шлюпок мало. Так честнее всего будет. Уж потом, как до всех дойдет, можно будет какой-то порядок наводить.

— Спасибо, очень ценное мнение, — сказала Ольга. — Еще вопросы?

— Дмитрий, а вот другая ситуация... — спросили из зала. — Вы, обычный человек, мен... то есть полицей... тьфу, простите! Простой

полицейский, ничего не знающий о Иных. Ночью наталкиваетесь на существо, которое по всем повадкам напоминает вампира... ну или оборотня... Как вы поступите?

— Пистолет достану и постараюсь задержать, — ответил Пастухов.

Зал, похоже, удивился. Повисла тишина. Пастухов заерзал на месте.

— Вы не подумайте, что я герой какой-то ненормальный... — виновато сказал он. — Но я-то что подумаю? Что это псих какой-то обрядился вампиром или оборотнем. Значит, можно арестовывать. Чего он против пистолета-то сумеет? А вот если знаю, ну... вот как я немножко про вас знаю... тогда нет, конечно. Ходу дам! Но вы же хотели узнать, как обычный мент среагирует... то есть полицейский...

Я тихонько приоткрыл дверь и вышел из зала.

Что-то мне не нравилось происходящее. Решительно не нравилось. С каких это пор Ночной Дозор стали готовить для взаимодействия с человеческими силовыми структурами? Люди сами по себе, мы сами по себе. Так было. Всегда. Или не всегда?

Нет, мне решительно это не нравится.

— Тебе тоже скучно стало?

Я обернулся. В сторонке, у стеночки, стоял Лас и тихонько курил, пряча сигарету в кулак будто школьник.

— А ты чего? — растерялся я.

— Что нового может мне сказать мент? — риторически спросил Лас. — Помню, лет пять как, встретил я одного милиционера, который играл на флейте «Щегленка» Вивальди. Вот тогда я удивился!

— Ну почему бы человеку не иметь такое хобби? — пожал я плечами. — Пусть он хоть трижды полицейский — играет себе и играет!

— Да, но не стоя зимой, в снегопад, на посту! — возразил Лас. Подумал секунду и добавил: — Хотя играл он фигово, скажу честно. На троечку.

Я покачал головой. Мне никогда не встречались ни милиционеры, ни полицейские, играющие на флейте. Мне вообще не встречалось и десятой доли тех забавностей, что наблюдал вокруг себя Лас. Вот всяких гадостей встречалось в избытке, а забавностей — нет.

— Во-первых, меня не позвали на лекцию, — начал я.

Лас понимающе кивнул и шепотом произнес:

— Да, я бы тоже обиделся!

— Во-вторых, мне вообще странной кажется вся эта тема, — продолжил я, проигнорировав шпильку. — Мы что, готовимся к каким-то катаклизмам?

— Стабильности нет, — сказал Лас. — Террористы опять захватили самолет.

— Какой самолет? — насторожился я.

Лас посмотрел на меня с подозрением. Потом спрятал окурок в карманную пепельницу и помахал рукой, разгоняя дым.

— Проехали. Это просто фигура речи. Антон, ты вокруг посмотри! На человеческий мир! Вы все Великие, могучие маги, вам неинтересно на обычную жизнь смотреть. А мир лихорадит, финансовый кризис за финансовым кризисом, валюты скачут, в развитых странах правительства падают, революция за революцией в малоразвитых странах. Между тем враг наш хитер и силен, он идет в наступление...

— Вроде бы с Дневным перемирие, — заметил я. — И Завулон не зловреднее обычного...

— Завулон? Ха! — Лас саркастически рассмеялся. — Он мелкая сошка. А наш враг — царь Тьмы!

— Дьявол? — уточнил я. — Ну так нет особых оснований полагать, что он существует... Ты покрестился, что ли?

— Спрашиваешь! — Лас гордо запустил пальцы за ворот и продемонстрировал новенький блестящий крестик. — Покрестился, исповедался, причастился... все дела!

— Хорошо, что не соборовался... — съязвил я. — Ну все, теперь силы зла обречены.

— Не иронизируй, — обиженно сказал Лас.

Мне стало неудобно. В конце концов, вера — это личное дело каждого. Иной он или человек... Вон Арина, уж на что ведьма — все равно ведь верит!

— Извини, я не прав, — сказал я. — Поскольку вопрос существования Бога принципиально не разрешим...

Лас покровительственно похлопал меня по плечу.

— Ничего-ничего. Я понимаю. Но ведь ты не будешь отрицать, что в мире нарастают противоречия между странами, неразрешимые мирными методами, растет финансовая нестабильность, терпят крах традиционные экономические, политические и социальные модели?

— Не буду, — признал я.

— Ну так в этих условиях Дозоры просто обязаны готовиться к мерам по защите человеческого поголовья!

Мне показалось, что я ослышался.

— Чего — человеческого?

— Поголовья. Ну, населения, — поморщился Лас.

— Как-то ты невежливо о людях, — сказал я.

— А разве они заслужили другого? — удивился Лас. — Две тысячи лет, как людям дана была благая весть! И что за это время изменилось? Войны, насилие, подлости и гнусности!

— В целом все равно прогресс есть, — не согласился я. — Раньше во время войны людей истребляли или превращали в рабов, крестьяне умирали с голоду...

— А теперь во время войны пытаются и травят газами в концлагерях, бомбят высокоточными бомбами или, в лучшем случае, захватывают страну экономически и превращают в бесправных сателлитов. А там, где нет войны, дураят своих и держат их за скотов. — Лас развел руками. — Какой-нибудь Чингисхан, Ксеркс или Калигула были, пожалуй, честнее. Так что уважать людей пока не за что.

Я начал потихоньку заводиться.

— Лас, мы — Ночной Дозор. Мы защищаем людей, а не презираем их...

Лас поморщился. И, понизив голос, сказал:

— Слушай, Антон... Ну, ты это... Высший маг. Начальник и вообще. Но давай сейчас неофициально, по-дружески?

— Давай.

— Тогда не вешай мне лапшу на уши, что мы людей защищаем, — спокойно сказал Лас. — Мы ими управляем... помаленьку. И мешаем Дневному Дозору управлять людьми так, как они считают правильным. Какая защита, если мы вампирам лицензии на людей выдаем? Какая защита, если на каждое сделанное нами доброе дело Темные получают право совершить зло? Мы себя защищаем! Свой образ мыслей, свое удобное существование, свою долгую жизнь и отсутствие человеческих проблем. Да, мы хорошие, а Темные — плохие! Поэтому мы не согласны относиться к людям совсем уж как к скоту. Но мы ведь не считаем их равными себе!

— Считаем, — упрямо сказал я.

— Ой ли? — Лас засмеялся. — Ты когда последний раз жил человеческой жизнью, Антон? Так, чтобы считать в кармане деньги до зарплаты, унижаться перед мелким человеческим чиновником, получая нелепую справку, мыкался по обшарпанным поликлиникам, добиваясь от усталых врачей лечения, стоял в двухчасовой пробке — потому что ради очередного вояжера перекрыли пол-Москвы, увертывался от несущейся по встрече машины с мигалкой и «особыми» номерами?

— В Москве изрядно людей, которые тоже не считают каждую

копейку, не унижаются перед чиновником... — начал я.

— Конечно, и они считают окружающих скотами, — кивнул Лас. — Тех, у кого на машине нет мигалки, а в бумажнике — пары кредиток от крупных иностранных банков. И если ты ведешь себя как они — а ты, прости, именно так себя ведешь, просчитав линии вероятности, реморализовав на пару минут встречных хамов, расплатившись в магазине служебной карточкой, у которой вообще лимита нет...

— Почему ты думаешь, что у служебных карточек нет лимита? — поразился я.

— Я проверил, — усмехнулся Лас. — Ты, похоже, стараешься жить в рамках якобы начисляемой тебе зарплаты? Посчитай как-нибудь из любопытства, убедишься, что давно уже тратишь в два-три раза больше, чем зарабатываешь! Единственный лимит — твое внутреннее чувство меры... а оно имеет свойство растягиваться. Так вот, Антон, если ты ведешь себя как те из людей, что привыкли считать себя выше других, то ты ничем от них и не отличаешься.

— Я не езжу на красный свет с включенной мигалкой! — рявкнул я.

— Конечно. Ты проезжаешь перекресток в Сумраке, или накладываешь на машину Сферу Невнимания, из-за чего все притормаживают, сами не понимая причины. Чем твоя магия отличается от мигалки? Ничем! Ты тоже считаешь себя представителем высшей расы... только, конечно, с большим основанием. Ты и есть представитель высшей расы! Ты Иной. Светлый Иной. Поэтому хочешь людям добра. Но ты давным-давно не живешь жизнью обычных людей и просто уже не сможешь ею жить. Даже одного дня не выдержишь.

— Выдержу, — упрямо сказал я.

— Тебе только так кажется, — поморщился Лас. — Так что... Я людей люблю, я им добра желаю. Но не идеализирую. И раз они себя ведут как скот, так к ним и приходится относиться. Делать вид, что между мной и дворником Васей нет никакой разницы, не собираюсь.

— Между нами нет никакой разницы, кроме того, что мы имеем магические способности, — сказал я. — Абсолютно. У нас та же мораль, те же мечты... и вообще! — Я поднял руки, коснулся Сумрака, нащупал собственную ауру. — Блок на сутки!

— Был совершенно убежден, что ты так и сделаешь, — кивнул Лас. — Что ж, попробуй. Только зря сразу с таким размахом... на сутки. Тебе бы хватило пары часов.

— Я в аэропорту на паспортном контроле час простоял, — сказал я. — Ничего... не пицал.

— Жаль, что не два, — вздохнул Лас. — Тогда сейчас был бы осторожнее... Ну ладно, завтра поговорим.

— Поговорим, — кивнул я.

— Тебя до дома подвезти? — поинтересовался Лас.

Я только презрительно фыркнул и пошел к выходу.

Глава третья

Есть такой простой способ понять, что чувствует в жизни слепой человек, — закрыть глаза и попробовать что-нибудь сделать. Что-нибудь привычное и нетрудное. То, что обычно и так делаешь «не глядя», — достать ложку из ящика стола, закурить сигарету, вставить диск в проигрыватель.

Больше пяти минут для того, чтобы все и навсегда понять, не требуется.

Можно провести и более гуманный эксперимент. Привязать на живот груз килограммов в десять, окружив его большой мягкой подушкой. Только груз обязательно должен быть хрупкий и такой, чтобы разбить его было безумно жалко. И походить так хотя бы сутки. И поспать с этим грузом...

Полной аналогии даже так не получить, но почему-то испытывавшие подобный тренинг мужчины начинают вскакивать в транспорте как ошпаренные, едва завидев беременную женщину.

Магия, конечно, не дана нам от рождения (если исключить мою дочь) и не так бесценна, как ребенок. Магия — всего лишь дополнительное удобство в жизни. Как эта самая чертова мигалка на дорогой машине... или депутатское удостоверение-«непроверяйка», при виде которого гаишники идут пятнами и с ненавистью козыряют нарушителю. Ну неужели я не обойдусь без магии всего одни сутки?

Хотя, конечно, Сферу Невнимания хорошо было бы оставить. Как магический аналог мигалки... сдалась же она мне!

Впрочем, я понимал, почему мысли непрерывно возвращаются к пластиковой синей херне, которая с кричающим звуком сверкает на крыше «мерседесов» и «БМВ». Меня угораздило возвращаться домой хоть и днем, но уже в час пик (впрочем, после того как новый мэр Москвы выделил на каждом проспекте по широченной полосе «для общественного транспорта», час пик в Москве растянулся на весь день и большую часть ночи), и обгоняющие меня по встречной полосе чиновничьи машины начали вызывать одновременно и отчаянную зависть, и жгучую ненависть. Я попытался вспомнить, видел ли хоть в одной другой стране машины со спецсигналами — ну, за исключением полицейских и «скорой помощи». Вспомнилось несколько случаев — один в Лондоне, один то ли в Испании, то ли в Италии.

А справа была пустая полоса, отделенная сплошной линией. Почему-

то машины с мигалками туда не лезли, хотя, казалось бы, уж им-то чего стесняться? За те полчаса, что я провел в медленно ползущей пробке, по выделенной полосе проехало два автобуса и парочка машин с начерно затонированными стеклами и без номерных знаков. В одной машине — громоздком внедорожнике «лексус», стекло со стороны водителя было опущено, за рулем сидел смуглый юноша с мобильным телефоном в руке. На дорогу он практически не смотрел. Раньше таких в милицейских сводках называли «лицами кавказской национальности», последнее время стали использовать политкорректное выражение «уроженец Северного Кавказа», в обиходе быстро трансформировавшееся просто в «уроженца».

Ну хоть бы автобусы и такси шли по выделенной полосе сплошным потоком, как это происходит во всем мире! Ведь было бы не так обидно. Было бы понятно, что ты платишь своим временем за комфорт поездки в машине, в то время как пользующиеся общественным транспортом люди получают право проехать без пробок...

Но автобусов не наблюдалось. Впрочем, и водители, кроме нескольких особо уверенных в себе «уроженцев», на выделенку не лезли.

Я закурил. Потом смял в пепельнице сигарету и стал выворачивать вправо. Пропускали меня не то чтобы радостно, но спокойно — пробка сплотила водителей, но пока еще не успела довести до озверения. Миновав четыре ряда машин, ползущих в трех полосах, я мрачно вывернул на выделенку и дал газ.

Что там у нас, кажется, повсюду камеры наставили? Ну и пусть придет по почте штраф, плюну и оплачу... Я бодро двинулся вперед, все-таки поглядывая на спидометр, чтобы не превысить шестидесяти километров в час. Далеко впереди маячил «лексус». По обочине неспешно ковыряли асфальт и твердую осеннюю землю «уроженцы Средней Азии». На каждого ковыряющего приходилось трое-четверо бесцельно стоящих в сторонке или с любопытством наблюдающих за медленной рекой из сверкающих машин. Гастарбайтеры заканчивали снимать с тротуара асфальт, чтобы по новой моде заменить его тротуарной плиткой. Среди них лавировали редкие прохожие, перепрыгивая с островков уцелевшего асфальта на клочки земли поровнее. Молодая мамаша сосредоточенно и непреклонно толкала вперед детскую коляску, будто не замечая окружающего ее кошмара. Мне вдруг представилось, как где-то примерно здесь, только семьдесят лет назад, такая же молодая женщина толкала тачку, вывозя землю со строительства противотанковых рвов — к Москве подступали фашисты. Но если тогда ее мучительный труд был осмысленным подвигом, то теперь подвиг стал бессмысленной и трудной мукой.

Гастарбайтеры кончились, начался просто перекопанный тротуар, вдоль которого были складированы надолбы серой, мрачной бетонной плитки. Интересно, а что мешало вначале уложить плитку на этом участке тротуара, а уже потом начинать курочить новый?

Ответа на этот вопрос не было. Зато в конце искореженного тротуара, там где почище, была припаркована машина ГИБДД и двое ребят в мышинных шинелях радостно махали мне полосатыми жезлами.

Я прижался к обочине, затормозил и опустил стекло.

— Старший сержант Роман Тарасов! — бодро сообщил подошедший полицейский, молодой и румяный.

— Рядовой водитель Городецкий! — почему-то столь же бодро и даже дурашливо ответил я, протягивая документы на машину и права.

— Нарушаем! — сказал сержант с улыбкой.

— Точно, — не стал отпираться я. — Сил нет уже никаких стоять в пробке.

— Эта полоса — для общественного транспорта полоса! — объяснил мне как ребенку полицейский. — Не видите, что ли?

— Вижу, — признался я. — Но еще я вижу «лексус», который мимо вас проехал. И не вижу ни одного автобуса за последние четверть часа.

Сержант поскущел, но все-таки продолжал улыбаться.

— «Лексус»... он большой, почти как автобус, — похоже, он попытался пошутить. — А что автобусов нет — так это не повод нарушать!

— Согласен, не повод, — кивнул я. — Но все-таки почему вы «лексус» не остановили?

Сержант посмотрел на меня как на идиота.

— Вы что, номера его не видели?

— Не видел, — сказал я. — Да их не было вовсе! Кстати, тоже нарушение... и стекла затонированы сверх нормативов. Целый букет нарушений.

— Букет... — Сержант сморщился, как от зубной боли. — Остановили ребята как-то такой букетик... вылетели с работы, хорошо хоть, под суд не пошли! А мне эта работа знаешь как досталась?

— Как? — еще больше удивился я.

Полицейский осекся. В его взгляде появилась та смесь осторожности и брезгливости, с которой нормальные люди смотрят на неадекватного человека.

— Выезд на полосу для движения общественного транспорта, — сухо сказал он. — Штраф три тысячи рублей.

— Признаю, — снова согласился я. — Выписывайте квитанцию.

Теперь уже он смотрел на меня совсем опасливо.

— Вы же вроде как спешили, водитель Городецкий...

— Спешил.

— И машинка у вас... не «лексус», — блеснул он мудрым замечанием.

— Верно подмечено! — воскликнул я. — «Форд».

— Можно попробовать решить ситуацию... за половину... — совсем негромко сказал полицейский. — И выписывать квитанцию — дело долгое...

Меня стал разбирать смех. Какой-то он был... совсем голодный. Я, конечно, последние семнадцать лет жил не так, как все люди. Но все-таки кое-что помню.

Со времен моей встречи с Пастуховым на ВДНХ они ничуть не изменились...

— Знаешь, Роман, выписывай мне штраф, — сказал я. — Мне, конечно, хотелось бы деньги сэкономить и время не терять. Но только противно. Понимаешь?

У него что-то дрогнуло в лице.

— А мне, думаешь, не противно? — негромко сказал он. — Что одних остановить не смей... другие корочками машут... что у родителей в городе все заводы закрыли, а пенсии ни на что не хватает... что все вокруг... а я... — Он сбился, махнул рукой и мрачно посмотрел на меня. Протянул документы. — Езжай...

— А как же штраф? — спросил я.

— А никак! — Он развернулся и пошел к напарнику.

Я посмотрел ему вслед. Иногда для реморализации не нужна магия. Жалко только, что и действует такое волшебство недолго... не на всех... и не всегда...

Медленно выруливая обратно в правую полосу, я услышал реплику напарника сержанта:

— Ты чё?

— Да это... актер он, популярный, театра и кино... — неуклюже соврал Тарасов. — Пускай едет...

Я опустил стекло, втиснулся между пыльным «ниссаном» и битой старой «Волгой», мигнул аварийкой, благодаря, что пропустили. И посмотрел на часы.

Ничего, через полчаса буду дома.

Тут пешком-то хода двадцать минут, если напрямик, через дворы...

На самом деле я подъехал к дому через четверть часа — что-то в

загадочном механизме московских пробок переключилось и машины задвигались более-менее живо. Я остановился возле дома, на привычном месте, и сообразил, что на этом удобном пятачке асфальта мной давным-давно было наложено заклятие, мешающее парковаться другим людям. Быть принципиальным до конца и переставлять машину? Глупо, ведь на это место все равно никто не встанет.

Так что я решил не считать ранее наложенную магию нарушением, вылез и закрыл машину. Сейчас пойду домой, там мне способности Иного точно не понадобятся...

Звякнул телефон. Я посмотрел на экран.

«Дорогой, купи хлеб черный и белый, масло растительное, десяток яиц, сосиски. И туалетная бумага кончается».

Светлана всегда пишет СМС с большими буквами и знаками препинания. Некоторых это смешит, а некоторых почему-то даже злит. Мне — нравится.

Я пожал плечами и отправился в ближайший супермаркет — «Перекресток». Как известно, с древних времен перекрестки считались местом встречи злых сил, вампиров и темных колдунов, недаром их предпочитали там и хоронить, для надежности вколов в грудь осиновый кол с прицепленными к нему текстами из священных книг. Так, наверное, возникли первые дорожные указатели...

Нынешние супермаркеты, неосторожно взявшие себе это название, особым уважением в Москве не пользовались — в силу невысокой пафосности и разнокалиберности публики. Но мне там всегда было уютнее, чем в немногочисленных «Азбуках вкуса», «Глобусах Гурмэ» или «Седьмых континентах».

Идти было недалеко, минут пять. Но по пути я успел с горьким сарказмом подумать, что именно сегодня, отказавшись от использования магии, я непременно попаду в переделку. Меня обсчитает и обхамит молоденькая кассирша. У кассы будет считать в ладошке мелочь и горько рыдать, складывая с ленты обратно в корзинку куриные окорочка и пшено старушка-пенсионерка. Безусый юнец станет покупать дешевую водку или крепленое пиво, а кассирша (та самая, что меня обсчитает) сделает вид, что не замечает его возраста.

В общем — непременно случится какая-нибудь гадость, на которую в обычной ситуации я мог бы потратить доступные мне по рангу слабенькие заклинания реморализации — «укор», «стыдоба» или даже «позор», восстановив справедливость и покарвав порок.

Но и сейчас я сдаваться не собирался. Я докажу всем, и в первую

очередь самому себе, что способен жить как обычный человек, сохраняя достоинство и делая жизнь вокруг лучше. Пристыжу кассиршу (блин, да с чего мне сдалась эта неведомая девушка?), заплачу за старушку, которая будет благословлять меня вслед, а юноше, обдумывающему питье, сурово укажу на вред употребления алкоголя в отрочестве. В общем — сделаю все так же, как всегда, только без магии.

С дорожной полицией ведь получилось!

Так что, взяв корзинку и отправившись в путешествие по магазину (так... масло — вот оно... яйца рядом...), я был готов ко всему. Сосиски... хлеб... туалетная бумага уже на выходе, там возьму...

Стоя в очереди на кассу, я рефлекторно прихватил со стойки круглый леденец и шоколадное яйцо с сюрпризом. Подумал о том, что последние месяцы эти традиционные подарки уже не вызывают у Нади прежнего бурного восторга.

Что поделать. Дети растут быстрее, чем мы успеваем это осмыслить.

Старушка в очереди и впрямь была. И юнец с какой-то бутылкой. И кассирша оказалась молодой, нагловатого вида, да еще и с пирсингом в носу.

Я внутренне собрался.

Старушка выложила на ленту курицу, пакет крупы (что же это, выходит, способности к предвидению у меня работают даже при заблокированной магии?) и, несколько неожиданно, бутылку массандровского «Кагора». Далее из старенького кошелька появилась на свет пластиковая карта.

— У меня терминал не работает, только наличные... — начала кассирша.

— А я обязана знать, что терминал не работает? — мгновенно кинулась в бой старушка.

— Я же табличку поставила... — Кассирша замолчала, ловко сгребла бабкины покупки, встала и перенесла их на соседнюю ленту. — Лейла, пропусти бабушку без очереди...

Что-то возмущенно бормоча, старушка перешла к соседней кассе, буркнув все ж таки «спасибо» кассирше с пирсингом. Очереди терпеливо ждали. Юнец нервничал, смотрел на часы, но стоял. Я изучал табличку «Извините, пластиковые карты временно не обслуживаются».

Мужчина с наружностью строительного рабочего приобрел два пакета лапши быстрого приготовления и банку крепкого пива, после чего уверенным шагом двинулся к аптечному лотку. Я не сомневался, что он собирается приобретать — либо «жидкость антисептическую, содержание

спирта 96 %», либо настойку боярышника, которая ко всему еще и обладает приятным запахом. А вот следующий за ним юнец приобрел вовсе не алкоголь, а какой-то витаминизированный лимонад «на натуральных компонентах». Может быть, и он, конечно, собирался замешать этот лимонад на настойке боярышника, но я решил не думать о людях плохо. Иначе и сам стану считать их неполноценными.

Девушка быстро пробила мои покупки и даже выдала дежурную усталую улыбку, после чего принялась за следующего клиента. Я задумчиво пошел на выход.

С одной стороны — Лас не прав. Могу я прожить без магии, не проблема... А с другой — выходит, что я и впрямь от этого отвык, если простой поход в магазин превратился для меня в ожидание подвига...

Да, кстати, а что там Лас говорил про наши зарплатные карты?

Я двинулся к банкоматам. Достал карточку, повертел в руках. Выпущена она была каким-то неизвестным мне «Commonwealth Bank of Australia», что в общем-то было странно. Мало, что ли, в России собственных банков или филиалов известных зарубежных? Я всунул карточку в щель банкомата, ввел пин-код. Так... попробуем... «запрос баланса». Информации нет. Разумеется, банкомат принадлежал «Райффайзену», а банкоматов от австралийского банка Содружества я в России не видел никогда. Наверное, их стоило искать в Австралии. И на Тайване, кажется, я видел их логотип... но в голову не пришло проверить баланс.

Интересно, какой смысл Ночному Дозору выдавать своим сотрудникам карты банка, который не ведет в России никакой деятельности и не имеет представительств?

Ну... к примеру, чтобы сотрудники не могли проверить баланс. А зачем это вообще нужно?

Я выбрал в меню «выдача наличных». Потом «иная сумма». Усмехнулся каламбуру. Иная сумма для Иного... Обычное ограничение на разовую выдачу денег — тридцать тысяч рублей.

Набрав «30 500», я нажал ввод.

Банкомат подумал секунду и зашелестел купюрами.

Я ввел пин-код повторно. Вошел в выдачу наличных. Выбрал в меню доллары. Помедлил, прежде чем ввести сумму.

Нет, ну это же бред...

«25 000». Ввод.

Да банкомат просто не сможет выдать мне двести пятьдесят купюр!

Внутри машины застрекотало. Выдвинулась стопка стодолларовых

бумажек. Как во сне я вынул ее, сунул в карман. Банкомат не стал запрашивать пароль повторно — он принялся вновь отсчитывать купюры. Я стоял, пытаюсь прикрыть щель с деньгами от любопытных взглядов — европейская деликатность в этом вопросе в России пока не прижилась.

Еще одна стопка денег.

Шелест купюр — отсчитывается новая порция...

Да что я буду делать с двадцатью пятью тысячами зеленых? Это можно новую машину купить, но зачем она мне...

Вот, собственно говоря, и ответ.

Светлые Иные — не аскеты и не бесребреники. Мы любим красиво одеться и вкусно поесть. И от нового телевизора не откажемся. И от новой машины.

Но в отличие от Темных нам это... неудобно, что ли. Мы словно стараемся жить по утопическому коммунистическому лозунгу: «С каждого по способностям, каждому по потребностям». Только свои способности оцениваем сами... и порой достаточно критично. И в результате занижаем и свои потребности.

Что сделать, чтобы убежденные альтруисты могли ни в чем себе не отказывать? Ответ прост — отучить их считать. Вот вам банковские карты, ребята. Ваша зарплата (и поверьте, начальство знает, на сколько вы поработали) перечисляется вам на счет... пользуйтесь.

Наверное, мы единственная в мире организация, не важно, человеческая или Иная, где начальство пытается обманывать рядовых сотрудников, завышая им ставки.

А точнее — ничем их не ограничивая.

Смешно...

— Не самый разумный поступок для Иного, заблокировавшего свои способности, — тихо сказали мне со спины. — Я имею в виду — прогуливаться по вечерней Москве с карманами, полными баксов.

— Я думаю, по вечернему Лондону или Нью-Йорку гулять с такой суммой тоже не слишком разумно, — ответил я не оборачиваясь. — Я знал, что ты за мной следишь, Арина.

Ведьма тихо рассмеялась. Я закончил прятать в карманы деньги и повернулся к ней.

Выглядела она превосходно. Как всегда.

— Ты специально заблокировал свою магию? — спросила она. — Чтобы меня выманить?

— Нет, — признался я честно. — Поспорил... с одним товарищем.

— Можешь ли прожить без магии? Ну и как? — В голосе Арины был

неподдельный интерес.

— Масса неприятных мелочей, но жить можно.

— А я не могу, — вздохнула Арина. — Превращусь в дряхлую развалину... Кстати, и ты не до конца честен. Ты заблокировал свою магию, но при тебе осталось здоровье Иного, у тебя видна магическая аура — и на тебя не рискнет напасть никакой вампир или оборотень...

— Заблокировал что мог, — мрачно сказал я. — Лучше скажи, что ты собираешься делать?

— Я? — искренне удивилась Арина. — Провожу тебя до дома, чтобы никто не обидел. Поболтаем по пути... Клянусь не причинять зла! А ты не нападешь?

Разумеется, я мог снять установленный собой же магический блок. Но это заняло бы несколько минут и Арина бы это почувствовала.

— Пока не вернусь домой — нет, не нападу.

— Здорово, — обрадовалась ведьма. — Пойдем потихоньку, а то уже темнеет и силы зла выходят на охоту.

Я подумал, что при виде Арины любая сила зла, хоть чуть-чуть разбирающаяся в магии, наложит себе в штаны, но озвучивать эту банальную мысль не стал. Улыбаясь друг другу, мы вышли из супермаркета и направились к моему дому.

То, что Арина прекрасно знает, где я живу, меня ничуть не удивило.

— Как тебе пророчество? — небрежно спросила Арина, едва мы отошли от магазина пару шагов.

— Никак. Ты же украла флэшку.

— Ой, прости, забыла извиниться за то хулиганство, — ничуть не смутившись, ответила Арина. — Но я не поверю, что компьютерщик не сохранил копию.

— Вот и Гесер не верил, — вздохнул я. — Весь дом перерыли, компьютер и ноутбук проверили... игрушку отобрали...

— Только не надо лицемерить, — фыркнула Арина. — Чтобы ты и не сохранил копии, да так, чтобы ее не нашли? Послал на какой-нибудь емейл, к примеру...

— Я думал об этом, — кивнул я. — Но это тоже элементарно отслеживается.

— Все равно у тебя есть этот файл, — убежденно сказала Арина. — Впрочем... хочешь я просто верну тебе ту флэшку? Мне она уже не нужна.

— Я ее уничтожу, Арина. Можешь отнести Гесеру, он интересовался.

— Вот горе-то горькое, я к Гесеру идти не хочу... — развела руками Арина. — Мне ты интересен. Что делать-то будем?

— Повторяю — я не слышал пророчества! — раздраженно ответил я. — Не слышал! И не хочу слышать!

Арина замолчала. Некоторое время шла, раздумывая о чем-то своем. Потом сказала:

— Тебе придется его послушать. Это важно, Антон. Поверь.

— А потом за мной придет Тигр? И мне придется решать — раскрывать пророчество людям или умирать? Благодарю покорно! Оставлю этот выбор тебе!

— Антон, все сложнее, чем ты думаешь.

— Жизнь всегда сложнее, чем мы ее себе представляем. Хватит! Мне надоело, понимаешь? Надоело решать за других! Надоело защищать Ночной Дозор! Надоело сражаться за добро! Все надоело!

Я не сразу понял, что стою и кричу, а редкие прохожие обходят нас стороной. Арина тоже остановилась, мрачно посмотрела на меня. Потом сказала:

— Антон, я тебя понимаю. Я и сама не в восторге от происходящего. Но это пророчество ты должен услышать. И ты его услышишь.

— И как ты этого добьешься? — спросил я. — Принудишь? Опять нарушишь свои клятвы?

— Опять? — удивилась Арина. — Я ничего не нарушала. Я не клялась, что не сопру у тебя штаны и флэшку. — Она хихикнула, потом посерьезнела. — Нет, Антон, я не собираюсь пользоваться твоей временной беспомощностью и принуждать тебя слушать пророчество. Ты сам это сделаешь.

Я рассмеялся и ускорил шаг. Арина торопливо пошла следом.

— Антон! Ты помнишь анекдот про то, как заставить кошку вылизывать себе под хвостом?

— Нет.

— А зря, он хоть и детский, но демонстрирует разные подходы к решению проблемы... Там как водится, представители трех народов действуют. Американец кошку загипнотизировал. Француз долго и тщательно дрессировал...

— По-моему, дрессировал китаец... — ответил я не останавливаясь.

— Не важно. А русский намазал кошку горчицей, после чего она стала вылизываться добровольно и с песней. Вот так и ты, Антон, пророчество послушаешь сам — и с песней!

— И что будет горчицей? — спросил я.

— Твоя дочь. Пророчество мальчишки касается Нади.

— Что? — Я обернулся.

Арина развела руками.

— Что слышал. И не надо так на меня смотреть, я не виновата... Пока, Антон! Когда захочешь со мной поговорить о пророчестве — позови. Просто позови через Сумрак. Я услышу.

Она взмахнула рукой, демонстрируя мне Минойскую Сферу, и исчезла.

— Старая дрянная ведьма! — крикнул я. — Интриганка! Сумасшедшая!

Ответом мне была тишина.

Дрянная, старая, сумасшедшая интриганка...

Да, конечно.

Но горчицей она меня намазала хорошо. Чувствовался профессионал.

О том, что я забыл купить туалетную бумагу, я вспомнил, только выходя из лифта.

Глава четвертая

Кажется, Светлана поняла все сразу, едва я вошел в дверь. Но вопрос задала только поздно вечером, уже в постели.

— Ты заблокировал свою магию?

— Угу. — Я не стал отпираться, но и в объяснения попробовал не вступать. — Завтра блок сойдет.

— Я вижу. На спор?

— На спор.

Светлана отложила книжку, которую читала перед сном уже второй вечер, заглянула мне в глаза. Я напрягся, ожидая иронии или хотя бы просто вопроса «нафига?».

— Трудно было, Антон? — спросила Светлана.

— Да, — признался я. — Никогда не думал, что постоянно что-то делаю магически... по мелочам, но делаю...

— Понимаю.

— Это трудно понять. — Я улыбнулся, чтобы сгладить невольную резкость. — Пока не попробуешь, кажется, что это ерунда...

— Антон, я уже четыре года не использую магию вне дома.

— Что? — Я присел на кровати. — Но это же глупо!

— Да, я знаю, — кивнула Светлана.

— Но почему?

— Мне показалось, что я перестаю быть человеком, — ответила Светлана. — Как-то очень незаметно. Вначале это казалось чудесным — решать все проблемы одним движением, беспокоиться лишь о соблюдении баланса добра и зла... Потом я поняла, что решаю я только и исключительно свои проблемы. Начала успокаивать себя, что в этом нет ничего плохого. Что Ночной Дозор не может уничтожить зло... что это вообще не его задача... мы можем лишь не допустить поражения добра, всего остального люди должны добиваться сами... Ну, ты знаешь. Все то, чему учат юных Иных в школе... те, у кого самые горячие сердца, идут потом в Дозор, а у кого самые холодные головы — просто живут среди людей Иной жизнью... А потом мне стало... — Она замолчала, подыскивая слово.

— Противно? — спросил я с жадным любопытством. Мне важно было понять это самому.

— Неуютно. — Светлана покачала головой. — Не противно. Мы ведь

и впрямь стараемся нести добро. Но... неуютно. Это знаешь как... наверное, так себя чувствовал Румата Эсторский, прежде чем достать мечи и встать перед дверью, которую ломали штурмовики.

— Понимаю, — кивнул я.

— Я тебя люблю именно за то, что ты понимаешь и тебе не надо объяснять, кто такой Румата, — серьезно сказала Светлана и улыбнулась. — Вот... и я поняла, что кончу так, как он.

— У меня тоже такое было, — сказал я.

— Ты справился. Ты мужчина, ты по-другому реагируешь. Ты, в конце концов, можешь напиться и обругать Гесера. — Она снова улыбнулась. — А я поняла, что сорвусь и натворю глупостей по полной программе... И перестала пользоваться магией. Ну... кроме как дома. Ненавижу гладить белье!

— Почему ты мне ничего не сказала? — спросил я.

— Ты был занят. Ты спасал мир.

— Прости, — сказал я. Мне было нестерпимо стыдно. — Прости меня.

— За что?

— За то, что я слепой самовлюбленный осел. За то, что не увидел...

— Ты и не мог ничего увидеть, я не ставила блок. Я просто перестала использовать магию.

Я посмотрел Светлане в глаза. Потом глянул на дверь спальни.

— Спит, — сказала Светлана.

А потом нам была не нужна никакая магия.

Глубокой ночью я лежал в кровати, слушал дыхание жены и думал о пророчествах.

Их два... и что-то тут не складывается...

Нет, на самом деле их не два. Вот в чем моя ошибка.

Было еще и третье.

Пророчество о том, что у Светланы родится дочь, которая станет Абсолютной волшебницей. Иной беспредельной силы. Той, кто сможет изменить баланс Света и Тьмы... изменить весь существующий порядок вещей.

Я как-то почти забыл об этом. А ведь это было пророчество, которое осуществилось. Ради него Ольга переписывала судьбу Светланы. Ради него Гесер сводил нас вместе, интриговал, рисковал, лез в конфронтацию с Завулоном и Инквизицией. Ставки были чудовищно высоки... и вдруг все закончилось? Завулон смирился с поражением?

Да не может такого быть...

Значит, эта игра еще не закончена. Она длится. Пророчество осуществилось, Надя — Абсолютная волшебница, но к чему это приведет, в пророчестве не определено.

Хорошо. Отложим этот факт в памяти, он явно важен. Надя — одна из фигур на доске. Возможно — главная фигура... белая королева...

Что дальше?

Пророчество мальчика Кеши. Его уже знает Арина — значит, Тигр идет за ней... Или не идет? Согласно классической версии, Тигр пытается уничтожить пророка, не допустить озвучивания и осуществления пророчества. И это вполне согласуется с тем, что я видел своими глазами и слышал своими ушами. Штурмуя офис Ночного Дозора, Тигр сказал: «Пророчество не должно быть услышано».

Верно? Верно.

Но по мнению старого китайского мага, Тигр вовсе не преследует таких целей. Его задача — «тормозить» пророков, подстегивать их к донесению до людей своих пророчеств, чтобы те сбылись — и так или иначе изменили человеческую жизнь, не дали людскому муравейнику остановиться в развитии. Версия складная и подтвержденная историей самого Фан Веньяна... Тигр «тормозит» пророков, пока они ни исполняют свой долг — или твердо решают никогда пророчество не озвучивать. Видимо, то, услышанное Веньяном пророчество несло что-то очень плохое Китаю — и маг готов был умереть, лишь бы спасти свою страну. Тигр понял это и ушел, ему не нужны напрасные жертвы.

Но почему тогда в случае с Кешей «пророчество не должно быть услышано»? Оно какое-то особенное? Выходящее за рамки обычных, приносящих в мир спутники, мини-юбки или рок-музыку? И при этом, если верить Арине, оно еще и касается напрямую моей дочери?

Загадка.

Так, пойдем с другого конца. Кто такой Тигр? Опять же, по мнению Веньяна, а он этот вопрос, похоже, изучил лучше всех наших, европейских мудрецов, Тигр — не просто измененный и направленный Сумраком Иной, как Зеркало. Он более сложен. Он... ну, можно сказать, что в какой-то мере он живой. Живой и разумный.

Как и Сумрак.

В общем, он и есть Сумрак, в доступной нашим глазам форме...

У меня по коже пробежал морозец. «Someone is walking over my grave», как говорят англичане. Кто-то прошел по моей могиле...

Кто-кто... Тигр в пальто!

Сумрак...

Вот он, вокруг меня. Доступный Иным, и только едва-едва угадываемый людьми. Источник Силы... и одновременно ее потребитель.

Если верить Веньяну — живой и разумный.

Как это может быть? Как может быть разумным ничто? Матрешка из семи измерений, одно из которых — наш мир, а остальные разнятся от холодной пустыни и до бледной копии реального мира? Разум должен иметь какой-то материальный носитель...

Или никому он ничего не должен?

Мы ведь даже не знаем, что такое магическая Сила, которую используем. Наши ученые — все как на подбор плохие маги, зато умные головы, исследовали этот вопрос весь двадцатый век и продолжили в двадцать первом. Наши — это не только Светлые, не только русские. Иные во всем мире пытались понять свою природу, при необходимости привлекая и человеческих ученых, скармливая точно рассчитанные крохи информации Пентагону и ЦРУ, КГБ и закрытым советским научным институтам. Специально подготовленные Иные сотрудничали с человеческими учеными, демонстрируя какие-то грани своих способностей — слишком мало, чтобы их однозначно приняли всерьез, но достаточно, чтобы разжечь любопытство и засадить за работу целые лаборатории с миллионными бюджетами.

Ничего.

Есть Сила, которую мы чувствуем. Ее испускает все живое, но люди в наибольшей степени (следом за ними идут киты, дельфины, свиньи, собаки и крысы — обезьяны, кстати, даже не в десятке). Иные Силу чувствуют, видят как ауру, могут оценить и зафиксировать. Ну и употребить, разумеется... собрать в себе. Чтобы потом, входя в Сумрак или просто призвав мысленно его образ, совершить магические действия...

Как? Китаец совершенно прав — как Сумрак, который нематериален, превращает Силу, которую не фиксируют никакие приборы, во вполне материальный огненный шар или рассекающее металл и камень «тройное лезвие»? Наши мысли, желания — это только переключатель. Ну или пользуясь компьютерной терминологией — команды. А вся та незримая работа, которая и позволяет нам творить чудеса, происходит вне нашего сознания и нам неподконтрольна. Ее осуществляет Сумрак. Значит, Сумрак либо немислимый нематериальный компьютер, настроенный на исполнение желаний Иных — но тогда встает вопрос, кто его создал и запрограммировал, либо... либо немислимое нематериальное разумное существо. Сверхсущество...

В принципе большой разницы тут даже нет. Машина из

энергетических полей (допустим!) или столь же экзотический сверхразум. Всесилен ли он?

Нет, вряд ли. Всесилен и всеведущ, по определению, только Бог. Я как-то не готов поверить, что Всевышний, если он существует, занят тем, что осуществляет желания кучки Иных. Это противоречит и теологии, и здравому смыслу. Да и имеющимся фактам — тоже. Не похоже поведение Тигра или, к примеру, Зеркала на проявление божественной воли, всеильной и всемогущей. Поведение очень сильного и умного существа — да. Поведения Бога? Нет, ни в коей мере. А чего у нас боится любое живое существо?

Ясное дело.

Смерти.

Значит... значит, пророчество мальчика Кеши так или иначе опасно для Сумрака. Поэтому Тигр и не хотел, чтобы оно прозвучало.

Логично?

Да.

Значит, примем за основу.

Теперь о другом пророчестве. О том, что прокричал в дупло совсем другой мальчик, живший давным-давно в Британии. О пророчестве, которое дремлет, законсервированное в деревянном кубке, вот уже почти триста лет.

Имеет оно какое-то отношение ко мне?

Или оно сообщало о независимости Северо-Американских Соединенных Штатов, открытии пенициллина или крушении «Титаника»?

Нет. В таких вещах, как пророчества, не бывает случайностей. Если уж оно попало ко мне в руки, если я догадался... конечно, если я действительно догадался... как его услышать...

Это два звена одной цепи.

А между ними — третье звено, пророчество об Абсолютной волшебнице Надежде...

И мне уже никуда не деться. Я тот кот, которого намазали под хвостом горчицей — и я буду ее вылизывать, добровольно и с песней.

Потому, что на кону судьба моей дочери.

И потому, что мне очень не нравится приснившийся мне сон — про Надю, которая с ненавистью кричит: «Папа, что ты сделал с нами?» И это не просто сон, порожденный нервным напряжением, глотком спиртного и всплывшей из подсознания песенкой про волшебника-недоучку. Это предвидение... ну или, как говорят люди, «вещий сон».

Тихонько, чтобы не разбудить Светлану, я встал с кровати. Та

предательски скрипнула, я замер, но жена не проснулась. Я пошел в гостиную, прикрыл дверь в спальню и зажег неяркий торшер.

В современном доме, если вы не фанатичный противник прогресса, а уж тем более — если увлекаетесь гаджетами, очень много электронных устройств, способных нести информацию. У меня проверили все. Стационарный компьютер и ноутбук. И нетбук Нади. И планшет Светланы. И мобильники. И будильник, в который можно записать свою музыку для пробудки. И все флэш-карты. И автоответчик на стационарном телефоне. И даже игрушечного мишку Тэдди, в котором стояла микросхема с записанной Светланой фразой «Я люблю тебя, Наденька...», тоже проверили — с извинениями. Про MP3-плееры не забыли.

Многие Иные, особенно те, что живут не первый век, плоховато разбираются в электронике и вообще в современной технике. Гесер в этом плане — продвинутый Иной, умница, старается уяснить, что к чему.

И поэтому ко мне, для предельно вежливого досмотра, он отправил совсем молодых ребят, несильных магов, но зато прекрасно понимающих, где может быть микросхема с записью пророчества.

Ребята проверили все и ничего не нашли. Хотя у них были специальные приборы, я такие видел только в кино, которые на расстоянии определяли любую карту памяти, даже ни к чему не подключенную. Я их поблагодарил — они нашли пару давно потерянных в квартире флэшек...

Но они не обнаружили пророчества.

Разумеется. Я и не делал копии на распространенном носителе, я же не идиот.

Из ящика серванта, где валялся всякий электронный хлам, я достал старенький мини-дисковый плеер фирмы «Сони». Тупиковая ветвь развития электроники, сейчас разве что особо эпатирующие публику (или особо бережливые) граждане такие используют. Аккумулятор в нем давно сдох.

Но имелся отдельный пристегивающийся контейнер, куда я и запихнул батарейку, потом прикрутил контейнер к плееру (все честь по чести, надежный винт, а не какие-то там защелки) и нажал пуск. В наушниках хрипло запел Высоцкий:

В заповедных и дремучих,
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,

Если есть там соловьи — то разбойники.
Страшно, аж жуть!
В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
заграбастают,
А уж лешие — так по лесу и шастают.
Страшно, аж жуть!
А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепоею,
а кто сдуру в чащу лез.
По причине пропадали, без причины ли, —
Только всех их и видали — словно сгинули...

В общем-то слушать было не обязательно, но я дослушал песню до конца. До последнего куплета.

...А теперь седые люди
помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
и друг друга извела, —
Прекратилось навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно,
И не страшно ничуть!

Вот теперь я нажал на «стоп». Воровато оглянулся. Двери и в спальню, и в детскую были закрыты. Разумеется, я не мог сейчас проверить Сумрак... но наш дом окружен такими мощными защитными заклинаниями, что даже Гесеру вместе с Завулоном пришлось бы пробивать их несколько часов. Заклинания мне положены по рангу... и поскольку здесь живет Надя...

Хочу я услышать пророчество?

Теперь я точно знаю, что оно есть, Арина это сказала прямо. Нечего надеяться на то, что Кеша не нажал кнопку игрушечного телефона. И что

пророчество касается цены на нефть или президентских выборов, тоже не приходится...

Я вздохнул, закрыл глаза и нажал кнопку.

Тишина. Потрескивание, будто от старой грампластинки.

— Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг... — тихо произнес детский голос. У меня затряслись руки, сжимающие плеер — теперь по моей могиле не просто ходили, на ней танцевали джигу-дрыгу... — Вы... вы нас всех отпустите...

Отпущу? Что это значит?

— Тигр приходит, тигр приходит, тигр приходит, — вдруг быстро, сбивчиво заговорил Кеша. — Тигр идет за тобой, тигр хочет жить... Сумрак засыпает... мало, мало, мало силы... пророчества ждут... долго, долго, долго... Надя Городецкая! Надя может, Надя может...

Я даже подскочил, когда торопливое бормотание вдруг прервалось именем дочери.

— На ноль делить нельзя, на ноль делить нельзя... — Это напоминало горячечный бред отличника. — Умножить на ноль — ноль, умножить на ноль... Убей Тигра! Убьешь Тигра, убьешь Сумрак! Убьешь Тигра, убьешь Сумрак! Убьешь Тиг...

Запись кончилась. В игрушечном телефоне была маленькая флэшка.

Несколько секунд тишины — и снова запел Высоцкий...

Много неясного в странной стране —
Можно запутаться и заблудиться...
Даже мурашки бегут по спине,
Если представить, что может случиться.

Вдруг будет пропасть — и нужен прыжок.

Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?

А? Э-э! Так-то, дружок,
В этом-то всё и дело...

Я снял наушники, выключил плеер и бросил его обратно в ящик.

Собственно говоря, многое было понятно.

«Тигр приходит, Тигр идет за тобой...» Без комментариев.

«Сумрак засыпает... мало, мало, мало силы... пророчества ждут...

долго, долго, долго...» Сумраку мало Силы? Странно как-то. Неужели в мире мало горя и радости? Ну... допустим. Пророчества ждут... О каких пророчествах речь? То, что не озвучил Веньян? То, что «затормозила» Арина? Возможно.

Я представил себе тот поток эмоций, который вызовет — и не единомоментно, а на долгие годы и десятилетия, гибель России... или Китая... Безумие какое-то. Захлебнуться можно. Мир и без того несовершенен, он полон конфликтов, его раздирают мелкие войны и глобальные кризисы. Да пусть даже на всей Земле установится мир и благополучие, человек — это такая скотина, которая всегда найдет повод страдать!

Ладно, допустим, Сумраку мало поступающей Силы. Примем как факт.

«Надя может... На ноль делить нельзя, на ноль делить нельзя... Умножить на ноль — ноль, умножить на ноль...» Пожалуй, тут я тоже понимаю, о чем речь. Надя — нулевая волшебница. Абсолютная. Теоретически ее силе нет пределов. Конечно, она не очень-то умеет с ней управляться... но это дело наживное.

Что значит, «на ноль делить нельзя»? Не применительно к математике, а в данном случае? И что значит «умножить на ноль — ноль»?

Я снова посмотрел на закрытые двери в детскую и в спальню. Прокрался в прихожую и, чувствуя себя преступником, взял с полочки сигареты и зажигалку. Дома я не курю, даже на балконе... но вот сейчас понял, что мне это необходимо. Я набросил куртку, вышел на балкон, плотно прикрыл за собой дверь. Закурил, выпустил в ночное небо струйку дыма...

Кто такие Иные?

Разумные существа, способные использовать Силу.

Сумрак, и Тигр, как его воплощение, это тоже разумное существо, способное использовать Силу.

Другой природы — но тоже разумное существо...

Кто самый сильный Иной?

Надя самая сильная. Нулевая волшебница.

И Сумрак — тоже нулевой.

Тут неприменимы понятия «сильнее» и «слабее». Даже у Великих, чью Силу нельзя толком измерить, есть различия в уровне Силы, потому и побеждают те, кто придумает более хитрые заклинания, быстрее их применит, ударит в неожиданное место. Но сила Сумрака и Нади — одинакова. Сумрак владеет всей энергией, которая в него стекается. И Надя

каким-то удивительным образом тоже способна распоряжаться всей Силой мира.

Может ли Сумрак уничтожить Надю?

Может ли Надя уничтожить Сумрак?

Вот в этом и весь вопрос.

И судя по словам пророчества — способна.

«Убьешь Тигра — убьешь Сумрак!»

На ноль делить нельзя — Сумрак не может уничтожить Надю. Это, похоже, физически невозможно. И это меня очень радует!

Умножить на ноль — получить ноль...

Что это значит? Надя способна уничтожить Сумрак? А что произойдет при этом с ней? Она тоже погибнет? Или потеряет свои магические способности?

Да не хочу я такого для дочери!

Вот и весь расклад. Я не стану раскрывать пророчество. И запись уничтожу.

А Тигр?

Он за мной не придет. Это не в его интересах, ему нужно, чтобы пророчество не было сказано людям. Он сам так говорил. А я его никому и не скажу, и он это должен понимать. За Арину ручаться не могу, ну так пусть Тигр с ней и разбирается...

Я докурил и некультурно выбросил окурок вниз. Проследил за его полетом с седьмого этажа — маленькая огненная точка прорезала темноту и затерялась в круге света под фонарем.

Прямо под ногами стоящего там человека...

Я вцепился в перила, глядя вниз. На молодого человека в светлом плаще. На Тигра, глядящего вверх, на меня.

Тигр поднял руку и помахал мне — то ли здороваясь, то ли прощаясь. Потом повернулся и ушел в темноту.

Я достал еще одну сигарету. Потом засунул ее обратно в пачку. Вернулся с балкона в квартиру, повесил куртку, в ванной прополоскал рот, чтобы не вонять табачищем, и тихонько пробрался в спальню. Светлана спала. Я лег и тоже заснул — легко и совершенно спокойно.

Глава пятая

С утра те мистические силы, что отвечают за движение по московским дорогам (а эти силы, мне кажется, загадочнее любого Тигра), были ко мне благосклонны. Я легко выбрался на Третье кольцо, и движение по нему было бодрым. В нужную мне сторону, конечно, в противоположную машины еле ползли — но это уж как заведено.

Я встал в левый ряд и включил радио. Вначале меня обрадовали пронзительной песней с припевом «В голове ни бум-бум! Малолетка — дура душой!», другая станция транслировала оппозиционного политика, который едва ли не матом крыл власть и утверждал, что в стране нет свободы слова. Собственно говоря, в любой стране с развитой свободой слова политик уже по окончании передачи получил бы судебный иск за клевету, диффамацию и инсинуацию. Поэтому я продолжил свое странствие по московскому эфиру и остановился на какой-то станции, транслирующей зарубежную легкую музыку.

— Сделай потише, Антон, — попросили меня из-за спины.

Я скосил глаза на зеркало. Да, мастерство — оно не зависит от возраста. Телепортироваться в движущуюся, защищенную машину, да еще так незаметно...

— Арина, я тебя не звал.

— Но ты прослушал пророчество, — сказала ведьма утвердительно.

— Конечно. Ты умеешь убеждать.

— И что?

— И ничего.

Арина помолчала. Потом вкрадчиво произнесла:

— Ты понимаешь, о чем это пророчество? Твоя дочь может уничтожить Тигра.

— И Сумрак, — сказал я. — Замечательная перспектива.

Арина сердито тряхнула головой.

— Антон! Опомнись! Ты же знаешь про то пророчество, что я пыталась предотвратить...

— Я знаю, что если каким-то чудом уничтожить Сумрак, — сказал я, следя за дорогой, — то вся наша Сила обратится в ничто. Будет стекать в никуда... или останется в этом мире... не важно. Но мы уже не сможем... лечить людей, защищать их...

— А то мы так много их лечим и защищаем... — сказала Арина. Не

язвительно, а скорее грустно.

— Как можем, — пожал я плечами. — Наверное, все-таки не бывшей Темной, главе ведьм, упрекать в этом Ночной Дозор?

— Да уж, я известная Баба-яга, — хмыкнула Арина. — Лопала на ужин Ивашек, посылала гусей-лебедей на разбой...

— Этого я не утверждаю, — сказал я рассудительно. — Даже готов допустить, что ты лично мыла добрых молодцев в бане и воодушевляла их на битву со злом.

Арина неожиданно рассмеялась.

— А ведь ты прав! Было такое пару раз...

— Но как любая ведьма ты творила и добро, и зло, — продолжил я. — Без разбора. Я все-таки стараюсь держаться добра. Так что не надо... меня упрекать.

— Я не упрекаю, — неожиданно кротко сказала Арина. — Но ты же слышал пророчество? Сумраку не хватает Силы. Силу дают человеческие эмоции. Видимо, слишком спокойная стала жизнь...

— Ох уж спокойная! — воскликнул я. — Дня не проходит, чтобы войны не было. С сексом в мире тоже все в порядке. Общество потребления потребляет, третий мир воюет, корабли тонут, тайфуны бушуют, электростанции взрываются... эмоций через край. Еще и Голливуд старается, не оставляет людей без зрелищ.

— Значит, этого мало, — упрямо сказала Арина. — Значит, все идет не так, как угодно Сумраку. Нужны большие потрясения. Гибель царств, массовые исходы людей, холокосты и апокалипсисы...

— А мы-то тут при чем?

— Фан Венъян, если я правильно понимаю, отказался озвучивать пророчество, которое погубило бы Китай как единую державу, — сказала Арина. — Я сделала нечто подобное с пророчеством о России. К сожалению, — в ее голосе прорезалась искренняя печаль, — мне не хватило ума умереть и остановить пророчество. Я его только задержала. Но Сумраку нужна Сила. И он получит ее... когда наша страна погибнет...

— Это твое мнение, — сказал я. — Мне кажется, что подобные вещи не происходят по причинам... назовем их так — мистического свойства. Это не изобретение мини-юбок, знаешь ли! Гесер считает, что ты и впрямь изменила пророчество, поэтому все предсказанное в нем уже случилось — но в мягкой форме. И революции, и оккупации...

— Хотела бы я согласиться с мнением старого интригана, — сказала Арина. — Но где гарантия?

— А где гарантия, что Надя может уничтожить Тигра? — спросил я. —

Бессвязные возгласы третьеклассника? Очень убедительно! А что случится, если Сумрак погибнет? Просто исчезнет магия? Или вообще — жизнь на Земле? Или разум? Ты понимаешь, как все это устроено? Я — нет! А есть старый программистский закон: «Работает — не трогай!»

Арина молчала.

— И почему ты вообще решила, что Сумрак — враг? — продолжал я. — И что он каким-то образом причастен к осуществлению пророчеств? Мухи отдельно, котлеты отдельно! Вот берет моя дочь — и уничтожает Тигра. А вместе с ним — Сумрак. Магия исчезает. А пророчества — как были, так и есть. Осуществляются. Понимаешь? И что тогда? Даже той малости, что мы смогли бы сделать, мы сделать не можем! Потому что стали обычными людьми!

— Я бы хотела верить Гесеру, — сказала Арина. — И тебе тоже. Но если права я? Что за твоими словами, Антон? Искренняя тревога о людях? О мире, о нашей стране, о твоих ближних? Или просто страх волшебника, живущего своей — особой, интересной и комфортной жизнью. Страх потерять свои особенности и стать таким, как все!

— Хотел бы напомнить, — не выдержал я, — что если свои особенности потеряешь ты, то превратишься в дряхлую старуху. Или вообще рассыплешься в прах.

— Да, — тихо сказала Арина. — Ты прав. Но это к делу не относится. Я готова заплатить эту цену.

— А я — нет! Особенно я не хочу решать за других. За Свету. За Надю. За Кешу. За всех Иных, которые есть и будут.

— Но ведь придется, Антон, — сказала Арина с едва заметной угрозой.

— Полагаешь? — спросил я. — Что сделаешь? Озвучишь пророчество людям? Оно не утверждает, что Тигр погибнет. Оно лишь сообщает, что Надя может убить Тигра. Ты ее хочешь заставить? Сложновато будет. И даже не потому, что тебе придется пройти через меня и Светлану... и не знаю как я, а Света тебя в бараний рог скрутит. Она — мама. Понимаешь? Но тебе еще придется уговорить Надю. От страха такие бои не выигрывают. А Надя Тигра уничтожать не станет. Она, знаешь ли, вообще зверюшек любит.

— Зверюшек... — горько рассмеялась Арина. — Ну да... Я что-нибудь придумаю.

— Можешь рассказать пророчество людям, — великодушно сказал я. — Как тебе будет угодно. Ничего в нем нет неизбежного. Добьешься того, что Тигр придет за тобой, вот и все.

— Что-нибудь придумаю, — упрямо повторила Арина. — Например... стой, ты куда едешь?

— Как куда? — наигранно удивился я. — На работу. Вот сейчас в ворота въеду...

За моей спиной хлопнуло — Арина исчезла. Офис Ночного Дозора огражден таким количеством магических барьеров, что за его воротами Арина легко могла остаться навсегда — несмотря на всю свою мудрость и силу Минойской Сферы.

Злорадно рассмеявшись, я припарковался на своем месте. И обнаружил, что в наш разъездной внедорожник грузятся ребята — Семен, Лас, Алишер. Станный состав! Выбравшись из машины, я помахал им рукой.

— Куда собрались?

Семен секунду колебался, потом ответил:

— Да шухарт очередной выискался... Поедешь с нами?

— Какой уровень? — спросил я.

— Четвертый. Но парень накачался.

И терзаемая своими демонами Арина, и все пророчества на свете сразу вылетели у меня из головы. Когда с кем-то приключается шухарт — это плохо. Очень плохо. Я знаю, со мной самим однажды чуть такое не стряслось. И, как вчера вечером выяснилось, могло случиться и со Светланой...

А уж если парень как следует накачался...

— Едем, — сказал я, забираясь в машину.

Лас за рулем пристально посмотрел на меня.

— Да, спасибо, что напомнил. — Я закрыл глаза и начал снимать блок со своих магических способностей. — Учти, это по необходимости. Считаю, что я уже доказал свою правоту!

Лас спорить не стал. Просто рванул с места.

Возле «Лужников» было тихо. Я вышел из машины первым, огляделся. Да... нехорошо. Судя по количеству мусора на подступах к стадиону, здесь прошло немало народа. Да и количество полицейских на входах говорило о том же... черт возьми, какие каламбуры мы потеряли, когда переименовали своих милиционеров-ментов-мусоров в стандартных «полицейских».

Но было тихо.

— Что тут происходит? — спросил я Алишера. — Для спортивных соревнований — рановато.

— Концерт, — коротко сказал Лас.

— Слава Богу, что не футбол, — пробормотал я. — А что за группа? И почему выступают с утра, это что, детский утренник?

— Почти что. Всероссийский молодежный конкурс новых исполнителей, финал. Всякие рок-группы из Перми и Екатеринбурга, артисты оригинального жанра из Калуги и Сыктывкара, частушечники с Урала...

— Ну, тут много зрителей быть не может, — пожал я плечами. — Хотя зря ты с таким скепсисом, из Екатеринбурга вышла куча шикарных групп...

— Кто-то додумался обеспечить артистам публику. Сюда нагнали школьников — тысяч двадцать, не меньше. А еще солдат — в качестве культурной программы, тысяч десять, не меньше.

— Блин. — Я ускорил шаг. — Алишер, я пойду на контакт. Дай вводную и обеспечь взаимодействие с Дневными. Лас, подежурь среди школоты, если что — гаси всех вокруг «Морфеем». Семен... страхуй меня, хорошо?

— Да вводной почти и нет... — Алишер поморщился. — Валентин Локтев, двадцать пять лет, четвертый уровень, не специализировался, обучался в нашей школе пять лет назад, в Дозор работать не пошел...

В сознании всплыл посланный Алишером образ — молодой парень, чуть свернутый набок нос, лицо резкое, грубоватое, но не без какой-то породы и внутренней силы.

— Спортсмен, что ли? — спросил я. — Кажется, припоминаю, видел в школе пару раз, когда лекции читал...

— Спортсмен, — усмехнулся Алишер. — Шахматист! А что нос расплющен — так это последствие детско-юношеских драк. Паренек с окраины, из района, славящегося неформальными отношениями.

— Ясно, — сказал я.

Мы уже подошли к входу, и я взглядом выловил в толпе сотрудника Дневного Дозора — молодого вампира, одетого нарочито ярко и вызывающе. На вид парень был ровесником нашего шухарта, лет двадцати пяти. Вампир стоял, прислонившись к металлическим ограждениям возле входа, и грыз плитку гематогена.

— Привет, Городецкий! — Он меня опознал безошибочно. У меня есть среди вампиров определенная репутация. Причем даже нельзя сказать, что дурная. Она такая... сложная.

Но во всяком случае, они меня все знают.

— Антон Городецкий, Ночной Дозор. — Я все-таки предпочел представиться официально, а не переходить на неформальный тон. — Что происходит?

Вампир мою холодность не поддержал.

— Да все как обычно у вас, Светлых. Парню хочется вселенского добра и справедливости. Как водится — немедленно и сразу. Сидит на трибуне, сектор «Б», наверху, качает Силу из окружающих.

— У вас, Темных, тоже интересные случаи бывают, — сказал я. — Захочется горячей крови... и вперед, на ночные улицы.

Вампир облизнул губы. Но продолжал улыбаться.

— И не говорите, Антон. Молодежь нынче пошла несдержанная, анархически настроенная. Бьемся, воспитываем... пугаем... вашим именем, между прочим. Мол, придет Городецкий и развоплотит...

Я понял, что эту словесную дуэль безнадежно проигрываю. И сделал вид, что ее вообще не было.

— Что ж, тогда работаем, — сказал я. — Ваша помощь больше не требуется, можете идти.

— Да я постою, посмотрю, — ухмыльнулся вампир. Как же его звали-то... видел в ориентировках на Дневной Дозор, но имя вылетело из памяти. Что-то очень обычное, то ли Саша, то ли Андрей... — Не каждый день Светлые своих мочат.

Вот теперь я завелся.

— Пожалуйста, — я развел руками, — можете наблюдать. Но учтите, если я не смогу обезвредить парня сразу — а я ничего гарантировать не могу, то первым делом он скорее всего примется мочить кровососов. Есть у нас, Светлых, такая дурная черта — больше всего не любим низших Иных.

На миг его лицо дернулось, но он тут же снова улыбнулся.

— Что верно, то верно. Вы склонны к дискриминации. Спасибо за предупреждение, буду осторожен.

Мысленно представив (с огромным удовольствием, между прочим), как я зажимаю наглого вампира «прессом», а потом срываю регистрационную метку — и он превращается в серый пепел, я прошел мимо Дневного.

Что за вампиры пошли нынче? Наглые, самодовольные... Что тот, который рядом с Болотной площадью охотился, что этот...

Полицейские у входа неуверенно двинулись мне навстречу. Они чувствовали неладное — инстинкты подсказывали им, что люди на стадионе ведут себя неправильно...

Что я несусь? Какие еще инстинкты? Это люди, а не животные!

— Пригласительный предъявите, гражданин, — заступил мне дорогу розовощекий парень в форме.

— Тебя не волнует мой пригласительный, — мрачно сказал я, махнув

рукой в стиле звездных рыцарей джедаев. За спиной явственно хихикнул вампир.

— Меня не волнует твой пригласительный, — согласился полицейский, отступая. Его товарищи, которых тоже накрыло легким заклинанием, попятились, освобождая мне дорогу.

И тут я увидел впереди знакомое лицо. Этот полицейский под заклинание не попал и теперь размахивал руками, отчаянно привлекая мое внимание.

Да уж. Тот, кто побывал под магическим принуждением, старается этот опыт не повторять.

— Привет, Дима, — сказал я, подходя к Пастухову. — Ты-то что здесь делаешь? Не твой ведь район.

— На усиление бросили, — несмотря на холодную погоду, старший сержант был весь в поту. — Скажите, Антон... что происходит?

— Небольшое ЧП. — Я отмахнулся. — Не бери в голову, это наша работа.

— Скажите, а там... за вами... это не... — Он заколебался.

— Вампир, — честно ответил я. — Не волнуйся, он тоже на службе. Он плохой, но сейчас не опасен. Ничего никому не сделает.

— Можно мне с вами? — отчаянно взмолился Пастухов. — Я же вроде как свой, да? Помогаю, вместе работаю... вот лекцию вчера читал вашим сотрудникам...

Скорее всего ему просто не хотелось оставаться рядом с вампиром, пусть даже «неопасным». Но с другой стороны... почему бы и нет? Что-то в этом есть любопытное, поработать в связке с сотрудником человеческих правоохранительных органов.

— Пошли, — сказал я. — Только держись сзади и не вмешивайся, хорошо?

Пастухов закивал, а потом неумело перекрестился.

Валентин Локтев был молодым человеком довольно невзрачной наружности. Единственной примечательной деталью его внешности были могучие брови, заставляющие вспомнить руководителя СССР Леонида Брежнева. Но Генсек ЦК КПСС имел при этом внушительную, крупную фигуру, хоть как-то гармонирующую с могучими бровями... ну и должность, позволяющую взмахом бровей вершить судьбы людей и мира. А бровеносец Локтев был парень молодой, худощавый, самой заурядной внешности.

Может, конечно, займи он пост, аналогичный брежневскому, — тот

добавил бы ему харизмы, как это зачастую происходит?

Сидел Локтев в отдалении от остальных зрителей. Мы с Пастуховым поднимались к нему, а я с любопытством разглядывал публику. Та была будто пришибленная. На сцене выступала какая-то рок-группа, звучал довольно задорный «металл», и зрители периодически будто оживлялись, начинали шевелиться, что-то выкрикивать... и тут же стихали.

Светлый маг Валя Локтев откачивал их энергию. Откачивал Силу, выплескивающуюся вместе с позитивными эмоциями. Собственно говоря, это и есть то, чем занимается каждый шухарт.

Слово к таким вот «светлым вампирам» приклеилось от читателей и почитателей братьев Стругацких. Был у них в романе «Пикник на обочине» славный дядька по имени Рэдрик Шухарт, который в конце книги пошел к исполняющему желания Золотому Шару, выкрикивая (или про себя бормоча? Ох, уже не помню...) единственное благое желание, что смог придумать: «Счастье всем! И пусть никто не уйдет обиженный!»

Разумеется, злые языки немедленно переделали этот вопль души мятущегося интеллигента во фразу «Счастье всем! И пусть никто обиженный не уйдет!» Что, конечно, сильно меняет концепцию. Но как-то при этом привносит честный реализм в фантастическую историю.

Шухартами у нас в Дозоре называют Светлых, которые однажды срываются от несовершенства мироздания и решают творить добро направо и налево. Вся беда в том, что сотворенное ими добро немедленно дает право на аналогичное по силе зло Темным... Конечно, Темные не являются прирожденными негодяями, жаждущими мучить окружающих исключительно в силу своей злобности. Многие Темные в быту вообще милейшие люди. Но Силу им дают по большей части негативные эмоции окружающих. Да и вообще они их в грош не ставят... так что, получив право на темное вмешательство, быстренько компенсируют все причиненное шухартом добро. Как правило — даже с лихвой.

В большинстве своем шухарты имеют невеликую Силу — ну, пятый-четвертый уровень... редко третий. Те, кто посильнее, обычно умнее и выдержаннее. Поэтому, встав на путь воинствующего добра, шухарты отправляются туда, где можно набраться позитивных эмоций, — на хороший концерт, на премьеру долгожданного фильма, на спортивное состязание, где болельщики побеждающей команды в большинстве, да хоть бы и на детскую новогоднюю елку. И там уже накачиваются энергией... так, что даже Высшим магам с ними совладать проблематично.

А потом идут, творя добро во все стороны. Пока их не остановят. Любыми возможными средствами.

Однажды я сам едва не стал «шухартом». Но мне хватило то ли ума, то ли удачи понять, что именно надо сделать... ради чего я собираю человеческое счастье.

В юноше Валентине я не был уверен.

Подходя к нему, я прекрасно видел, как он накачался. Под завязку, как говорится... он уже даже не мог аккумулировать Силу, а кидал всю выкачанную в Сферу Отрицания. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять — никакое мое заклинание защиту не пробьет. Может быть, что-то сумел бы сделать Гесер. За счет техничности. Но и то не факт, что у него получилось бы сразу.

Значит, Сфера Отрицания. Очень нравящееся слабым Иным заклинание, ведь оно позволяет противостоять куда более сильным магам.

Понятно все с тобой, Валентин.

— Можно присесть? — спросил я, подойдя к парню. Пастухов остановился поодаль и стал очень ненатурально наблюдать за сценой.

— Садитесь, Антон, — кивнул Валентин. И уточнил, стараясь говорить как можно внушительнее: — Только без глупостей, ладно?

— Да на мою долю тут уже глупостей-то и не осталось... — вздохнул я, присаживаясь.

Валентин фыркнул:

— Вас всегда было интересно послушать, Антон. Умели сказать что-нибудь эдакое...

— Это приходит с возрастом, — сказал я, разглядывая трибуны. — Если доживаешь... Ты что творишь-то, парень?

— Вы же сами видите, — ответил он с непреклонными нотками в голосе.

— Вижу, разумеется. Качаешь Силу. Что надумал сделать? Реморализовать всех вокруг? Уничтожить Темных? Разогнать облака и установить хорошую погоду?

— Ну вот, сами же и говорите глупости, — сказал Валентин пренебрежительно. — Ну что вы меня за дурака держите?

— Нет, за благородного идеалиста с горячим сердцем, — ответил я серьезно.

— Я прекрасно понимаю, что реморализация всех встречных-поперечных ничего не даст, — сказал Валентин. — Я, к вашему сведению, изучал историю тех, кто уже пытался что-то сделать.

— История чему-либо научила? — спросил я.

— Конечно.

Валентин замолчал, вглядываясь в трибуны. Видимо, ловил момент,

чтобы всосать очередной выплеск энергии. Я поймал себя на ребячливом желании опередить его и впитать чужую Силу. Забавно выйдет... нет, не стоит злить парня.

— Валя, а почему ты вообще завелся? — спросил я.

— Мир полон несправедливости, — мгновенно ответил Валентин.

— Не спорю. Но ведь было что-то конкретное?

Валентин подумал мгновение.

— Наверное, да. Бабушка.

— Какая?

— Соседская. Ей лет под восемьдесят уже. Живет одна... дети то ли умерли, то ли не навещают. Вчера шел, увидел ее возле магазина... стояла плакала... копейки в руке считала. Как так можно, Антон? Как мы можем допускать, чтобы люди так страдали?

Я вздохнул.

— Значит, твои претензии не к Темным? Не к вампирам, охотящимся на людей? Не к Темным магам и колдуньям?

— К ним тоже, — быстро ответил Валентин. — Но во вторую очередь. Я не могу видеть, как страдают люди!

— Кстати, а ты бабушке помог? — небрежно спросил я.

— Вы о чем?

— Спросил ее, почему она плачет? У нее нет денег на хлеб с кефиром? Или она потеряла кошелек? Или просто в глубоком маразме и всю пенсию прячет «на похороны»? Знаешь, у старушек такое бывает.

— Всем бабушкам в России я помочь не могу, — обиженно сказал Валентин.

— А почему только в России? — удивился я. — Ты знаешь, как страдают африканские бабушки и дети? Ты же не расист?

— Нет! — возмутился Валентин. — Но там есть другие люди, другие Иные. Полагаю, это их долг.

— Соглашусь, — кивнул я. — Но все-таки! Ты Иной. Хоть и Светлый, но способности Иного позволяют тебе даже в рамках закона и морали жить вполне прилично. Наверняка у тебя есть в кармане тысяча-другая... Ты бабушке-то помог?

— Оставьте эту демагогию, Городецкий! — неожиданно тонко выкрикнул Валентин. — Я убежал! От стыда! Нельзя заткнуть дырку в плотине пальцем!

— Можно, — ответил я убежденно. — Если дырка маленькая, а палец крепкий. Ты Иной. Но прежде всего ты человек. Ты не помог одной-единственной бабушке на твоём пути... так на что ты хочешь потратить

Силу?

— Я пойду в Кремль, — сказал Валентин ледяным голосом.

— И что? — заинтересовался я. — Надеюсь, не станешь убивать всех по пути, как некий дон Румата?

Валентин непонимающе посмотрел на меня.

— Это из другой книжки, не про Шухарта, — пояснил я. — Не бери в голову. Так что ты хочешь?

— Я реморализую их, — сказал Валентин. — Всех их. От президента и до... до... до кремлевского завхоза.

— Допустим, — кивнул я. — Ты пробьешь защиту, наложенную обоими Дозорами... как раз от таких вот желающих вмешаться... и изменишь природу всех людей, которые имеют отношение к власти. Президента, министров, депутатов... И что?

Валентин даже запыхтел от возмущения.

— Как «что»? Прекратится коррупция, будут соблюдаться законы. Жизнь людей наладится!

— Но ты же не реморализуешь всех людей в стране, — мягко сказал я. — Темные получают право на ответку. И что?

— Да ничего! Если власть будет высокоморальной...

— То ее за несколько дней съедят те, кого твои заклинания не затронут. У них не будет угрызений совести, сомнений, колебаний. Честный политик — это оксюморон. Твоим же, высокоморальным, сразу припомнят все грехи... да они и сами начнут в них каяться.

— И пусть уходят!

— Но пришедшие будут ничуть не лучше.

— А что тогда, ничего не делать? — возмутился Валентин. — Люди обречены на страдания? Что вы предлагаете? «Не трогай, пока не воняет?»

— Лучше уж «не трогай, пока работает», — поправил я. — Валентин, вся беда в том, что власть — отражение общества. Кривое, гротескное, но отражение. И пока большинство граждан в стране, доведись им попасть во власть, будут воровать и считать себя лучше других — никакая реморализация верхушки ничего не изменит. Политики, которые обретут совесть, уйдут. А на их место придут новые — без совести. Должны измениться люди, общество...

— Вы это уже говорили, — буркнул Валентин.

— Ага. Но могу и еще повторить.

— Нет, Антон, — твердо сказал Валентин. — Я не верю. В вас говорит усталость... пессимизм. Ну и, уж извините, личный шкурный интерес.

— Какой? — поразился я.

— Ночной Дозор устраивает статус-кво, — мрачно произнес Валентин. — Тешите свое самолюбие, благополучно существуете, а серьезных изменений в обществе боитесь. Может, вообще боитесь оказаться не у дел? Станет в жизни меньше зла, так ведь не только Дневной Дозор сократится, и вы тоже станете не нужны!

Я только покачал головой. Мне вдруг стало совершенно ясно, что спорю я зря. Валентин хочет творить добро. Активно, деятельно, с песнями и плясками. А я ему тут что-то бормочу о человеческой природе, о том, что невозможно взмахнуть волшебной палочкой и принести всем счастье.

— И вы меня не остановите, — продолжал заводиться Валентин. — Я приду в Кремль... там как раз сегодня президент выступает перед Думой. И всех их приведу в чувство! Я все рассчитал. У меня хватит Силы отразить любое ваше заклинание, и еще останется на массовую реморализацию.

— Сфера Отрицания? — уточнил я.

— Угу. — Валентин с гордостью кивнул.

— Хорошее заклинание, — признал я. — Ты и впрямь можешь блокировать любую мою магию, да еще и подпитаешься от нее...

Валентин заулыбался. Выглядел он как школяр, заслуживший похвалу от строгого учителя.

Тянуть больше не было смысла. Я сунул руку в карман куртки, достал короткую телескопическую дубинку, встряхнул — та раздвинулась.

— А... — Валентин начал привставать. До него запоздало дошло, что происходит.

Я слегка толкнул его в грудь свободной левой рукой — как и ожидалось, Валентин вскинул руки, защищаясь от безобидного удара. Вот тогда я и огрел его дубинкой — с замахом, так что плотная резина с металлическим утяжелителем гулко стукнула незадачливого Иного по макушке.

Глаза у Валентина закатились, и он осел. Я придержал его за куртку, усаживая обратно в кресло. Рядом тут же оказался Пастухов, держа на изготовку свою, куда более увесистую полицейскую дубинку.

— Спокойно, все уже хорошо, — сказал я ему. — Сейчас... минутку...

Ох и накачался же парень! Я впитывал Силу сколько мог, потом начал выпускать в пространство. Лишенная контроля Сфера Отрицания мне уже не мешала. Народ на трибунах оживился, зааплодировал, заорал. Музыка заиграла громче.

Вот учишь их, учишь... А все равно вместо «щита мага», который защищает от всего, используют Сферу Отрицания. Ну хоть бы слабенький «хрустальный щит» наложил под Сферу...

Эх, молодежь...

Закончив, я наложил на Валентина «скрепы», полностью блокировав его магические способности. Использовать их можно только на Ином, находящемся без сознания, да и держатся они всего несколько часов. Но этого хватит.

— Живой, — осмотрев Валентина, сказал Пастухов с облегчением. — Слушай... он же вроде ваш, Светлый?

— Если Светлый, то это еще не значит, что наш... — вздохнул я. К нам уже направлялся Семен.

— И что с ним будет? — поинтересовался Пастухов. Похоже, он сочувствовал парню.

— Суд. — Я пожал плечами. — Натворить он ничего не успел... получит лет пять — десять поражения в правах. Это значит — жить без магии.

— Ну, не так уж и страшно, — расслабился Пастухов.

— Не скажи, — вздохнул я. — Ох, не скажи... если уже привык... А он привык.

Глава шестая

Гесер смотрел на меня с обидой и удивлением. Нет, не просто с обидой — с разочарованием. Так, наверное, может смотреть на своего ученика великий художник, только что узнавший, что ученик подворовывал у него краски и кисти, а на нескольких картинах шутки ради пририсовал прекрасным дамам усы.

— Почему? — с горечью спросил Гесер и в сердцах бросил мой старый мини-дисковый плейер на стол. — Ну почему ты не выдал мне пророчество сразу?

— Потому что это слишком опасно, — пояснил я. — Не хотел все руководство Дозора ввязывать в это дело. Пришел бы Тигр...

— И всех нас съел, — фыркнул Гесер. — Ничего ужасного в пророчестве я не вижу.

— Правда? — поразился я.

— Оно ничего не предвещает, — спокойно сказал Гесер. — Оно лишь озвучивает возможность того, что Абсолютная волшебница способна уничтожить Сумрак. Ты что, полагаешь, для меня это новость?

Настал мой черед пораженно смотреть на шефа.

— Да это же аксиома, — продолжал Гесер. — Абсолютная сила способна уничтожить все. Тебя не пугает, что твоя дочь способна взорвать Землю?

— Чего? — пролепетал я.

— Взорвать. Сжечь. Потоп устроить. Исключительно магическими методами... она берет Силу практически из бесконечного источника, ее на это хватит... Ну так и Сумрак она может уничтожить.

— Как? — спросил я.

— Либо схлопнет все слои, — небрежно пояснил Гесер. — Тогда мир порастет синим мхом, в небе появится вторая Луна... правда, по большей части ее скроют от глаз светящиеся облака... в общем, произойдет удивительное смещение пространств. Катаклизм еще тот... Возможно, магия при этом сохранится, возможно, и нет... Но есть и вторая версия, тоже вероятная. Пространства разъединятся. Мир не изменится, но мы не сможем ходить в Сумрак, уровень магии начнет падать... хотя тут снова есть варианты!

Он воодушевился так, что я понял — ему давно хотелось с кем-нибудь все это обговорить.

— Я, к примеру, считаю, что магия будет полностью утеряна для людей, — объяснил он. — А вот Завулон полагает, что напротив — люди с наибольшей магической температурой, которые ныне не имеют даже слабеньких способностей к предвидению, станут Великими магами!

— Завулон? — глупо спросил я. — Вы с ним обсуждали?

— Да, Завулон, — твердо ответил Гесер. — Пойми, Антон, некоторые вещи столь важны для всех Иных, что ради их понимания забывается любая вражда.

— Но если Сумрака не станет, то как же эти люди-Иные станут пользоваться магией?

— Им не потребуется входить в Сумрак. Они будут оперировать только собственной внутренней энергией... хотя, возможно, они найдут со временем способ откачивать энергию напрямую из других людей... Мы тогда, кстати, станем практически иммунны к магии. — Гесер усмехнулся. — Нельзя ударить током того, кто ток не проводит...

Он помолчал, потом вздохнул.

— Но нам всем придется плохо, конечно. О долгой жизни можно точно забыть.

— Значит, пророчество Кеши не опасно и не несет в себе ничего нового, — задумчиво сказал я. — Может, оно и не первое такого рода?

Гесер промолчал, но улыбнулся.

— А почему Тигр так боялся, что оно прозвучит?

— Потому что шансы, что кто-то попытается уничтожить Сумрак, действительно есть, — спокойно сказал Гесер. — К примеру, как мы видим, твоя подру...

Я нахмурился.

— Твоя знакомая ведьма, — поправился Гесер. — У нее, как ты видишь, личный бзик — она боится, что неосторожным вмешательством в пророчество навлекла беды на страну. А ведь есть и другие. К примеру — радикальные Темные.

— А им-то что? — поразился я. — Они готовы лишиться Силы?

— Они считают, что магия просто изменится. И надеются, что их личная Сила при этом возрастет. А есть и радикальные Светлые. Вот, к примеру, ты сегодня работал с парнишкой, который хотел осчастливить людей, сделав человеческие органы власти высокоморальными. Обычная ситуация, верно? А бывают и такие Светлые, кто мается от сознания своей Силы. И желают, чтобы магии не было, чтобы люди жили без любого волшебства!

— Но многие ли знают, как можно уничтожить Сумрак и кто способен

на это?

— К твоему и Надиному счастью, — сухо сказал Гесер, — не многие. А то постарались бы на нее повлиять.

— Так что мне делать? — спросил я и внезапно ощутил себя тем, кем и являюсь — несмотря на случайно доставшийся мне ранг Высшего, — начинающим волшебником, рядовым Иным, учеником мудрого мага.

— Да ничего, Антон. — Гесер махнул рукой. — Только постарайся больше от меня ничего не утаивать, ладно? И никому ничего не раскрывай. Тигр, как я полагаю, за нами не явится. Он понимает, что мы пророчество никому не раскроем. А если даже его раскроет Арина — это будет лишь вероятность, а не неизбежность.

— Будете охотиться за ней? — поинтересовался я.

— Без особого азарта. — Гесер пожал плечами. — Если случится — передай ей мой совет. Либо снова лечь поспать. Годков десять — двадцать. Либо явиться с повинной. Может явиться ко мне, кстати. Я постараюсь защитить ее от Инквизиции и добиться наиболее мягкого из возможных приговоров.

Я кивнул.

— Спасибо, Борис Игнатьевич.

— Спасибо на хлеб не намажешь, — буркнул он и посмотрел на монитор компьютера. — Ладно... иди... конспиратор. Мне поработать надо.

— Кстати, про хлеб... — вспомнил я. — Скажите, а сколько денег я могу снимать со своей карты?

Гесер нахмурился.

— Какая зарплата у сотрудников Дозора? — уточнил я.

— В зависимости от ранга, — сказал Гесер, не глядя на меня. — Антон, это же все глупости, ты должен понимать.

— Ну как это «глупости», — уперся я. — Я вчера подошел к банкомату...

— Антон, как ты полагаешь, какова ценность человеческих денег для организации, в которой есть хотя бы один предсказатель четвертого-пятого уровня? — спросил Гесер.

— Никакая, — ответил я, чуть подумав.

— Вот о том и речь. На одних только курсах валют и колебаниях акций, даже в самый благополучный год, Дозоры способны заработать любые суммы. А поскольку нормального Иного человеческие атрибуты богатства и процветания не интересуют, то и ограничивать сотрудников я смысла не вижу. Даже Темные таким тщеславием не страдают.

— Но как-то... — начал я.

— Тебе нужен «бентли»? — спросил Гесер, поднимая на меня тяжелый взгляд.

— На фи́га? — поразился я. — Чтобы собирать на себя проклятия завистливых окружающих? Вот какой-нибудь японский внедорожник я бы купил... летом на дачу ездили, там грязюка по пути, завязли...

— Так купи, — равнодушно сказал Гесер. — Движение денег в природе повышает экономическую активность людей, идет им в конечном счете на пользу. Тем более Япония от землетрясения пострадала. Поможешь им.

— Шеф, вот скажите честно, вы что угодно можете обосновать с точки зрения добра и справедливости? — спросил я.

Гесер подумал. Почесал кончик носа.

— В целом, наверное, да. Но ты не переживай, это ко всем приходит с возрастом.

В час дня я сходил в столовку. Есть не хотелось, наверное, утреннее происшествие отбило аппетит. Я поковырял и отставил котлету по-киевски (повариха тетя Клава, бдительно оглядывающая зал через окошко раздачи, глянула на меня с укоризной). Поэтому пришлось изобразить целую пантомиму, демонстрируя, что ремень на брюках еле сходится, форму я теряю и только это заставляет меня не доедать порцию. Тетя Клава успокоилась. Я налил себе стакан замечательного брусничного морса, выпил залпом, взял второй и снова присел за столик. В столовой было почти пусто, сейчас все-таки день, оперативный персонал либо отсыпается, либо проводит время с семьями... у кого они имеются. Вот через час-другой народ начнет собираться на обед...

— Вкусный морс, Антон? — окликнула меня через зал Клава.

— Очень! — искренне признался я, и повариха обрадованно улыбнулась.

Все-таки есть что-то в шарлатанских теориях о влиянии имени на характер человека. Всякие Андреи-Александры-Сергеи или Лены-Маши-Наташи могут быть кем угодно. А чуть-чуть в сторону от вечно популярных имен — и они начинают влиять.

Вот с именем Клава хорошо быть поварихой. Не обязательно толстой, но крепкой. И звать тебя будут лет с двадцати пяти «тетя Клава». Потому что «тетя» и «Клава» неразделимы. А как на человека влияет имя Антон, интересно?

Я задумался, вспоминая знакомых Антонов. Особой системы не

наблюдалось. Один Антон, к примеру, был здоровый добродушный дядька, хороший семьянин и добросовестный профессионал. При этом еще заядлый любитель устраивать розыгрыши и сочинять неприличные стихи. Зато другой был книжный червь, совершенно неприспособленный к жизни.

Наверное, имя Антон тоже не из редких и влияния на людей не имеет...

Я взял тарелку и стаканы, собираясь отнести их к мойке, но неслышно подошедшая тетя Клава решительно забрала их у меня из рук.

— Иди, иди, работай. Еще Великие будут грязную посуду носить...

— Да я не Великий... — пробормотал я.

— Высший? — спросила Клава и сама же ответила: — Высший. Значит, будешь Великим. Иди уж.

Почему-то чувствуя себя неловко, я пошел в свой кабинет. И еще метров за десять до двери услышал, как звонит забытый на столе мобильник.

И мне вдруг стало не по себе.

Ускоряя шаг, я подскочил к двери, торопливо отпер замок. Блин, ну что за привычки, к чему я запираю свой кабинет в Ночном Дозоре, здесь чужих нет! Но ведь запираю же...

Телефон лежал на столе и звонил. Упрямо так, настойчиво. Почему-то было ясно, что звонить он будет долго... что звонившему это очень важно.

А еще мне не хотелось брать трубку.

— Алло, — сказал я, поднося телефон к уху.

— Антуан! — с неподдельным чувством воскликнул Эразм Дарвин, отделенный от меня сотовыми станциями, оптоволоконными линиями, висящими в небе спутниками... ну и просто двумя с половиной тысячами километров. — Безмерно рад я услышать твой голос! Пребываешь ли ты в добром здравии и благом расположении духа?

— Спасибо, Эразм, — ответил я, присаживаясь на краешек стола. — Я в добром здравии и хорошем настроении.

— Мне отратно это слышать, — сказал Эразм. — В Московии ли ты, или служба занесла тебя в далекие неизведанные края?

— Да, я в Москве, — признал я.

Мне не нравилось, как Эразм говорил. Он был чересчур возбужден. Говорил чуть торопливее обычного. И какой-то шум слышался на заднем плане. Негромкий, но неприятный.

— Как жаль, что мы сможем говорить всего две с половиной минуты! — сказал Эразм.

— Почему? — удивился я. — Э... у тебя садится мобильный? Или нет

денег на счете?

Эразм тихо рассмеялся.

— Нет-нет! Денег мне хватит до конца жизни! Но я же пророк, ты помнишь? Антуан... прошу тебя. Я не могу больше гадать о подарке Великого Гесера. Скажи мне, Антуан! В чем секрет бонсая, который он мне передал?

Шум в трубке стал чуть сильнее.

Я колебался мгновение.

— Эразм, я не знаю точно. Я не спрашивал Гесера. Но мне кажется, что я понял, в чем дело.

— Ну, ну? — заинтересованно спросил Эразм.

— Это просто деревце в горшке. Просто бонсай. Без всякой магии. Гесер так пошутил.

Секунду Эразм молчал, только шум в трубке нарастал. Потом он расхохотался.

— Гесер! О, старый тибетский хитрец! О, мне говорили, что он любит дурацкие шутки! Спасибо, Антуан! Я... я должен был узнать. Должен был услышать. Иначе слишком обидно!

— Эразм, что происходит? — спросил я. — Прости за вопрос... ты пьян?

— Да, немного, — признался он. Я отчетливо услышал глоток. — Но это такое редкое виски... такое древнее... я берег его для особого случая...

— Эразм, что там у тебя? — закричал я.

— Тигр, — очень спокойно ответил пророк. — Я тебя чуть-чуть обманул, Антуан. Не держи зла. Из дерева, куда я кричал свое пророчество, я вырезал два кубка.

— Ты узнал свое пророчество? — Я соскочил со стола. Подбежал к окну. Так... кто на территории... никого... но если я очень поспешу, то на улице есть прохожие... — Эразм, продержишься минуту! Я дам трубку человеку, скажи ему...

— Не надо, Антуан, — попросил Эразм. — Все предрешено. Не надо! И не пытайся узнать мое пророчество, прошу. Это... не принесет тебе радости и долгой жизни. Не сердись, что я дал тебе кубок. Забудь о нем. Схорони его.

— Я не могу тебе этого обещать... — сказал я честно.

Эразм вздохнул в трубку.

— Тогда прости меня. У меня всего двадцать секунд, Тигр сейчас пробьет защиту. Завещание я кладу в портфель... портфель крокодиловой кожи... вот так. Он будет лежать на столе в кухне.

— Эразм, мне очень жаль! — воскликнул я. — Может быть, я могу что-то сделать?

— Свяжись с лондонским Дневным Дозором. Попроси их... убрать в моем доме. — Он помедлил мгновение. А потом совсем спокойно и четко, на хорошем русском языке произнес: — Прощай, московский маг Антон Городецкий.

Вначале в трубке стих шум.

А потом связь прервалась.

Я посмотрел на экран.

Длительность разговора — две минуты двадцать восемь секунд. Я услышал последнее пророчество Дарвина... как он и говорил.

Эразм — хороший предсказатель.

Был хороший предсказатель.

И в общем-то неплохой Иной. Как для Темного — так просто замечательный.

Я подошел к окну, открыл его, достал сигарету и закурил. Было холодно и пасмурно, собирался дождь.

Так меня и застала Ольга — курящим у окна. Молча подошла, села рядом, достала тоненькие «женские» сигареты. Выйдя тринадцать лет назад из заточения в теле совы, она поначалу курила «Беломор» — верх шика в ее время. Но достаточно быстро сориентировалась в изменившемся мире.

— Что случилось, Антон? — спросила она. — На тебе лица нет.

— Мне позвонил Эразм.

— Дарвин? Чего он хотел?

— Попрощаться. У него был еще один кубок, с запечатленным пророчеством... ну, он и не выдержал искуса. Узнал свое пророчество... и тогда пришел Тигр.

Ольга грубо, по-мужски выругалась. Уточнила:

— Помочь нельзя?

— Нет. У него было две с половиной минуты... он хотел попрощаться. И просил меня ни в коем случае не пытаться узнать пророчество.

— Уничтожь кубок, — твердо сказала Ольга. — Антон, не надо играть с пророчествами. Хорошо, что Кешино оказалось таким невнятным... на удивление невнятным, я бы сказала. Но любое пророчество потенциально опасно.

То, что Гесер уже поделился с ней информацией, меня не удивляло. То, что Ольга тут же отправилась ко мне и беспокоится о моей безопасности, — тоже... это было в ее характере. Однако что-то меня

тревожило. Что-то было неправильно. Но Ольга требовательно смотрела на меня и я неохотно кивнул:

— Хорошо.

— Сегодня же, — потребовала Ольга.

— Хорошо.

— Мне хочется проконтролировать тебя, Антон.

— Ольга, я клянусь. Сегодня же вернусь домой и уничтожу кубок.

Она посмотрела мне в глаза и кивнула, успокаиваясь.

— Спасибо. Может быть, все и обойдется. Зря, наверное... — Она замолчала.

— Что зря? — спросил я. — Зря вы с Гесером придумали ту затею, с Мелом Судьбы? Зря создали из моей дочери нулевую волшебницу?

— Кто ж тогда знал, что она будет твоей... — мрачно ответила Ольга.

— Зачем вам это вообще понадобилось? Такой слом равновесия между Дозорами... я представляю, каких уступок он стоил.

— Считай, что мы это сделали в кредит, — небрежно сказала Ольга.

— То есть?

— Расплачиваться с Темными нам еще лет пятьдесят.

Я помолчал.

— Наверное, спрашивать, на что Темные получили право за появление Нади, — бесполезно?

— Совершенно бесполезно, — жестко ответила Ольга. — Давай оставим эту тему...

— Но зачем? Зачем вам это понадобилось? Нулевая волшебница — это срыв равновесия, это нарушение баланса, это... это как атомное оружие, которое делают, чтобы не применять...

Я понял все сам, еще не закончив говорить.

— Это же не против Темных, так? — спросил я Ольгу. — Потому и Завулон согласился... потому и Инквизиция закрыла глаза...

Ольга молчала. Погасший окурок задрожал в ее пальцах.

— Надя — оружие против Сумрака, — сказал я. — Так? Она единственная Иная, кто способен уничтожить Сумрак... уничтожить всю магию мира. Вы... вы же догадывались... давно догадывались, что Сумрак — не просто среда, не просто энергия... это личность. И вы боялись. Вот почему Гесер совещался с Завулоном... Инквизицию тоже привлекали, да? И было решено, что Иным нужна сдерживающая сила, на всякий случай... если вдруг Сумрак перестанет выполнять наши маленькие капризы и станет слишком уж активен. Как вы решили, какого цвета она будет? Кинули монетку? Завулон поставил на орла, Гесер на решку? Тебя не

смущает, что вы растите ребенка как живое оружие?

— Я в этом участия не принимала! — резко ответила Ольга. — Я, как ты помнишь, была чучелом.

— Но Мел держала ты!

— Мне, Антон, очень не хотелось оставаться еще пятьдесят лет в шкафу! А к чему все это, я поняла не сразу. Думаешь, Гесер меня сразу посвятил во все детали? Да уж... он порой, мне кажется, сам от себя свои планы скрывает!

— Я все расскажу Наде, — сказал я. — Она имеет право знать. Чтобы ее не пытались использовать втемную.

Ольга вздохнула.

— Никто ее не собирается использовать. Это так... на всякий случай. Не грузи ребенка, дай ей вырасти.

— Подумаю, — сказал я и закрыл окно. — Все-таки какие же вы...

Ольга прищурилась, глядя на меня.

— Какие? Если руководство Дозоров приходит к обоснованному подозрению, что Сумрак является активно действующей силой, что он обладает волей и желаниями — что прикажешь делать? На контакт Сумрак не идет, самое реальное его проявление — Тигр... а он не из разговорчивых. И как прикажешь себя вести? Положиться на его добрую волю? А кто нам сказал, что мы понимаем добро одинаково? Лучше уж иметь в запасе Иного, способного в кризисной ситуации противостоять Сумраку. И ты учти, между прочим, что дочку твою де-факто опекают и защищают оба Дозора! Она общее оружие!

— Она не оружие, — устало сказал я. — Она человек.

— Она не человек, она Иная!

— Это все словесная шелуха, Ольга. — Я прошелся по кабинету. Посмотрел на Ольгу, спросил: — А ты не думаешь, что Сумрак и впрямь вреден? Что было бы лучше его уничтожить? Может, мне попросить дочку...

— А ты уверен, что она переживет Сумрак? — спросила Ольга. — Она Абсолютная волшебница. Через нее течет вся Сила мира. Ты уверен, что Надя без нее вообще сможет жить?

— Сволочи, — сказал я. — Все-таки вы сволочи...

Ольга только пожала плечами — «считай как хочешь».

— Свяжись с лондонским Дневным Дозором, — попросил я. — Пусть наведаются в дом Эразма. Его завещание лежит на кухонном столе, в портфеле из крокодиловой кожи.

— Ты куда? — крикнула Ольга вслед.

— Домой. Считайте, что я взял отпуск, — закрывая дверь, я не удержался и добавил: — Бессрочный.

Глава седьмая

Чем плоха обычная городская квартира — в ней трудно сжечь крупный предмет. Особенно если он магический, а значит, жечь его во избежание неприятных последствий лучше обычным огнем.

Вот была бы у меня квартира с камином! Я бы кинул деревянный кубок в разгоревшиеся дрова, прикрыл каминную заслонку и смотрел бы, как навсегда исчезает пророчество, из-за которого погиб Эразм.

Да что ж это за пророчество такое? И почему Кешино пророчество, которого Тигр так сильно не хотел допустить, что даже заговорил человеческим языком, и я, и Арина выслушали совершенно безнаказанно? И вообще оно странное, дурацкое... не пророчество, а информационная справка, хоть в Википедию помещай...

Я придирчиво осмотрел балкон. Может быть, устроить костерчик здесь? С пожарными, если что, разберусь...

Но балкон у нас был хороший, застекленный, с выложенным ламинатом утепленным полом. Светлана мне голову оторвет, если на полу появится горелое пятно. Хоть бы осталась керамическая плитка после ремонта... но нет же, всю подчистую истратили...

Помаявшись, я вернулся в квартиру, пошел на кухню, открыл духовку и достал стальной поддон. Вот это годится.

Впрочем, зачем идти на балкон? Деревянный кубок Эразма небольшой, прекрасно входит в духовку.

Я еще раз подержал его в руках. Сделан он был очень аккуратно, любовно. Может быть, и без особого искусства, но со старанием.

Значит, их было два. Жаль, конечно. Даже помимо хитро запрятанной магической начинки, кубок интересен сам по себе. Древняя реликвия...

Но пророчество, заключенное в одном кубке, уже убило своего хозяина.

Нет уж. Хватит жертв. Долой пророчества. Я поставил кубок на поддон, принес флакон бензина для зажигалок (в общем-то я давным-давно пользуюсь копеечными газовыми, но флакон так и стоял в кладовке, ждал своего часа).

— Сумрак тебе пухом, Эразм, — сказал я, щедро поливая дубовый кубок бензином.

В прихожей хлопнула дверь.

— Папа! Я дома! — крикнула Надя. — Анна Тихоновна приболела, и

нас отпустили с последнего урока!

Сегодня ее из школы забирала Света.

— Хорошо, — откликнулся я, присев перед духовкой со спичками в руках.

— Я с гостями!

— Да? — Я настороженно обернулся.

Надя показалась в дверях. За ее спиной неловко появился Кеша.

— Привет, Иннокентий, — сказал я. Почему-то меня его визит не удивил. — Как дела?

— Нормально... — Он помялся, не поднимая глаз. — Уроки интересные...

— Это здорово, — сказал я тем бодрым тоном, которым взрослые разговаривают с детьми.

— У Кеши мама допоздна на работе, — пояснила Надя. — Я его к нам в гости позвала. Мама обещала потом его отвезти домой.

— А мама-то где?

— Она нас до подъезда довезла, а сама пошла за туалетной бумагой. — Надя приснула. Есть такой возраст, в котором слова «туалетная бумага» звучат удивительно смешно — особенно если говорить их при сверстнике.

— Да, я вчера забыл купить, — покаялся я.

Надя обернулась и крикнула в сторону прихожей:

— Нет, это тапочки мамины, а для гостей — зеленые!

— Так у нас много гостей? — спросил я, вставая.

— Не очень. — Надя чуть смутилась. — Еще тетя Арина. Мы ее в подъезде встретили, она к нам шла.

Я сделал пару быстрых шагов и встал, отделяя детей от прихожей. В левой руке у меня до сих пор был коробок спичек. Зато пальцы правой уже собрались в знак «щита».

— Антон! — крикнула Арина из прихожей. — Мир, дружба, жевачка!

Она осторожно выглянула из коридора.

— Я пришла с миром! — широко улыбаясь, сказала она. — Никакого зла! Ты же видишь, с детками все в порядке!

Кажется, Надя поняла, что поступила опрометчиво. Нет, она не произнесла ни звука, но крепко схватила Кешу за руку и оттащила подальше за мою спину.

И я почувствовал, как в метре от меня забурлил, наполняясь, бездонный колодец Силы.

— Надя, — сказал я негромко, — ты прекрасно знаешь, что нельзя приводить в дом чужих... людей.

— Но она же не человек, — попыталась оправдаться Надя. — Она Иная... Светлая.

— Когда-то она была Темной, — сказал я. — Впрочем, дело не в этом... бывают такие Светлые, на которых белого пятнышка не осталось.

— Антон, ты меня обижаешь! — возмутилась Арина.

Она выглядела абсолютно миролюбиво. Длинное платье, уложенные в пучок, как у пожилой сельской учительницы, волосы. Большие пушистые тапочки на ногах дополняли картину.

— Зачем пришла? — спросил я.

В общем-то я не боялся. Сейчас придет Светлана. Я в своей квартире... а дома и стены помогают, это каждый Иной знает. К тому же рядом дочка. Неумелая, но бесконечно сильная. И если она ударит... чем угодно ударит... Арина вылетит сквозь стенку.

— Я так поняла, что ты решил... закончить с кубком, — сказала Арина. — Хочу на это посмотреть. Можно?

— Я хочу его сжечь, — сказал я. — И не пытайся меня переубедить.

В ее глазах мелькнуло что-то неуловимое. Неужели облегчение?

— Клянусь, не буду! Но могу я посмотреть? А потом уйду! Клянусь...

— Да хватит с меня твоих клятв! — рявкнул я. — Скажи спасибо, что здесь дети... Надя, Кеша! Стойте там, в углу! Сейчас я сожгу эту деревяшку, потом Арина скажет нам «пока» и уйдет. Понятно?

— Можно я скажу «чао-какао»? — спросила Арина, мило улыбаясь.

— Откуда такие познания сленга шестидесятых? — спросил я. — Ты же спала!

— Кино много смотрела последнее время. — Она пожала плечами. — Современное мне не очень нравится, злое оно. А вот полвека назад люди умели снимать добрые фильмы.

— Добрая бабушка Яга, — фыркнул я. Собрался чиркнуть спичкой.

Арина внимательно смотрела на меня и, похоже, не собиралась вмешиваться. Только одна ладонь у нее была крепко сжата. «Минойская Сфера!» — сообразил я.

— Положи ее на пол и отойди на пару шагов!

Она не спорила. Наверное, это должно было меня насторожить... Раскрыла ладонь, продемонстрировала маленький шарик из белого мрамора... вот ты какая, знаменитая Минойская Сфера, головная боль Инквизиции! Потом присела, осторожно положила шарик на пол и катнула в мою сторону. То ли пол в квартире оказался не слишком ровный, то ли рука Арины дрогнула — шарик закатился под тумбочку для обуви.

— Антон, я играю по-честному.

Ох, не верю я в честных ведьм... да и в честных Иных — не очень-то...

— И без резких движений, — сказал я на всякий случай. Зажег спичку. И, стараясь не отводить взгляда от Арины, кинул ее в духовку.

Пыхнуло. Довольно сильно, видно, скопились бензиновые пары, Надя даже вскрикнула — а Кеша, молодец все-таки мальчишка, выступил вперед, навстречу плите и опасности.

— Вот и все, — сказал я Арине. — Довольна?

Арина пристально смотрела в духовку.

— Значит, ты все-таки решился, папа? — спросила Надя. Спросила нарочито громко, видимо, стеснялась своего испуга.

— Да. Не надо никому слышать это пророчество, — сказал я. — Сегодня оно... уже натворило делов.

Арина вдруг рассмеялась.

— Ах, Антон... — сказала она. — Прямой, честный... простой и наивный. Так ты не понял?

— Папочка, мне кажется, что пророчество открывается при разрушении кубка... — прошептала Надя.

Я даже успел повернуться. Я даже успел сделать шаг к открытой духовке, к пылающему синеватым огнем деревянному кубку...

А в следующую секунду тот порог разрушения, что заложил в свое рукоделие Эразм Дарвин, был достигнут.

И я оказался на опушке ночного темного леса.

Метрах в пяти от меня тянулся едва угадываемый в темноте проселок. За ним были поля, за полями — тусклые огоньки, скорее угадываемые, чем увиденные глазами. Да, с электричеством в ту пору было плохо... точнее — никак.

А на проселке беззвучно метались две тени. Одна — почти бесплотная, немыслимо стремительная. Другая — тоже быстрая, но куда более материальная — и с сияющим сине-огненным бичом в руке. Удары бича то и дело достигали противника, но непохоже было, что того это серьезно ранит.

Я вдруг понял, что начинаю уважать Завулону. Он не бросил своего малолетнего ученика на растерзание Тигру. Великий Темный маг принял бой, который должен был стать последним.

Рядом со мной раздались странные звуки — будто кого-то тошнило. Я с трудом отвернулся от магической дуэли — и увидел старый кряжистый дуб, росший на самой опушке. Где-то на уровне моей груди в дубе имелось

дупло. Из дупла торчали тощие ноги юного Эразма Дарвина. Вроде как ему должно было быть четырнадцать лет, но ростом он, похоже, был с Кешу, а уж комплекцией уступал нашему пророку раза в два. Все-таки акселерация не миф.

— Он приходит за нами... — вдруг едва слышно донеслось из дупла. Я шагнул ближе, наклонился к спине Эразма. Иллюзия окружающего мира была полной — я даже чувствовал легкий запах пота и страха, идущий от мальчишки. — Палач придет, чтобы ты сказал, палач придет, чтобы ты молчал...

Да, все верно. Они тогда называли его палачом...

— Палачу нужна кровь, палачу нужно мясо... — бормотал Эразм. — Палач выпьет кровь, палач съест плоть, палач заберет душу... Мало, мало, мало крови, мяса, душ... Всегда мало, мало, мало... палача клонит в сон...

Эта ночь, отделенная от меня бездной времени, была теплой. Но меня пробил озноб.

Он же говорит почти то же самое, что и Кеша!

Только другими словами... словами своего времени...

— Палач будет приходить, палач никогда не остановится, палач не спит, палач готов к работе... Только дева, дева, рожденная обманом, дочь Великой волшебницы, отринувшей свою силу, дочь Великого волшебника, взявшего не свою силу, только девочка, девочка, девочка сможет убить палача... Девочка Элпис — дочь обмана, девочка Элпис — сестра палача...

В каком-то полуобморочном состоянии я отметил, что Эразм получил хорошее классическое образование. Элпис — Надежда по-гречески.

Надо отойти. Отвернуться. Заткнуть уши. Не слушать.

Но я не мог этого сделать.

Да и чем это поможет — ведь вместе со мной сейчас бесплотными тенями слушают бормотание Эразма моя дочь Надя, мальчик-пророк Кеша и старая ведьма Арина...

И ни одного человека...

— Палач — вся сила мира, — продолжал исповедоваться дереву Эразм. — Палач — все волшебство мира. Девочка может убить палача. Девочка может убить волшебство. Убей палача — убьешь волшебство! Убей палача — убьешь волшебство...

Нет, но все-таки, ведь ничего страшного не происходит... Это то же самое пророчество. То же самое, что говорил Кеша. Оно не напугало Тигра. Оно вообще не похоже на пророчество... так... разъяснение ситуации...

Преамбула.

Вводная часть.

Предвестник настоящего пророчества.

Я вскинул руки, закрывая уши. Но мир вокруг был лишь иллюзией, он жил по своим законам, и я продолжал все слышать.

Вначале — отчаянный крик Завулону. И его сдавленный вопль:

— Пощады! Я уйду, палач! Пощади меня!

Если он узнает, что я был свидетелем его позора, — мне крышка. Никакие договора и обязательства не помешают Завулону жаждать моей смерти в сотню раз сильнее, чем до того...

А потом я услышал голос Эразма. Более медленный и сильный. Голос уже не испуганного мальчика, а взрослеющего мужчины.

— Ты, волшебник из суровой северной страны, не услышавший нужного в свое время, но пришедший сюда бесплотной тенью и узнавший то, чего не хотел знать... Палач умрет и волшебство покинет наш мир. Твой выбор. Ее сила. Его судьба. Палач придет, и тебе придется решать. Но что бы ты ни решил, тебе больше никогда не знать покоя.

— Я его и не знал никогда! — закричал я. Мне хотелось вцепиться в Эразма, вытащить из дупла и отхлестать по щекам — чтобы он замолчал. Но я знал, что мои руки пройдут сквозь тело пророка.

— Мне жаль тебя... и прости меня, — сказал Эразм и замолчал. Торчащие из дупла ноги дрыгнули и обмякли, видимо, он потерял сознание.

Я стоял, не сразу осознав, что всхлипываю и по моим щекам текут слезы. Невдалеке стонал Завулону. А к дубу неспешной поступью подошел Тигр. Постоял, глядя на доступную обозрению часть Эразма. Он был такой же, как и в наше время, — молодой, с добрым благостным лицом. Только одежда на нем была старомодная, на мой взгляд — дико неудобная... Тигр несколько секунд смотрел на Эразма. Потом повернул голову — и посмотрел на меня. Будто видел.

И улыбнулся — грустно и понимающе...

Мы все так и остались в тех позах, в которых нас застало пророчество. Я — протянув руку к горящему кубку, Надя — прижавшись к холодильнику, Кеша — отважно прикрывающий ее, Арина — в сторонке, тихо хихикающая и топчущаяся на месте. Неужто старая ведьма сошла с ума?

— Это было пророчество? — спросил Кеша.

Я молчал. Потрогал лицо — оно было мокрым от слез. Посмотрел на ноги — они были в пыли.

Лихо. Это что же, была не просто иллюзия? А что-то вроде

путешествия во времени?

— Мне кажется, я что-то такое... тоже говорил... только забыл... — тихо добавил Кеша. — Но... там было про Тигра...

— Микросхема в игрушке была маленькая, — ответил я. — Все не записалось.

— Никогда не доверяла технике, — произнесла Арина. И прыснула от смеха.

— Папа, я должна буду с кем-то сражаться? — спросила Надя. — И убить его?

Я посмотрел на Арину. Ведьма была счастлива, будто наелась каких-нибудь своих ведьминских мухоморов в жабьем соусе.

— Чему так радуешься? — спросил я. — Ты понимаешь, что произошло? Мы услышали пророчество, из-за которого Тигр сегодня убил Эразма Дарвина.

— Убил? — Арина нахмурилась, но улыбка с ее лица не исчезла. — Жалко старого алкоголика, жалко... Но я рада, что все решилось. Мы покончим с этим, Антон! Ты и я... точнее — твоя дочь. А мы поможем. Тигр придет, и Надя его уничтожит.

— Мне кажется, ты плохо расслышала пророчество, — сказал я. — Мне решать. Понимаешь?

Я шагнул к дочери и обнял ее.

— Мне решать, убьет ли Надя Тигра.

— Я не хочу никого убивать, — быстро сказала Надя. — Папа, я не хочу!

— К сожалению, выбора больше нет, — спокойно сказала Арина. — «Палач умрет, и волшебство покинет наш мир». Сказано! Если сейчас мы расскажем пророчество людям — оно станет истиной.

— А если не скажем? — спросил я.

— Тогда придет Тигр и убьет всех Иных, знающих пророчество. — Арина улыбнулась. — Я-то готова. Я все равно умру, когда исчезнет Сумрак, ты же понимаешь... люди не живут столько, сколько я.

— Это ты виновата, — сказал я. — Ты как-то замешана... ты ведь знала, как активировать пророчество? Давно знала?

— Догадывалась, — спокойно сказала Арина. — Это в общем-то старый метод ведьм — подвешивать заклинание на разрушение ценной вещи. Тогда можно надеяться, что его используют только в случае крайней нужды. Но ты был совершенно прав, Антон, я не смогла бы повлиять на твою дочь. Я не смогла бы зачаровать Абсолютную волшебницу. Надо было сделать так, чтобы у нее не осталось выбора... у нее и у тебя.

— Выбор всегда есть. — Надя выскользнула из-под моей руки и сердито посмотрела на Арину. — Я не стану никого убивать! Пусть даже меня убьют!

— Но убьют еще и твоего папу. — Арина пожала плечами. — И Кешу, кстати. Ты сможешь спокойно смотреть, как Тигр их убивает?

Надя сникла.

— Значит, на Надю ты повлиять не могла, — сказал я. — А на Эразма? На мгновение Арина потупила взгляд.

— Всего лишь любопытство... Оно, как известно, сгубило кошку. И старого ирландского пьянчужку — тоже.

— Зачем?

— Чтобы подтолкнуть тебя. Эразм предрек, что ты услышишь его последнее пророчество. Значит, он должен был успеть с тобой связаться. А ты — запаниковать. И решиться разрушить кубок.

— Оставалось последнее — сделать так, чтобы Надя вовремя попала домой... — Я кивнул. — И не одна... чтобы я чувствовал ответственность еще и за чужого ребенка... Случайно ли приболела Анна Тихоновна, я даже не спрашиваю.

— В нашем возрасте, Антон, здоровье такое хрупкое! — воскликнула Арина. — Ну извини! Извини старую ведьму! Ты же понимаешь — я не ради себя! Ради высшей цели!

— Какой?

— Прекратить все это! Хватит кормить Сумрак! Хватит платить человеческими страданиями за нашу Силу!

— Арина, но ты ведь даже не знаешь, активно ли то пророчество... и про что в нем говорилось! Быть может, все беды уже упали на нашу страну и закончились!

Арина пожала плечами. И твердо сказала:

— Все равно. То, что мы делаем, противно Богу. И если мы можем с этим покончить... то мы должны покончить.

Я вдруг почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Резкое, секундное...

Сработали сторожевые заклинания вокруг нашего дома, навешенные давным-давно Гесером... и, как я теперь понимаю, еще и Завулоном. Заклинания, оберегающие Абсолютную волшебницу. Ту, кого Великие держали в запасе как оружие Судного дня.

Я посмотрел в окно. И увидел, как со стороны переулка к нашему дому идет Тигр.

Это было очень легко увидеть — он не скрывался, он не пробовал

обойти или снять защиту. Он ее просто проламывал — точно так же, наверное, как ломал защиту нашего офиса, когда шел за Кешей. Тигр был похож на человека, отлитого из раскаленного добела металла. Он шел, а вокруг него бушевал огненный шторм. Вспыхивали ветви на деревьях. Переворачивались, взвизгивая сигнализацией, припаркованные автомобили. Очумевший от происходящего приبلудный дворовый кот начал метаться перед идущим Тигром, будто не мог выбрать, в какую сторону убежать.

Коты видят на всех слоях Сумрака. Может быть, он видел сейчас что-то такое, что было невыносимо даже для него, следящего ночами за крадущимися оборотнями и наблюдающего полеты ведьм в сумрачном небе.

Тигр остановился перед котом. Нагнулся. Погладил его. И пошел дальше.

Кот, мгновенно прекративший паниковать, сел посреди двора и стал вылизываться.

А Тигр двинулся к нашему подъезду.

— Папа, мне страшно, — сообщила Надя. Они с Кешей стояли у окна, глядя на Тигра.

— Тебе надо будет его ударить, — торопливо сказала Арина. — Только ударить. Чистой энергией. «Пресс». Но в полную силу! Понимаешь?

С неба в Тигра ударила молния. Хорошо что тучи есть на небе, люди хоть какое-то объяснение себе найдут...

Тигр, замерший посреди воронки из дымящегося ломаного асфальта, помотал головой. Выбрался. И пошел дальше.

— Папа, у тебя телефон... звонит... — сказала Надя.

Я похлопал себя по карманам, достал трубку. Сказал, не отрывая взгляда от Тигра:

— Да, Гесер.

— Что ты творишь! — завопил шеф.

— Извини. Меня обвели вокруг пальца. Я... я узнал пророчество Эразма.

Гесер выругался.

— Откройте портал, шеф, — попросил я. — Мне... надо чуть-чуть времени. Чтобы понять, как поступить.

— Я не могу открыть портал, — тихо сказал Гесер. — Извини, Антон. Но... Сумрак будто взбесился. Я ничего не могу сделать.

— А что делать нам? — спросил я. — Пророчество Эразма...

— Нет, не говори мне, — оборвал меня Гесер. — Не надо. Хотя... нет.

Если все так, как я боялся...

— Наверное, да. — Я прижался к стеклу, чтобы увидеть, как Тигр открывает дверь подъезда. Там тоже что-то сверкнуло, и пол задрожал под ногами. Но я не строил иллюзий насчет уязвимости Тигра перед ловушками Гесера и Завулونا.

— Ты должен решить сам, Антон, — сказал наконец Гесер. И я почувствовал, как изменился его голос. Каким он стал... старым. Древним. Я бы сказал «ветхозаветным», если бы Гесер имел хоть какое-то отношение к христианству. — Ты имеешь на это большее право, чем я.

— Почему? Потому что я в большей мере человек? — спросил я.

Секунды, отпущенные мне, истекали, а я все никак не мог принять решения. И мне очень важно было услышать ответ Гесера.

— Потому что я очень виноват перед тобой, — сказал Гесер устало. — И мне надоело быть виноватым.

— Что за день такой сегодня, все время передо мной все извиняются... — сказал я и прервал связь.

Посмотрел на Арину. Ведьма то опасливо косилась на прихожую, то жадно смотрела на меня.

— Что ты решил, Антон? Времени нет!

— Время всегда есть, — сказал я и вытянул руку.

Минойская Сфера пуль вылетела из-под тумбочки и мягко приземлилась мне в руку. Ого, какая она тяжелая!

А в дверь раздался звонок!

Он сегодня деликатный, наш Палач-Тигр!

— Надя, Кеша, крепко обнимите меня! — скомандовал я. Дети вцепились в меня, а я на всякий случай обнял их.

— Сволочь! — взвизгнула Арина и прыгнула ко мне.

Как же активировать сферу? Наверное, просто пожелать... энергия в нее закачивается заранее, маршрут, вероятно, тоже...

Я сжал холодный мраморный шарик в ладони и захотел — отчаянно захотел — оказаться как можно дальше отсюда.

И в ту же секунду рука Арины до боли впилась в мое плечо.

Глава восьмая

Через портал просто шагаешь. Возникает иллюзия полного контроля над происходящим и даже личного в нем участия. Поднял ногу... шагнул... высунул голову в другом месте... протащил все остальное... Половина в Москве, половина на Сейшельских островах, и никаких проблем... вот только жутковато.

Пути Темных сквозь нижние уровни Сумрака трудны и опасны. Не знаю уж почему, ведь там никто не живет, но я видел пару раз, как Темные выходят из таких путешествий измочаленные в кровь. Не знаю, может быть, они там сражаются со своими внутренними призраками...

А Минойская Сфера протащила нас сквозь пространство бесцеремонно, одним мощным сильным рывком. Это было не больно, не противно, никого не тошнило и не мутило. Но осталось какое-то неприятное ощущение — будто побывал Гулливером в Бробдинггеге и послужил живой игрушкой в руках великанов.

В общем и целом, самолеты мне нравятся больше.

На ногах мы в конце путешествия не устояли. Я повалился на Арину, Надя приземлилась на Кешу. Я встал, молча подал ведьме руку.

— Ах, охальник! — игриво воскликнула Арина, вставая. — Что ни случись, а у мужика одно на уме!

Все-таки она мне нравилась. Очень. Несмотря на всю свою ведьмину натуру...

Рядом Надя уже отпрыгнула от Кешы, всем своим видом демонстрируя, что лучше бы упала в гору мусора, чем приземлилась на какого-то там мальчишку.

Но в целом никто не пострадал.

— Папа, где мы? — спросила Надя.

Я огляделся. Маленький, в одну комнатушку, дощатый дом. Стены оклеены потускневшими от времени бумажными обоями. Из обстановки — стол с парой стульев, буфет, кровать — железная, с никелированными шариками на спинке... такие были пискom моды в тридцатых годах прошлого века, древний громоздкий телевизор, книжный шкаф... почти без книг.

Ну да, Инквизиция все вывезла, когда зачищала жилище Арины.

Странно, что дом не спалили.

Я сказал это вслух:

— Странно, что Инквизиция не сожгла дом. Мне казалось, что это стандартная процедура для жилища беглой ведьмы.

— Сожгли. Только мой дом сжечь трудно, — ответила Арина, оправляя платье. — Здесь моя земля. Село, откуда я родом, тут стояло... Я здесь родилась... видимо, и умру тут. Сжигай дом, не сжигай... из земли прорастет.

Я ей верил.

Дом, кстати, выглядел вполне жилым. Похоже, тут Арина и устроила свою базу, мудро рассудив, что никто не станет проверять пепелище. На столе стоял открытый пакет с дешевыми конфетами, в буфете стоял пакет молока и заботливо завернутые в чистую тряпицу полбатона белого хлеба.

— А книжки утащили, ироды... — вздохнула Арина. — Начала помаленьку восстанавливать библиотеку, да сама не знаю — к чему. Ведь не успею же.

Я шагнул к шкафу, потрогал корешок одной из книжек.

«Алиада Ансата».

Ведьмин травник.

Все остальное к магии отношения не имело. Десяток томиков Пушкина — причем два или три издания прижизненных. Четвертый том Гарри Поттера, сборник детективов Рекса Стаута и томик стихов Бунина «Листопад» — тоже старый, дореволюционный. Видимо, ведьмам порой хочется просто чего-нибудь почитать.

— Мне жаль, Арина, — сказал я искренне. — И твой дом... и тебя.

— Меня жалеть не надо, — спокойно ответила она. — Со мной уже все кончено. Либо Тигр меня прикончит... либо старость унесет, как только магия иссякнет. Вам-то проще, волшебникам. Просто начнете стареть, как все люди. Ты еще молодой...

— Арина, я не хочу уничтожать Сумрак, — сказал я.

Ведьма помолчала. Потом спросила:

— Почему?

— По множеству причин. Если кратко — я не верю, что Сумрак несет зло... только зло, — поправился я.

— Тигр показался тебе добрым? — поинтересовалась Арина.

— Все мы недобрые, когда нас пытаются убить.

— Врешь, — спокойно сказала Арина. — Тебя тревожит другое. Что скажет тебе дочка, когда вырастет — и поймет, что могла быть величайшей волшебницей, а стала обычным человеком. Что жена твоя постареет, морщины покроют ее лицо, а в каждом взгляде будет вопрос «за что?». Что сам ты будешь старым, больным, с одышкой и колотьем в боку, трясущимся

над скудной пенсией и стонущий от несправедливости мира... уже не в силах не только другим помочь — но и себя защитить. Ты попробовал, каково прожить без магии один вечер. И тебя это напугало.

Я молчал.

— Но у тебя нет выхода, — продолжила Арина. — Я постаралась и у меня получилось.

— Есть еще путь Веньяна, — негромко сказал я.

— Он нам не поможет. — Арина покачала головой. — Я знаю, что нравлюсь тебе... не как женщина, как человек. И ты мне нравишься. Но Веньян убил друга, которого любил больше, чем себя. Только это доказало Сумраку, что он сохранит тайну пророчества. К тому же... то пророчество, вероятно, несло беды всего лишь миллиарду китайцев. А наше — убивает сам Сумрак. Мы все эгоисты, Антон. Мы все готовы на любые поступки, чтобы защитить себя. Тигр — не исключение. Наше пророчество должно умереть с нами — или исполниться. Любой шаг ведет к поражению.

— В шахматах это называется цугцванг, — внезапно сказал Кеша.

Я посмотрел на него и спросил:

— А ты не знаешь, что мне делать?

Кеша глянул на меня как на идиота. И воскликнул:

— Мне десять лет, откуда мне знать?

— В кино в критической ситуации маленький ребенок всегда подсказывает герою гениальный ход, — сказала Арина. — Не удивляйся, Кеша. Когда взрослые мужики не знают, что им делать, они не то что ребенка — они даже женщину готовы выслушать... Антон, ты уж решайся. Тигр нас найдет быстро.

— Ты можешь перезарядить сферу? — Я протянул ей мраморный шарик.

— Кирдык ей, — осмотрев артефакт, ответила Арина. — Она не была рассчитана на то, чтобы тащить сквозь пространство четверых Иных. Если не сдохла до конца, то лет пять отлеживаться будет. Жалко, уникальная вещь, открывает порталы откуда угодно и когда угодно, в любых обстоятельствах... Нет, Антон. Больше не убежать.

— Можно, я возьму конфету? — спросил Кеша.

— Конечно, — радушно согласилась Арина. — Могу и хлебушка с молоком дать. Надя, а ты будешь молочка с хлебушком?

Здоровая психика у пацана. Интересно, что это значит? Ведь он пророк; если мы сейчас погибнем, он должен это предвидеть.

Значит, я решился?

— Я покурю, Арина, — сказал я. — Хорошо?

— Дверь открыта, — спокойно сообщила ведьма, доставая из буфета разнокалиберные чашки.

— Не боишься, что Тигр уже там и он меня прихлопнет? — спросил я, открывая дверь.

— Так это же все проблемы решит! — воскликнула Арина. — Неужто дочка за папу не отомстит?

Надя испуганно посмотрела на меня:

— Папа, не ходи!

— Надя, не бойся, — сказал я. — Арина права, Тигру нет смысла меня убивать. Скажи, а ты не можешь открыть портал?

Надя секунду помедлила, потом покачала головой:

— Извини, папа. Сумрак словно кипит. Там такая рябь и пузырьки...

Не представляю, что и где она видела. На мой взгляд — Сумрак был как Сумрак. Самый обычный.

На первом слое, во всяком случае.

Я вздохнул, открыл дверь и вышел в вечерний лес. Домик Арины стоял посреди леса, без всяких заборов, огородов и прочих излишеств. К нему вела только одна тропинка.

Единственное, что тут имелось из удобств, — это поваленное дерево неподалеку. Очень удачно упавшее и слегка зачищенное от веток, так, что оно превратилось в некую природную скамью.

Я постоял, глядя на дерево и того, кто на нем сидел.

Потом подошел, сел рядом, достал сигареты и спросил Тигра:

— Будешь?

Некоторое время молодой человек в строгом деловом костюме и светлом плаще молчал, глядя на меня. Потом сказал:

— Курить вредно для здоровья.

— Иным можно, — отмахнулся я.

— Если не станет меня, то не станет и твоей силы, — напомнил Тигр. Но сигарету взял. Она сама затлела у него в руках. Тигр затянулся, достал изо рта сигарету, недоуменно на нее посмотрел. Пожал плечами.

— Кто ты? — спросил я.

— Не тот вопрос. — Тигр покачал головой. — К чему спрашивать, ведь ты не сможешь меня проверить. Я могу сказать, что я Бог, а быть дьяволом.

— Но все-таки, если бы ответил мне, то что бы ты сказал?

Тигр с любопытством посмотрел на меня.

— Я бы сказал, что я — Сумрак. Что я личность. Что во мне отражен и слит воедино разум всех людей, которые стали Иными, прожили свою

жизнь — и ушли... ушли в меня. Что я хочу жить, хотя ты не сможешь представить, на что похожа моя жизнь. Что у меня есть свои интересы, которые ты не сможешь понять. Но все это только слова, и это те слова, что сказаны для тебя.

— Хорошо, — сказал я. — Хорошо. Тогда скажи, чего ты хочешь?

— И снова не тот вопрос! — Тигр поморщился. — Не тот! Но если тебе нужен ответ, то я отвечу — я хочу жить. Просто жить.

— Почему ты убиваешь пророков? — спросил я.

Теперь Тигр помедлил. Я вдруг заметил, что сигарета, которую он курит, не уменьшается. Кошмар врачей и табачных магнатов — вечная сигарета...

— Все ли пророчества должны прозвучать?

— Но убийства...

— Это говорит сотрудник Ночного Дозора, лично убивавший Темных Иных? — спросил Тигр.

— Ты хочешь сказать, что ты — Добро?

— Я не Добро. Я не Зло. Я Сумрак. Я хочу жить, а моя жизнь — это люди. Все, что идет на пользу человечеству, полезно и мне. Все, что идет ему во вред, вредит и мне.

Я посмотрел на избушку — и увидел в окне три лица. Арина, Надя и Кеша. Надя и Арина смотрели напряженно. Кеша пил молоко.

— Но пророчества часто несут зло. А ты позволяешь им звучать и исполняешь их.

— Я? — В голосе Тигра послышалось удивление. — Пророчество — это прорвавшийся нарыв. Кассандра не была виновата, что пала Троя. И я не был виноват. Воля человечества, его стремления и ожидания — они прорываются в мир через пророков. И если прорвались — то они исполняются. Я могу поторопить... а могу задержать... Иногда. Не более.

— А то пророчество, которое пугает Арину? — спросил я. — Которое она пыталась отменить, а в итоге... отложила? Или оно уже свершилось?

Тигр пожал плечами:

— Опять же, что тебе мой ответ? Я могу сказать то, что тебя успокоит. Но откуда тебе знать, правда ли это?

— Все равно скажи, — настаивал я.

— Я не рушу царства и не развязываю войн, — тихо сказал Тигр. — Я видел падение Киша и долгую смерть Урука, гибель Ассирии и разрушение Вавилона. Я видел, как разрушаются великие империи и угасают маленькие государства. Я видел армии, идущие нескончаемым потоком три дня и три ночи, видел разграбление городов и убийство пленных. Народы

растворяются друг в друге, меняют имена и языки. Я видел зло, из которого прорастает добро, и добро, смертоносное и безжалостное. Но все это — не я. И даже не вы, Иные, мнящие себя пастухами человечества. Все это — люди. Все это их любовь и ненависть, отвага и трусость. Тебя, как и Арину, волнует судьба твоего народа и твоей страны? Мне нечего ответить. Как нечего было ответить Веньяну. Как нечего было ответить Эразму. Только люди в итоге решают, жить им или умереть. Я палач. Но я не судья. Великая радость устраивает меня так же, как великое горе. Но и радость и горе выбирают сами люди.

— Так что же мне делать? — спросил я.

Вот теперь Тигр молчал долго. Потом сказал:

— Я хочу жить. Если вы донесете пророчество людям... значит, оно исполнится. Значит, людям больше не нужно волшебство. Не нужны те, кто отличен от других. Те, кто жаждет странного. Тянут человечество и толкают его. Тогда я погибну. И если я буду сражаться с твоей дочерью — я тоже могу погибнуть.

Он помедлил, но все-таки добавил:

— Но тут шанс есть. Она ребенок и может не справиться.

— А есть ли другой выход? — спросил я. — Чтобы не умирал ты и не умирали мы... все.

Тигр пожал плечами. И ответил:

— Ну, ты же понял все сам. В твоём вопросе уже был ответ.

Я кивнул.

— Обидно.

Некоторое время мы сидели молча. Я скурил вторую сигарету, потом третью. Совсем уже стемнело. В лесу темнеет быстро, в лесу нет сумерек. В окошке замерцало дрожащее пламя свечи.

— Ты уж извини... — неожиданно сказал Тигр.

— Да хватит вам всем передо мной извиняться! — завопил я, вскакивая. — Достали!

— Надо на что-то решиться, Антон, — кротко сказал Тигр.

— Дай мне пять минут, — сказал я.

— Десять, — кивнул Тигр, продолжая курить. Огонек то вспыхивал, то угасал в сумерках, пока я шел к дому.

Дети сидели за столом, на котором горели две свечи, притихшие и настороженные. Арина так и стояла у окна, глядя на Тигра.

— Решил? — спросила она, не оборачиваясь ко мне.

— Надя... — Я посмотрел на дочь. Ее лицо едва угадывалось в

пламени свечи. — Ты сделаешь то, что я попрошу?

— Что? — напряженно спросила она.

— У нас всего два выхода, — сказал я, глядя на нее. Хорошо все-таки, что я успел увидеть ее взрослой... пусть даже во сне.

Во сне, который не должен сбыться.

— Всегда бывает три, — упрямо сказала Надя. — Во всех сказках всегда три пути.

— Что поделать, у нас неправильная сказка. — Я попытался усмехнуться. — Всего два. Убить Тигра — и уничтожить всю магию на Земле. Все Иные станут обычными людьми. Может быть, случатся какие-то катаклизмы... не знаю.

— Магия стала злом, — напряженно сказала Арина. — Люди должны...

— Люди должны быть людьми, — ответил я. — Не будет магии — они найдут другой способ уничтожать себя.

— Так ты решил позволить Тигру нас убить? — воскликнула Арина.

— И есть второй вариант, — продолжал я, глядя на дочь. — Доказать Тигру... доказать Сумраку, что мы никогда не озвучим пророчества. Не скажем его людям. Тогда... оно не осуществится. И Тигру не нужно будет нас убивать.

— Чтобы Тигр поверил, нужна жертва, — фыркнула Арина. — Страшная жертва... бесповоротная... — Она на миг замолчала. А потом вскрикнула, возмущенно и негодуя: — Антон! Ты хочешь убить...

— Папа, ты хочешь, чтобы я тебя убила? — спросила Надя с ужасом.

Все-таки Арина бывшая Темная. Они все понимают неправильно. В отличие от Светлых.

Я покачал головой.

— Нет, доча... Я думал об этом, но... не могу оставлять тебя с таким грузом. И ведь есть еще Арина... Пообещай мне. Просто пообещай, что никогда и никому не расскажешь пророчества Эразма! И ты, Кеша, поклянись!

— Мальчика он убьет, — быстро сказала Арина. — Убьет его Тигр. На глазах твоей дочки растерзает, то-то будет ей неизлечимая психологическая травма, на всю жизнь горемычную сиротскую — мальчики кровавые в глазах...

Вот ведь зараза старая! Она даже подвывать стала, как деревенские бабки на похоронах.

Кеша горячо воскликнул:

— Я не расскажу! Никому!

— Поклянись, — повторил я. — Пусть то, что я сделаю, будет не напрасно. Поклянись.

Кеша отчаянно закивал.

Надя привстала с табуретки.

— Не надо, — попросил я. И повернулся к Арине.

— Ты не справишься, — быстро сказала она. — Мы оба Высшие, но опыта-то у меня побольше, Антон...

Я не стал ничего говорить.

То, что когда-то давным-давно рассказал мне Эдгар. На космодроме Байконур, когда я стоял напротив Кости Савушкина, своего приятеля и Высшего Вампира, собиравшегося превратить всех людей мира в Иных...

Сила прошла через меня, обдав холодом пальцы. Арина поставила «щит» — она не поняла, что я делаю.

Некоторые вещи трудно понять тем, кто слишком долго был Темным.

Сумрак вздрогнул, когда сквозь него проросли белые каменные стены. Пространство будто раздвинулось — стол, за которым сидели дети, отнесло куда-то вдаль, потолок растворился и его сменил белый сверкающий купол, пол покрыли мраморные плиты.

Мне все-таки не хватило Силы. Чуть-чуть. Но рядом был бесконечный источник — и я потянулся к дочке, зачерпнул — и пространство вокруг оформилось окончательно.

Круглый зал метров десяти диаметром, с потолком-куполом.

Ни окон, ни дверей.

Ничего.

Сверкающий белый камень, в котором заключены мы с Ариной.

Навсегда.

Саркофаг Времен — самое страшное заклинание Инквизиции. Заклинание, срабатывающее и на жертву, и на палача.

— Ты с ума сошел, — прошептала Арина и села на пол.

— Наверное, — сказал я, садясь рядом.

Здесь был воздух, и, наверное, он навсегда останется свежим.

Здесь был даже Сумрак — но ни на одном его слое из Саркофага нет выхода.

Если верить Эдгару, заключенные в Саркофаг не испытывают ни голода, ни жажды.

Им позволено вечно сходить с ума, не испытывая физических мучений.

— Его же невозможно взломать, — сказала Арина. — Ты понимаешь? Никак. Даже твоя дочь не сможет.

Я пожал плечами.

Десятиметровый пяточок белого камня. Плывущая в вечность капсула.

Интересно, сменится ли расширение Вселенной сжатием и новым Большим Взрывом? Если да, то у нас есть какой-то шанс.

Я захохотал, представляя себе миллиарды лет заточения. Арина потянулась ко мне и отвесила звонкую пощечину.

Я замолчал.

— Ты действительно ему веришь? — спросила Арина. — Сумраку?

— Не знаю. Я верю только в то, что люди сами творят свою судьбу. Люди, а не Сумрак... и не мы.

Арина помолчала. Развела руками.

— Что ж... в любом случае мы уже не узнаем ответа. Никогда.

Я полез в карман, достал пачку сигарет. Заглянул внутрь. Две штуки.

Перед лицом вечности экономить смысла не было.

— Будешь? — спросил я.

Арина вяло кивнула. Она была даже не напугана... в конце концов, она и так шла на смерть. Она была задумчива. Будто мой поступок ее поразил.

Я засунул в рот обе сигареты, раскурил и протянул одну Арине. Она удивленно посмотрела на меня.

— В каком-то старом американском кино видел, — пояснил я. — Всегда хотел это сделать.

— Вот ведь Петр, модернизатор хренов, приволок на Русь это зелье окаянное, а я же его просила этого не делать... — пробормотала Арина.

— Не ври, ты родилась, когда Петр Первый уже умер, — возразил я.

— Привыкай, нам теперь нечем заняться, кроме как байки травить, — отпаривала Арина. Затянулась. — Хотя, конечно, будут и другие развлечения. Сам понимаешь — вечность...

Я вынул сигарету изо рта и затушил о пол, глядя поверх Арины — на расступающуюся стену непроницаемого Саркофага.

Тигр стоял в проеме, за которым кипела серая мгла. Мне даже показалось, что я вижу те «пузырики», про которые говорила Надя.

— Впечатляюще, — сказал Тигр, входя в Саркофаг. — Ты знаешь, что за всю историю Инквизиции это заклинание использовали всего три раза?

Я покачал головой. Арина уже была на ногах — и, похоже, собиралась сражаться.

— В принципе это вполне убедительно, — продолжал Тигр, неторопливо идя ко мне. Арину он игнорировал. — Но тебе не приходило в голову, что твоя дочь может сделать неожиданный вывод?

— Какой? — спросил я.

Рука Тигра схватила меня за шиворот и без малейших усилий вскинула вверх.

— К примеру, такой, что если Сумрак умрет, то любимый папочка вернется из Саркофага?

— А это так? — прохрипел я, хватаясь за горло и пытаюсь ослабить воротник.

— Нет! Но разве она мне поверит?

В следующий миг Тигр рванулся вперед — и мы прошли сквозь стену.

Крик Арины оборвался за спиной, будто отрезанный.

Мы снова стояли в домике, затерянном в подмосковных лесах.

— Папа! — закричала Надя, бросаясь ко мне. Тигр отпустил мой воротник и отступил на несколько шагов. Я обнял дочку, посмотрел на него. Тигр мрачно смотрел на стоящего рядом с ним Кешу. Мальчишка будто оцепенел.

— Вот даже не думай! — сказал я.

— А какие у меня гарантии? — негромко спросил он.

— Никаких. Только мы всю жизнь без них обходимся, придется и тебе научиться.

Тигр буравил Кешу взглядом. Потом спросил:

— Мальчик-пророк... Ради собственной безопасности я должен тебя убить...

— Я не хочу! — воскликнул перепуганный Кеша и начал неуклюже пятиться в мою сторону.

— Хорошо. Так и запишем, Иннокентий Толков отказался, — произнес Тигр. И исчез.

Мы остались втроем.

— Он правда ушел? — спросила Надя. — Как ты думаешь, папа?

— Я думаю... — Я потер горло и закашлялся. Тигр меня чуть не придушил, вытаскивая из Саркофага... сил он точно не соизмеряет... — Я думаю, что существо, у которого есть чувство юмора, не может быть совсем уж плохим...

Надя всхлипнула и обняла меня крепче. Кеша помялся секунду, потом подошел и неловко ткнулся с другого бока.

— Все, все в порядке, — сказал я. — Все уже закончилось.

— А где Арина? — спросила Надя негромко.

— В Саркофаге Времен, — ответил я.

— Это значит — навсегда?

— Это значит, что еще никогда и никто не попадал в Саркофаг, из которого нельзя выйти, с Минойской Сферой, которая прокладывает

порталы откуда угодно. Не знаю, Надя. Возможно, и Тигр этого не знает.

Я и сам не знал, чего в моих словах больше — попытки утешить дочь или правды.

А еще больше не знал, хочу ли я, чтобы древняя ведьма смогла совершить немыслимый побег из темницы. Как по мне — так лучше бы она там осталась до конца времен.

— Мне попробовать открыть портал? — спросила Надя. — Сумрак успокаивается...

— Через десять минут и тридцать секунд Великие Гесер и Завулон откроют к нам портал... — внезапно сказал Кеша. Голос его изменился. Как это часто бывает с юными пророками, от испуга он начал прорицать. — Следующую неделю вы будете давать объяснения на Трибунале Инквизиции в Праге...

— Это я и сам догадываюсь... — прошептал я, глядя на растрепанную Кешину макушку.

— Вы — Антон Городецкий, — продолжал мальчик. — Вы — Светлый Иной. Вы — отец Нади. Вы... вы нас всех... вы нас всех...

Я затаил дыхание.

Повисла тишина.

— Я что-то говорил, да? — робко спросил Кеша.

Вот так всегда!

А как хотелось бы знать, правильно ли ты поступил.

Но никто и никогда не даст на это ответа.

Даже Сумрак.

В романе использованы стихи Уильяма Блейка, фрагменты из песен групп «Motor Roller», «Пикник», песни Владимира Высоцкого и Сергея Калугина.

© С.В. Лукьяненко, 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012